

Націонализмъ

и національное воспитаніе.

Проф. П. И. Ковалевскій.

НАЦІОНАЛИЗМЪ

и

НАЦІОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ

ВЪ РОССІИ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Изданіе третье,
дополненное.

С.-Петербургъ.
1912.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НАЦІОНАЛИЗМЪ.

Историческій очеркъ русскаго національнаго.

«Русскіе національнаго—людоѣды»... такъ говорятъ инородцы, ненавидящіе Россію и желающіе ей зла. Такъ говорятъ и нѣкоторые коренные русскіе, или продавшіе свою душу врагамъ отечества, или люди необразованные, или люди глупые.

«Русскіе національнаго»—люди, въ дѣйствительности всей душой любящіе свою родину и свою націю, уважающіе ея прошлое и желающіе ей славы, мощи и величія въ будущемъ. Таковы русскіе были, есть и будутъ во вѣки вѣковъ. Таковыми были чисто русскіе и русскіе изъ инородцевъ, какъ Циціановъ, Чавчавадзе и многіе другіе. Они отдавали всецѣло свою жизнь на служеніе родинѣ и безраздѣльно принадлежатъ только ей. Но за то только такіе русскіе и имѣютъ право называться русскими, сынами Великой Россіи и пользоваться всѣми правами русскихъ гражданъ.

Тѣ изъ русскихъ, кои осмѣливаются злословить свою мать Россію, кои желаютъ ей зла, кои рѣшаются, живя въ ней, дѣйствовать во вредъ ей,—это уже не русскіе. Это—враги Россіи, а потому пускай не прогнѣваются, если и мы имъ ска-

жемъ, что они не имѣютъ права на пользованіе благами русскаго гражданина.

Россія—для русскихъ—въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но гдѣ то государство, гдѣ та нація, которыя смотрѣли бы иначе? Президентъ свободной республики Рузьвельтъ заявилъ прямо и открыто: американскій гражданинъ только тотъ, кто всей душой преданъ Америкѣ. Почему въ Россіи должны думать иначе?!

Вѣковъ 12—14 назадъ въ области Карпатъ скопилось огромное множество славянства. Это было славянское человѣческое море. И вотъ его ручьи потекли на сѣверъ и поселилось это племя по Эльбѣ, Нѣману, Вислѣ и Двинѣ до береговъ Балтійскаго моря. Потекли ручьи славянства и на югъ, давъ начало славянскимъ народамъ: болгарамъ, сербамъ, черногорцамъ и т. д. Потекли они и на востокъ, давъ начало славянамъ россійскимъ или русскимъ.

На долю послѣднихъ выпала особенно счастливая участь: они заняли обширнѣйшую, плодороднѣйшую и многоводную восточную равнину Европы. На лицо было и богатство природы и пути сообщенія. Встрѣтившіеся здѣсь финскія племена не только не оказали имъ противодѣйствія, а сами подчинились и ассимилировались славянами.

Пришельцы въ какую либо страну въ своемъ новомъ отечествѣ любятъ давать названія мѣстъ, рѣкъ и поселеній прежняго своего отечества. Тоже было съ славянами. На Карпатахъ было въ

ходу названіе рѣкъ. Рось, Россейка, Русь и т. д. Поселившись на востокѣ, славяне и здѣсь стали называть свои рѣки тѣми же именами. Значительное число славянъ поселилось у Чернаго моря, почему и самое море тогда называлось Русскимъ моремъ и только нынѣ оно перекрещено въ „Черное“ море.

Охотно селились славяне и по Днѣпру и первому справа притоку Днѣпра дали названіе Рось. Отсюда и поселенцы стали зваться Россійскими славянами, Русскими и т. д. И это названіе восточныхъ славянъ встрѣчается въ греческихъ и арабскихъ источникахъ за долго до призванія въ Россію новгородскихъ князей. Постепенное ознакомленіе съ мѣстностію подвинуло юго-восточныхъ славянъ отъ Русскаго моря и Роси дальше на сѣверъ, гдѣ образовался весьма видный промышленный и стратегическій пунктъ Кіевъ. Кіевъ занималъ наиболѣе сильный пунктъ на пути «отъ варягъ въ греки», т. е. отъ Балтійскихъ славянъ и главнаго славянскаго сѣвернаго пункта Новгорода и до Русскаго моря и Константинополя. Это былъ главный путь, гдѣ поселились восточные славяне. Кромѣ того, на побережьи Русскаго и Азовскаго морей жили также наши братья славяне съ главнымъ городомъ Тмутараканью Такимъ образомъ на великой Восточной Европейской равнинѣ поселились славяне и образовали три главныхъ пункта: на сѣверѣ, вблизи Балтійскаго моря, Новгородъ, по срединѣ, на Днѣпрѣ, Кіевъ—и на югѣ, на бе-

регу Чернаго или Русскаго и Азовскаго моря, Тмутаракань. Соединительнымъ путемъ между этимъ пунктомъ былъ путь «отъ варягъ въ Греки».

Особенностью славянскихъ, между прочимъ и восточныхъ племенъ было то, что они проявляли крайнюю рознь и едва ли не враждебныя отношенія другъ къ другу [1]). Этой розни много способствовало и то, что племена жили не вкупѣ, а разбросанными по всему лицу великой восточной равнины. Поэтому, не смотря на храбрость и воинственность, они не представляли собою цѣлой, грозной, могучей силы. Некому было ихъ объединить. При недовѣріи другъ къ другу, такимъ объединителемъ не могъ явиться человѣкъ, вышедшій изъ ихней же среды. Объединителемъ явился варягъ, князь Рюрикъ.

Говорятъ, Варяги происходятъ отъ норманъ. Это совершенно не вѣрно. Варягами назывались кочующіе военные отряды, составленные какъ изъ норманъ, такъ и изъ другихъ прибалтійскихъ народностей, жившихъ по Балтійскому побережью. Скорѣе всего Рюрикъ и его дружина вышли изъ славянскаго племени Вендовъ. Это доказывается тѣмъ, что весь пришлый владѣтельный элементъ варяговъ не далъ нашимъ предкамъ ничего своего ни въ языкѣ, ни въ религіи, ни въ учрежденіяхъ, ни въ нравахъ и обычаяхъ. Не дали они ничего новаго нашимъ предкамъ потому, что они

[1]) *Проф. П. И Ковалевскій.* Исторія Россіи съ національной точки зрѣнія.

сами были славяне и всецѣло слились съ призвавшими ихъ славянами.

Призванные русскіе князья явились первыми объединителями восточныхъ славянъ. И дѣйствительно, уже Олегъ объединилъ славянъ трехъ важнѣйшихъ пунктовъ славянскихъ поселеній. *Святославъ, первый національный русскій вождь*, князь—богатырь, закончивъ это объединеніе, прихватилъ къ сему и многія финскія племена. При Святославѣ уже Россія стала единымъ сильнымъ и мощнымъ государствомъ. Россія Святослава была грозою и для грековъ и для западныхъ народовъ. Этотъ князь явился цементомъ русскаго племени и доказалъ великую силу и мощь *самодержавія* въ славянскомъ племени. Самодержавіе первыхъ князей это есть органическая основа бытія, величія и мощи послѣдующей Россіи. Это не есть нѣчто искусственное, а національная особенность русскаго народа и нашего государства. Почему русскіе націоналисты въ числѣ основъ своего національнаго символа вѣры кладутъ *самодержавіе*. Вторымъ объединительнымъ элементомъ на ряду съ самодержавіемъ, націоналисты ставятъ *православіе*.

Для разъединеннаго и живущаго въ розни народа требовалась опека и руководительство. Такими опекунами и были князья и духовенство. Но всякая медаль имѣетъ лицевую и оборотную сторону. Съ вокняженіемъ князей, Россія стала мощною и великою. Но для поддержанія силы и мощи

даннаго общества требовалась дружина. Эта дружина прежде всего являлась минусомъ для работы и экономическаго производства общества. Кромѣ того, вся эта дружина требовала содержанія. Народъ долженъ былъ работать и на себя и на дружину. Точнѣе говоря, народъ обращался въ рабовъ и лишался той воли, той свободы, которою онъ пользовался до вокняженія. Это была первая основа закрѣпощенія. Въ данномъ состояніи Россіи народу присуще было національное чувство—князю же и правящему классу—національное самосознаніе. Національное чувство, какъ и всякое чувство, будетъ тѣмъ ярче и гѣмъ напряженнѣй, чѣмъ люди свободнѣй и привольнѣй. Рабство угнетаетъ человѣка и подавляетъ его чувства,—а потому и національное чувство русскаго народа въ періодъ появленія элемента рабства, должно было тускнѣть и меркнуть. Но то была только часть русской невзгоды.

Русь, центръ которой теперь перешелъ на югъ, въ Кіевъ, подверглась серьезной бѣдѣ—нападенію печенѣговъ, торковъ, черныхъ клубуковъ, половцевъ и проч. Всѣ эти хищники, нападая на государство,—людей рѣзали и брали въ полонъ, а имущество грабили и жгли. Кто страдалъ? Народъ.

Россія считалась владѣніемъ не князя, а княжескаго рода. Такая система породила удѣльное княженіе, а послѣднее борьбу за удѣлы, междоусобицу и самоистребленіе. По обычаю того вре-

мени, междоусобица сопровождалась разбоемъ, пожарами, полономъ и убійствами. Кто страдалъ? Народъ. Особенно же страдалъ народъ южной части Россіи, на которую всѣ накидывались, какъ на житницу. Разореніе же народа вело къ усиленію рабства, а усиленіе рабства, еще больше подавляло національное чувство.

Татарское иго доканало все.

Югъ Россіи сталъ пустѣть. Все, что не было вырѣзано, то стремилось бѣжать. Многіе изъ русскихъ южанъ бѣжали во Владиміро-Суздальскую землю, гдѣ подчинили себѣ финскія племена и ассимилировали ихъ, создавъ наибольшую вѣтвь русскаго племени—*великорусскую*. Другая часть бѣжала въ Польшу и Венгрію, а часть устремилась къ Литвѣ.

Южная Русь опустѣла.

Тамъ бродили остатки недорѣзаннаго русскаго племени,—туда устремились разбросанные остатки торковъ, черныхъ клубуковъ и половцевъ,—тамъ селились отдѣльные роды татарской орды.

Вскорѣ, однако, стало не въ моготу южнымъ бѣженцамъ въ Польшѣ и Венгріи. Религіозное насиліе папежства заставило русскихъ бѣженцевъ вспомнить о своей матери, южной Россіи Они вернулись гуда, смѣшались съ бродячими остатками и составили особую вѣтвь русскаго племени *малорусскую вѣтвь*, какъ бѣженцы въ Литву, подъ вліяніемъ смѣшенія съ послѣднею, составили вѣтвь *бѣлорусскую*. Но всѣ эти три вѣтви: вели-

корусская, малорусская и бѣлорусская представляли собой одно единое, нераздѣльное *русское племя*.

Въ періодъ удѣльнаго княженія Россія разбилась не только на отдѣльныя вѣтви, но на мелкіе до безконечности удѣлы, постоянно враждовавшіе между собою и истреблявшіе другъ друга. Такая рознь, естественно вела къ ослабленію государства и его безсилію.

Все, что только могло, ополчилось на Россію и бросилось ее грабить. Тутъ были и татары, и поляки, и венгры, и шведы, и нѣмцы и кто угодно. А больше всѣхъ простираетъ свою захватную руку на Россію Римскій папа, которому очень хотѣлось окатоличить Россію. Россія распадалась. Россія была раздираема. Россія была какъ бы на краю гибели. Невозможно, чтобы не нашлось мощнаго человѣка, который бы не понялъ причины гибели Россіи въ ея удѣльномъ спорѣ и не постарался бы ее спасти. Такіе люди нашлись и такими людьми оказались московскіе князья.

Уже Андрей Боголюбскій понялъ смыслъ и значеніе житія одного княжества и объединеніе удѣловъ въ однихъ рукахъ. Онъ первый, получивъ великокняжескій престолъ въ Кіевѣ, не бросилъ своего удѣла и не передалъ въ удѣлъ кому другому,—а, оставшись княжить на мѣстѣ, поставилъ въ зависимость отъ себя самый Кіевъ. Съ этихъ поръ мало по малу, частица по частицѣ, къ Суздали стали прилипать мѣстечки, города и

цѣлые удѣлы. Тутъ были пущены въ ходъ и родство, и купля и насиліе. Потомки Андрея перенесли центръ средоточія западнѣе, въ Москву, подальше отъ орды.

Іоаннъ Калита проявилъ особую заботливость къ увеличенію своей области, а Димитрій Донской называлъ себя «великимъ княземъ всея Россіи».

Домовитости и хозяйственному смыслу московскихъ князей Россія обязана тѣмъ, что русское государство стало вновь крѣпнуть, увеличиваться и получать значеніе и мощь. Ко времени Іоанна Грознаго Московская Русь не только объединила всѣ отдѣльныя части, но стала присоединять и прежде не принадлежавшія ей земли. Такъ присоединились всѣ земли по Волгѣ и Каспійское море,—а затѣмъ и Сибирь. Все это стоило Россіи и крови и средствъ.

Благодаря Московскому собиранію, объединенію Руси, Россія стала такъ сильна и велика, что даже смутное время не погубило ее. Всѣ сословія Руси, особенно же среднее, духовенство и казачество во чтобы то ни стало пожелали имѣть царя православнаго и самодержавнаго. Въ этихъ двухъ элементахъ вся изстрадавшаяся Россія видѣла себѣ спасеніе, а въ будущемъ счастье, величіе и мощь государства. Ни папа, ни Жигмонтъ, ни шведы не смотря на полную смуту въ Россіи, ничего не могли съ нею сдѣлать. Россія опять стала самодержавною и осталась православною. Нельзя не отмѣтить въ этомъ періодѣ особенной заслуги ду-

ховенства и церковныхъ учрежденій. Когда все гибло все колебалось, Троице-Сергіева лавра явилась опорою и защитою Руси православной. Это была великая сила, дѣйствительно объединившая Россію и спасшая ее и нравственно и политически.

Національное чувство, не смотря на страшный пережитый гнетъ и тяжелое рабство, еще было сильно въ народѣ.

При избраніи царя на русскій престолъ были сторонники и королевича Владислава и Жигмонта, но эти сторонники стояли на одномъ, чтобы ихъ избранники были самодержавными и непремѣнно православными.

Цари изъ дома Романовыхъ неукоснительно стремились къ усилію русскаго государства и расширенію его границъ. Много было пролито крови, много затрачено средствъ государствомъ, но строительство государственное шло крѣпко и прочно. Эти великіе строители и намъ завѣщали стоять твердо въ защиту пролитой нашими предками крови и затраченныхъ средствъ. Это составляетъ третій основной принципъ націоналистовъ *нераздѣльность имперіи или единодержавіе*. Нѣтъ слова, Монгольское иго причинило Россіи много зла. Сотни тысячъ людей погибли въ бою, истязаніяхъ и мученіяхъ,—еще больше отведено было русскихъ въ полонъ. Земля была разорена и сожжена.

Но была для русскихъ и своя выгода въ татарскомъ порабощеніи. Изъ всѣхъ славянъ одни

только русскіе славяне сохранили свою національную самобытность и свою національную личность. Всѣ прочіе подверглись не менѣе гибельному нравственному игу католичества и западничества, потерявъ свои основныя черты. Но сохранивъ свою національную самобытность, русскіе надолго отстали отъ остальной Европы въ знаніяхъ и просвѣщеніи. Замкнутые и отдѣленные Китайской стѣной національнаго, русскіе огбились отъ папизма и западническаго воздѣйствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишены были возможности пользоваться плодами науки и просвѣщенія.

Не смотря на всѣ перечисленныя невзгоды, русскій народъ до петровскаго времени былъ необыкновенно національенъ. Это былъ національнаго животный, инстинктивный, біологическій, но онъ спасъ Россіи ея самобытность. Россія не имѣла Китайской стѣны физически, но такая стѣна существовала морально, какъ она существуетъ тысячелѣтія и до сего дня у евреевъ... Сохраняя только замкнутостью свою самобытность, свою національную чистоту, русскіе, въ силу своей строгой отчужденности, много отстали отъ просвѣщеннаго Запада. Много тому помогъ и гнетъ татарскаго ига. По освобожденіи отъ ига, русскимъ нужно было собраться, объединиться и укрѣпиться. Когда это свершилось, оказалось: Россія была выше, но темнѣе.

И вотъ Великій Петръ рѣшилъ дать своей род-

ной землѣ тѣ знанія, тѣ науки, то просвѣщеніе, какихъ ей не доставало.

Въ стѣнѣ, отдѣляющей Россію отъ Западной Европы, императоръ Петръ прорубилъ окно. Черезъ то окно онъ внесъ въ свою родину свѣтъ знанія, просвѣщеніе и науку. Онъ пригласилъ ученыхъ и опытныхъ людей. Онъ послалъ въ Европу учиться русскую молодежь. Онъ самъ поѣхалъ туда учиться. Какъ, великій націоналистъ, онъ выписалъ людей свѣдущихъ учить уму разуму своихъ темныхъ подданныхъ; но эти учителя ясно, точно и опредѣленно знали, что они призваны *только учить*, но *не господствовать*. Они были учителя, но не начальство. Обучили и долой. Русскіе въ Россіи были и народъ и власть,—а иностранцы наемники. Не стало Петра Великаго и дѣло приняло другой оборотъ. Всѣ эти шведы, нѣмцы, французы и пр. забрали Россію въ свои цѣпкія руки и стали повелѣвать ею, какъ своею собственностью... Теперь вся Россія поступила въ рабство, припомните Бирона, Миниха, Остермана... Каково же было положеніе нашихъ князей, бояръ и дворянъ?.. Какой тутъ могъ быть русскій націонализмъ...

Правда, скоро много посбили спѣси у этихъ проходимцевъ, тѣмъ не менѣе эти выходцы сохранили свое *особенное* положеніе даже и до дня сего... Очень часто они окружали царей непроницаемымъ кольцомъ и никого изъ русскихъ къ престолу не допускали...

Русскіе князья, бояре и почетные служилые люди были если не оттѣснены, то часто далеко не въ томъ почетѣ, какой имъ подобалъ. Имъ приходилось быть сдержаннѣе и осторожнѣе въ своихъ мысляхъ и чувствахъ, ибо впереди ихъ стояли гордые, властолюбивые, самоувѣренные, если не пахальные инородцы. Русскій національнзмъ, самое большое, только былъ терпимъ. Къ нему инородцы относились свысока, пренебрежительно, если не презрительно

Такимъ образомъ первое доброе начинаніе Великаго Петра при его слабыхъ пріемникахъ дало горькій плодъ.

Были и другія благія начинанія Петра, которыя при его пріемникахъ превратились во зло для русскаго національнаго быта. Великій Петръ создалъ Великую Россію. Но для того, чтобы Россія оставалась великою требовалось войско,—требовались деньги. Собирать и то и другое въ столь большомъ государствѣ было въ то время крайне трудно. Для лучшаго успѣха въ томъ дѣлѣ создавались помѣстья и являлись тамъ помѣщики Помѣщики доставляли войско изъ подвластныхъ имъ крестьянъ и платили подати трудами и заработками ихъ крестьянъ. Въ свѣтлые годы, крестьяне работали на помѣщика,—въ годъ недорода и голода, помѣщики кормили своихъ подвластныхъ. Разумѣется, это не нравилось крестьянамъ и они переходили съ мѣста на мѣсто, и отъ помѣщика къ помѣщику. Тогда то, во избѣжаніе такихъ не-

доразумѣній, крестьяне были закрѣпощены. Явилось крѣпостное положеніе. Явилось крѣпостное право.

Какъ Франція, такъ и Германія не остается безъ послѣдователей. Національнзмъ вспыхиваетъ и въ сосѣднихъ государствахъ. Національнзмъ охватываетъ Италію, охватываетъ Испанію и наноситъ этимъ великій вредъ самой наполеоновской Франціи.

Первое явное и рѣзкое проявленіе національнзма встрѣчается въ лицѣ Императора Петра I. Вся его жизнь, всѣ его труды, всѣ его старанія направлены на величіе, славу и честь Россіи. Онъ весь, вся его жизнь—только для Россіи. Очень стоитъ вспомнить знаменитый рескриптъ Петра I сенату изъ Прутской арміи. Военныя дѣла Петра стояли плохо Всей арміи и ему самому грозилъ плѣнъ. И вотъ онъ пишетъ сенату:

«Господа сенаторы: увѣдомляю васъ черезъ сіе, что я со всѣмъ моимъ войскомъ, безъ нашей вины и ошибки, но только чрезъ ложно полученное извѣстіе, окруженъ въ четверо сильнѣйшимъ турецкимъ войскомъ, такимъ образомъ и столько, что всѣ дороги къ провозу провіанта пересѣчены, и я безъ особенной божеской помощи ничего, какъ совершенное наше истребленіе или турецкій плѣнъ, предусматриваю. Если случится послѣднее, то *не должны вы меня почитать царемъ, вашимъ государемъ*, и ничего исполнять, чтобы до вашихъ рукъ ни дошло, *хотя бы то было своеручное мое повелѣніе*, покамѣстъ не увидите

меня самолично. Если я погибну и вы получите вѣрное извѣстіе о моей смерти, то изберите между собою достойнѣйшаго моимъ преемникомъ. Петръ».

Можно ли ожидать большаго великодушія и самопожертвованія во славу, честь и величіе своей родины, какъ только что высказанное Петромъ...

Вторымъ великимъ національнымъ русской земли является достойный ученикъ Петра, народный геній—Ломоносовъ. Всю свою славную жизнь онъ отдалъ родинѣ и шелъ открыто въ борьбѣ за русскіе интересы въ Академіи Наукъ. Послѣ Великаго Петра Петербургская Академія наукъ наполнилась нѣмецкими бездарностями, замѣщавшими не рѣдко мѣста въ видѣ приданаго за дочерьми академиковъ. Эти труфии доходили до явнаго безчинства, выдавая наглыя сочиненія умышленно позорящія Россію и русскихъ. И вотъ Ломоносовъ повелъ энергичную борьбу противъ этихъ наглецовъ и тунеядцевъ, которые не перевелись и доселе. Особенно же знаменита его баталія противъ проходимца Мюллера, который хотѣлъ произнести безстыдную рѣчь въ открытомъ засѣданіи Академіи Наукъ относительно происхожденія предковъ Рюрика и его рода. Тутъ Ломоносовъ дошелъ до императрицы и достигъ своего. Рѣчь не была произнесена.

«Какъ при Петрѣ I, такъ и Екатеринѣ II, когда въ Россіи исключительно господствовала національно-патріотическая, Русская политика,—

тогда и духовное настроеніе Русскаго общества и вся культурная его жизнь, а также и школы, отличались твердымъ патріотическимъ направленіемъ» (И. П. Корниловъ [1]). Императрица Екатерина II, нѣмка по происхожденію, вскорѣ сознала свое положеніе—матери Великой Россіи и всю свою жизнь отдала на познаніе силы, величія и мощи Россіи. Высоко образованная, она смущалась положеніемъ ея подданныхъ крестьянъ и указомъ приказала снять званіе «рабовъ». Это, однако, не мѣшало А. С. Пушкину сказать: «Екатерина уничтожила званіе рабства. но раздарила около милліона государственныхъ крестьянъ и закрѣпостила вольную Малороссію и польскія провинціи» (614). Съ кончиною Екатерины II и съ воцареніемъ Павла I, рѣзко и круто измѣнился весь строй и направленіе государственной политики и Русская исключительно-національная политика замѣнилась разорительною для Россіи политикою вмѣшательства въ посторонніе интересы. Съ конца 1796 г. русская политика имѣла въ виду не одни русскіе интересы, но также интересы чуждыхъ намъ государствъ и народовъ, которые, какъ извѣстно, нерѣдко платили Россіи, за ея великодушную и безкорыстную помощь, черною неблагодарностью». Такъ было въ царствованіе императоровъ Павла I, Александра I, и II, Николая I—и только Александръ III отступился отъ этого ложнаго пути. «При вступленіи на пре-

[1]) *И. П. Корниловъ.* Задача русскаго просвѣщенія.

столъ Павла I, и Александра I, издревле установившаяся система была нарушена. Означенные государи стали отступать отъ вѣками укоренившейся государственной, строго національной и патріотической системы управленія подчиняться различнымъ случайностямъ и чуждымъ внушеніямъ... Съ этого времени иностранцы получили широкій доступъ не только на низшія, но и на высшія государственныя должности» (И П. Корниловъ). При всѣхъ вышеназванныхъ императорахъ Русскіе интересы были какъ бы на второмъ планѣ. Верховная власть въ міровой политикѣ слишкомъ много жертвовала русскими интересами для интересовъ другихъ націй. Эту политику едва ли можно было назвать строго національной. И только Императоръ Александръ III твердо установилъ принципъ «Россія для русскихъ»

Много сдѣлано было вреда для Россіи въ царствованіе Александра I, когда русскій народный національный духъ спасъ Россію отъ пашествія двадесяти языкъ и возвысилъ ее въ Европѣ до небывалой высоты даже при Петрѣ I и Екатеринѣ II.

Особенно много вреда русской націи и русскимъ интересамъ въ царствованіе Александра I было сдѣлано въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Литва, Бѣлоруссія и часть Малороссіи были присоединены въ царствованіе Екатерины II. Тогда же приняты были и серьезныя мѣры къ тому, чтобы укрѣпить и поддержать русскій народъ и русское направ-

леніе въ этихъ губерніяхъ. Наиболѣе цѣлесообразными мѣрами для этого признаны были русскій языкъ и русская школа.

И вотъ въ царствованіе Александра I враги Россіи употребили самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы нетолько уничтожить все то, что сдѣлано было Екатериною, но и вовсе изгладить всякое русское воздѣйствіе и ополячить какъ литвиновъ и бѣлоруссовъ, такъ и находящихся тамъ русскихъ людей. Средствами для этого были опять таки языкъ и школа, а въ придачу къ этому и церковь,—только не русскія, а польскія. И нужно сознаться, польскіе патріоты достигли своей цѣли въ совершенствѣ.

«На коренной русской землѣ снова стали открываться въ значительномъ числѣ, при латинскихъ и уніатскихъ монастыряхъ и въ костелахъ, политическія, враждебныя намъ, польскія школы... Космополитизмъ Александра I замедлилъ культурное и экономическое развитіе Россіи и неблагопріятно повліялъ на всю систему русскаго общественнаго воспитанія и обученія».

«Въ январѣ 1803 г. Россія была раздѣлена на шесть учебныхъ округовъ, изъ которыхъ только Петербургскій и Московскій ввѣрены были русскимъ сановникамъ Новосильцеву и Муравьеву,—Виленскій же и Харьковскій округа полякамъ—Адаму Чарторійскому и Потоцкому,—а Дерптскій и Казанскій нѣмцамъ Клингеру и Мантейфелю».

Всѣ учебныя заведенія, вся культурная жизнь

и дѣятельность въ Западныхъ Русско-литовскихъ губерніяхъ были отданы въ полное распоряженіе и управленіе злѣйшимъ врагамъ русскаго государства, православія и русской культуры—кн. Чарторійскаго и его сообщниковъ: Ѳаддея Чацкаго, Гуго Коллонтая, Яна Снядецкаго и др., а также въ руки польскихъ іезуитовъ и различныхъ латинскихъ монастырскихъ орденовъ... Типичнымъ представителемъ русскаго космополитизма того времени былъ первый министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій, который при Екатеринѣ II усердно служилъ русской національной политикѣ»...

О результатахъ дѣятельности этихъ господъ вотъ что пишетъ кн. Хованскій въ 1824 г. «Въ Бѣлоруссіи, со времени присоединенія ея къ русской державѣ, воспитаніе юношества находилось въ рукахъ католическаго и уніатскаго духовенства, образованіе онаго заключалось въ школахъ, учрежденныхъ при кляштарахъ іезуитскихъ, піарскихъ и другихъ монашескихъ орденовъ... Науки преподаются на польскомъ или латинскомъ языкахъ,—словесность заключается въ обученіи польскому, латинскому, нѣкоторымъ иностраннымъ языкамъ, а русскій остается въ совершенномъ небреженіи... Существенная система наставниковъ въ сихъ училищахъ состоитъ въ томъ, чтобы въ учащихся поселить духъ чистаго полонизма, въ чемъ они и достигли своей цѣли .. Бѣлоруссы, не смотря

1) Архивъ Министерства Народ. Просвѣщ., № 26265.

на давность присоединенія края, питаютъ какое-то равнодушіе и непріязнь къ кореннымъ русскимъ и ко всему русскому».

Самъ Императоръ не только не склоненъ былъ укрѣпить русскій элементъ въ западномъ краѣ и обрусить не русскія народности, но даже хотѣлъ создать изъ Польши самостоятельное государство и выдѣлить къ нему литовскія и бѣлорусскія губерніи. Я позволю себѣ привести здѣсь выдержки изъ письма нашего знаменитаго историка Н. М. Карамзина, къ императору Александру I отъ 17 октября 1819 г.

«Государь! Вы думаете возстановить Польшу въ ея цѣлости, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ .. «Царство Мое нѣсть отъ міра сего» сказалъ Христосъ, а *граждане* и *государство* въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить враговъ, но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ войскамъ оборонять государство. Вы христіанинъ, но Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи... Вы исполняете законъ государственный... естественной обороны необходимой для существованія гражданскихъ обществъ. Какъ христіанинъ, любите своихъ личныхъ враговъ; но Богъ далъ Вамъ царство и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность *исключительно заниматься благомъ онаго* .. Если мы захотимъ быть христіанами—политиками, то впадемъ въ противорѣчія, въ несообразности. Меня ударятъ въ лапиту, я, какъ христіанинъ, долженъ подставить другую; непріятель

сожжетъ нашъ городъ: впустимъ ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепелъ?.. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди, и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца... Вы думаете возстановить древнее королевство польское; но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и съ самою справедливостью? Во первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете ли Вы, творецъ священнаго союза, объявить ей войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости? ибо Вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ австрійскимъ. Во вторыхъ, можете ли Вы съ мирною совѣстью отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденныя въ собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Бѣлоруссія, Волынь, Подолія вмѣстѣ съ Галиціей были нѣкогда коренным достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ... Уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого заблагоразсудится? Россія, Государь, безмолвна предъ Вами; но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже

храни!) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго отечества—доброй, сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить Ваши поляки. Извиняемъ ихъ; но Васъ бы мы, Русскіе, не извинили, если бы Вы, для ихъ рукоплесканій, ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! отвѣтствую Вамъ головою за сіе немнимое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу русскихъ и знаю ихъ; мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю, остыли бы душою къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ, унизились бы не только передъ другими, но и передъ собою... А Вы, Государь, тщитесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу. Однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу. Нѣтъ, Государь, никогда поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками»...

Таково было правдивое и открытое слово истиннаго сына своей родины Россіи, своему Государю.

Имѣя постояннымъ сподвижникомъ юношескихъ и зрѣлыхъ лѣтъ поляка Адама Чарторійскаго, императоръ Александръ I невольно подался ему

и тѣмъ возбудилъ неудовольствіе людей, любившихъ Россію и знавшихъ объ этомъ его намѣреніи. Декабристы, исторія которыхъ разыгралась по смерти Александра I, народилась именно при Александрѣ Въ основу ихъ кружка легли идеи французскихъ и нѣмецкихъ націоналистовъ того времени

Еще Michlé проводилъ настойчиво ту идею, что національность служитъ къ единенію и укрѣпленію государства. И дѣйствительно, величіе Франціи шло рядомъ и соотвѣтственно напряженію съ напряженіемъ французскаго націонализма. Баронъ Монтескье въ его «L'esprit de lois», въ IV книгѣ настойчиво требуетъ воспитанія юношества въ духѣ націонализма, полагая въ этомъ силу, славу и величіе Франціи. Символъ монархіи—честь, символъ республики — добродѣтели, символъ деспотіи—страхъ. Это исповѣданіе стало проповѣдью французскихъ революціонеровъ. Не тотъ символъ вѣры, къ сожалѣнію, былъ вожакомъ нашихъ революціонеровъ 1905 г., во главѣ которыхъ стояли жестокосердые и человѣконенавистные жиды, грубые и невѣжественные армяне и проч. Наши революціонеры проповѣдывали не любовь, равенство и братство, а страхъ и жестокую деспотію. Позорными памятниками ихъ подвиговъ служатъ тысячи искалѣченныхъ ими заводскихъ лошадей и сотни тысячъ лучшихъ кровныхъ овецъ... Равенство французскихъ республиканцевъ состояло въ стремленіи превзойти другъ друга въ услугахъ отече-

ству. Французская республика имѣла главнѣйшею задачею также *единство и не раздѣльность государства*. Государство являлось непреодолимымъ, когда оно было національно.

Въ 1806 г. Фихте въ Германіи является великимъ націоналистомъ и всѣми силами проповѣдываетъ національное воспитаніе. Тоже, между прочимъ, проповѣдуетъ и нашъ революціонеръ Бакунинъ. Онъ требуетъ, чтобы воспитаніе юношества было національнымъ на языкѣ родины и съ глубокой любовію и преданностью родинѣ. При Фихте въ Германіи организуется горячо національный кружокъ «Союзъ добродѣтели» (Tugenbund), который такъ настойчиво проводитъ искренній націонализмъ.

Въ царствованіе Александра I, на ряду съ его намѣреніемъ возстановить Польшу, съ надѣленіемъ ее русскими владѣніями, вспыхиваетъ очень острый и яркій націонализмъ. Во главѣ русской національной партіи стоитъ А. С. Шишковъ. Въ царствованіе явнаго космополита мечтателя Александра I пишутся удивительно національно зажигательные манифесты, какъ напр къ русскому народу по окончаніи войны 12 года, смоленскому дворянству, войску Донскому и проч. Эти манифесты какъ бы писаны кровію и огненными буквами. Нельзя читать ихъ безъ волненія и увлеченія... И всѣ эти манифесты писаны рукою А. С. Шишкова [1]). Въ это время въ

[1]) Высочайшіе манифесты и указы, относящіеся къ войнѣ 1892 г. Изд. Всероссійскаго Національнаго клуба, 1912 г.

Россіи было двѣ интеллигентныхъ партіи: партія горячихъ націоналистовъ съ А. С. Шишковымъ во главѣ и партія космополитовъ съ Н. М. Карамзинымъ во главѣ. Изъ писемъ Карамзина видно, что это былъ за космополитъ...

Но какъ бы подъ тѣнью всего этого, совершенно отдѣльно, независимо и само собою возникло новое теченіе, теченіе въ самомъ обществѣ, въ его молодежи и особенно въ войскѣ. Въ теченіи многолѣтнихъ войнъ въ Европѣ русская военная молодежь успѣла ознакомиться и увлечься и національнымъ увлеченіемъ французовъ и особенно національнымъ теченіемъ Германіи. Интеллигенція всѣхъ странъ того времени была весьма національна. Весьма естественно, что и русская военная интеллигенція увлеклась націонализмомъ. Германскій Tugenbund былъ перенесенъ почти цѣликомъ въ «Общество добродѣтели» нашей русской молодежи и послужилъ ядромъ общества будущихъ декабристовъ. Тутъ разрабатывалась идея освобожденія крестьянъ и реформа самоуправленія; тутъ же зрѣлъ рѣзкій отпоръ и идеѣ выдѣленія части Россіи въ пополненіе свободной Польшѣ. Этотъ протестъ выливался въ весьма рѣзкую и рѣшительную форму. Виднѣйшими дѣятелями въ этомъ направленіи являлись И. Д. Якушкинъ, П. И. Пестель и др.

Такимъ образомъ въ царствованіе Александра I ярко и одновременно существуютъ въ Россіи рѣзкій космополитизмъ со склонностью поддержанія дру-

гихъ націй въ ущербъ коренной державной націи,—и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкій націонализмъ въ администраціи, научныхъ сферахъ и интеллигеціи.

Въ царствованіе Николая I вмѣшательство въ чужія государственныя дѣла за счетъ русской коренной націи продолжаются. Мы дѣлали Венгерскую компанію, мы заступались за грековъ и проч., а русскій народъ является только вѣрнымъ подданнымъ. Въ воспитательномъ отношеніи мы стоимъ не лучше. «Космополитизмъ, укоренившись въ министерствѣ народнаго просвѣщенія съ самаго его основанія, произвелъ въ нашемъ педагогическомъ дѣлѣ величайшее зло: онъ внесъ въ Россіи школы и въ наше общественное воспитаніе національное и нравственное безразличіе и подорвалъ основы патріотическаго православнаго воспитанія старой Русской школы» (И. П. Корниловъ).

Особенно жалкое положеніе націонализма было въ царствованіе Александра II. Малѣйшіе намеки Каткова, славянофиловъ и проч. на русскій патріотизмъ,—слово націонализмъ даже не употреблялось,—вызвали глупую и пошлую, но весьма ядовитую фразу «о квасномъ патріотизмѣ». Нужно было посмотрѣть, съ какимъ презрѣніемъ произносилась эта фраза.

Самъ Императоръ Александръ II всею душею любилъ Россію и Русскій народъ. Первою его заботою было, по восшествіи на престолъ, освободить народъ отъ крѣпостной зависимости и уничтожить рабство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ широко

космополитически либеральнаго направленія. Принявъ отъ своего родителя конецъ Крымской войны, которая преслѣдовала не русскія, а общечеловѣческіе интересы, Александръ II не закончилъ на этомъ, а предпринялъ освобожденіе отъ турецкаго ига и сербовъ и болгаръ. Такимъ образомъ русская кровь лилась и народный трудъ тратился не на Россію, а опять только на славянскіе общечеловѣческіе интересы.

У престола стояли нѣмцы, шведы, поляки и другіе инородцы. Отъ нихъ можно ли было ожидать Россіи національнаго направленія... Были въ небольшомъ числѣ и истинно русскіе люди, славные бояре прежняго времени: княжескія фамиліи, родовитыя дворянскія фамиліи. Всѣ эти люди были преданные вѣрноподданные своего государя, достойные сыны своей родины, въ большинствѣ высокообразованные и искренно желавшіе добра тому несчастному рабу, о которомъ всей душой заботился юный государь. Перечитывая исторію разработки вопроса освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, нельзя не поражаться тѣмъ искреннимъ единодушіемъ, съ которымъ лучшіе люди государства, русскіе магнаты старались помочь юному государю облегчить участь дѣйствительно несчастныхъ рабовъ.

Да и было о чемъ позаботиться Положеніе крѣпостныхъ во многихъ случаяхъ было болѣе, чѣмъ ужасно. Въ губерніяхъ сѣверныхъ и среднихъ, особенно, гдѣ владѣльцами были русскіе крупные

помѣщики, родовитые дворяне, положеніе крестьянъ зачастую было не только сносное, но прямо достаточное. Многіе крестьяне графовъ Шереметевыхъ вышли въ именитое купечество,—другіе если были и меньше счастливы, то во всякомъ случаѣ жили безбѣдно.

Иное положеніе было крестьянъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, особенно вдали отъ центровъ,—а также и въ тѣхъ крупныхъ хозяйствахъ, гдѣ помѣщики годами живали за границей, въ имѣнія навѣдывались и поручали все хозяйство на руки управляющихъ изъ нѣмцевъ, чеховъ, поляковъ и проч. Не мало тоже въ Новороссіи появилось помѣщиковъ изъ инородцевъ, сербовъ и проч. Во всѣхъ этихъ случаяхъ положеніе крестьянъ было очень тяжелое. Крестьяне стояли въ полной зависимости отъ управляющихъ. Управляющіе не брезгали возможностью добрую часть помѣщичьихъ доходовъ класть себѣ въ карманъ,—но это не мѣшало имъ вытягивать всѣ соки изъ крестьянъ.

Слухи о «волѣ» ходили по землѣ давно и въ царствованіе Александра I, и въ царствованіе Николая I и въ царствованіе Александра II. Мелкіе помѣщики приходили въ ужасъ отъ мысли остаться безъ рабовъ и въ ожесточеніи старались возможно полнѣе выкологить свое обезпеченіе. Трудно себѣ представить, что нибудь ужаснѣе положенія этого крестьянства. Я лично засталъ крѣпостничество въ послѣдніе годы его существо-

ванія. Особенно ужасно было оно вдали отъ центровъ въ Малороссіи и Новороссіи. Крестьянское положеніе южныхъ губерній было нѣсколько иное, чѣмъ въ центрѣ Россіи, или на востокѣ и сѣверѣ. На югъ былъ занесенъ слѣдъ еще польскаго крѣпостного права, гдѣ на «быдло» смотрѣли хуже чѣмъ на скотъ и гдѣ помѣщикъ надъ крестьянами имѣлъ право жизни и смерти.

Да и то правда, крестьяне зачастую теряли образъ человѣческій. Это были существа, очень похожія на человѣческія,—мелкія, худыя, блѣдныя съ косматой головой и съ такой же бородой. Одѣвались они въ тряпки изъ холста, или въ овечью шкуру,—на ногахъ опорки или тряпки. Жили они или въ землянкахъ, или въ жалкихъ хаткахъ. Дальше своей деревни—мало кто зналъ другой свѣтъ. Эти крестьяне главнымъ образомъ обрабатывали землю, добывали хлѣбъ и составляли изъ него деньги, которыя за тѣмъ должны были перейти въ карманъ помѣщиковъ и управляющихъ. Правда, часть хлѣба давали и крестьянамъ для ѣды, но этотъ хлѣбъ часто бывалъ съ примѣсью мякины... Личность такихъ несчастныхъ, какъ люлей, была ничѣмъ не обезпечена. Я лично видѣлъ случаи, когда отца семьи продавали въ одну сторону, мать—въ другую, а дѣтей въ третью. Крѣпостные съ легкой душой смѣнялись на собакъ, лошадей и др. предметы. Управляющіе и помѣщики проявляли свои права не только на женскій трудъ, но и на личность женщины.

Крестьяне были не только безсильны, но и безправны...

Можно ли было отъ жалкихъ полуживотныхъ, полулюдей (питекантроповъ) ожидать національнаго? Да, былъ онъ и у нихъ,—но какъ теменъ и туманенъ. Былъ онъ и у нихъ, ибо и они были кое-какіе люди.. Былъ онъ у нихъ хоть и въ слабой степени, хоть и туманенъ, а все-таки не меньше, чѣмъ у людей и просвѣщенныхъ, но съ агрофированнымъ національнымъ чувствомъ...

Возьмемъ хотя бы администрацію. Высшія должности занимались преимущественно иностранцами, или инородцами, относившимися къ Россіи по меньшей мѣрѣ презрительно,—а болѣе низшія административныя должности занимались хотя и русскими, но либералами, космополитами, съ презрѣніемъ относившимися къ «квасному патріотизму».. Оффиціальныя сферы вырабатали «человѣка» и презрительно относились къ «русскому человѣку».

Многіе русскіе ѣздили за-границу и почти на всѣхъ изъ нихъ «заграница» вліяла пагубно въ національномъ отношеніи. Болѣе глупые, видя заграницей культуру, роскошь и удобства, возвращались домой съ презрѣніемъ и омерзеніемъ ко всему русскому. Они пріѣзжали домой только затѣмъ, чтобы собрать крохи деньжонокъ изъ тѣхъ же питекантроповъ и опять вернуться заграницу. Другіе понимали науку и просвѣщеніе запада, цѣнили его, ставили его идеаломъ для родины,—

но къ родинѣ и къ родному относились или безразлично и безучастно, или съ намѣреніемъ искорененія всего русскаго и насажденія заграничныхъ началъ. Если тѣ и другіе люди поступали на службу, т. е. помощниками и исполнителями велѣній инородныхъ высшихъ административныхъ властей, то едва ли русскій національнзмъ могъ найти въ нихъ своихъ вѣрныхъ слугъ.

Дворянство и общество въ большинствѣ относилось къ народу сочувственно и благожелательно,—но во всемъ этомъ говорило не родное русское чувство, а космополитическій либерализмъ, заставляющій трактовать и стремиться къ свободѣ личности и правахъ «человѣка». Интеллигенція—люди, стоящіе у науки, литературы, образованія—безусловно были на сторонѣ страдающаго народа,—безусловно добивались его свободы и человѣческаго существованія. Къ тому стремились и западники и славянофилы,—но тѣ и другіе печалились о спасеніи «человѣка», а не «русскаго человѣка». Развѣ славянофилы нѣсколько думали и заботились о Россіи и русскихъ интересахъ, да и то относительно. Катковъ, Хомяковъ, Аксаковъ, Самаринъ, Киреевскій, Пушкинъ и др., вотъ немногія дорогія имена, для которыхъ слова «Россія» и «Русскій» были не пустые звуки.

Нужно добавить, что въ это время въ общество «русское» и «русскую интеллигенцію» уже пробиваются инородцы: поляки, жиды крещеные, армяне, нѣмцы и ловко стараются воспользовать-

ся общественнымъ либерализмомъ послѣ Крымской войны въ пользу угнетаемыхъ поляковъ, нѣмцевъ, армянъ и жидовъ.

Либеральная бюрократія нисколько не стѣснялась давить и угнетать русскій народъ,—но она была особенно жалостлива къ инородцу.

Въ силу ложнаго фарисейскаго либерализма теперь всѣ возопили объ угнетеніи поляковъ, евреевъ, финновъ, армянъ и пр. Всѣмъ этимъ инородцамъ дали просторъ, дали свободу, приняли въ интеллигенцію. Ряды русской интеллигенціи пополнились поляками, евреями, армянами и проч. Въ силу необыкновенной наглости однихъ и патологической скромности другихъ, вышло такъ, что инородческій элементъ взялъ верхъ въ интеллигентномъ слоѣ и открылъ безстыдную ругань на все русское, на все народное. Стало возможнымъ позорить свое родное. А русскіе интеллигенты или позорно молчали, или подло поддакивали,—это называлось либеральными направленіями... Не тоже ли мы видѣли и теперь въ нѣкоторыхъ партіяхъ нашей Думы... Естественно, что наше правительство, говоритъ лидеръ національной партіи П. Н. Балашовъ, занятое всесторонним оздоровленіемъ русскаго населенія посредствомъ испытанія всего русскаго, мало обращало вниманія на окраины, предоставляя имъ права и преимущества, въ большинствѣ случаевъ, значительно превышающія права коренного населенія. Вскорѣ правительство пошло дальше и рѣшило этихъ пасынковъ

перевести въ «истинныхъ сыновъ Россіи», что-бы они всѣ стали родными сыновьями...

Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что либеральная бюрократія, сдобренная значительнымъ числомъ инородцевъ, систематически подавляла все національное и способствовала подъему инородческому въ ущербъ державной націи...

Вотъ что говоритъ объ этой эпохѣ нашъ націоналистъ-публицистъ М. О. Меньшиковъ [1]). Съ конца восемнадцатаго столѣтія интеллигенція наша увлечена въ общеевропейскій революціонный потокъ, въ отрицаніе дѣйствительности, коль она есть, въ попыткѣ создать что-то новое, совсѣмъ не похожее на природу общества. Первымъ слѣдствіемъ этого революціоннаго движенія въ Россіи былъ упадокъ національнаго чувства. Вторымъ слѣдствіемъ революціонной проповѣди было то, что образованные наши классы отошли отъ практическаго труда и погрязли въ безбрежной метафизикѣ, въ самомъ дѣлѣ, усомнившись въ древнихъ профессіяхъ, составлявшихъ ткань общества, усомнившись въ военномъ дѣлѣ, въ административномъ, въ церковномъ, въ дворянско-помѣстномъ и проч., образованные люди во всякій личный трудъ свой внесли невольное пренебреженіе къ нему, нравственное отрицаніе... Подтачиваемый со всѣхъ сторонъ древній органическій трудъ, слагавшійся естественно, какъ вся природа, дѣй-

[1]) М. О. Меньшиковъ. Молодая Россія.

ствительно одряхлѣлъ, ткани его, подмѣненные ненастоящими людьми, ослабѣли, культурный трудъ—особенно въ формѣ государственной—упалъ въ своемъ качествѣ. Все это разстроило и разслабило натуральное стремленіе общества и подготовило почву для внѣдренія инородческаго паразитизма. Эти разслабленные народные проповѣдники прививали изнѣженныя и разслабленныя чувства, выражали отвращеніе къ народному мужеству, внѣдряли страхъ къ борьбѣ Въ то время, какъ эти либералы мечтали о всечеловѣчествѣ, о вселенской правдѣ, о вселенскомъ единеніи, о призваніи русскаго народа всѣмъ служить и всѣмъ уступать, народъ дичалъ, покинутый безъ всякаго культурнаго руководства. Буржуазія дичала. Бюрократія обильно разбавленная инородчиной, мертвѣла. Аристократія втягивалась въ либеральное безстрастіе и въ полный для своей родины нейтралитетъ, скорѣе враждебный, чѣмъ сочувственный [1]). Національнзмъ маниловской Московской школы клонитъ непремѣнно къ самоуниженію, къ самоопороченію, къ низведенію племени нашего на степень подстилки для народовъ, т. е. то, что говорятъ нѣмцы относительно славянъ... Мы, русскіе, почему-то обязаны поражать весь свѣтъ своимъ великодушіемъ, должны, какъ пеликаны дѣтей, кормить своею кровью всѣхъ,—даже не собственныхъ дѣтей. Не кто иной, а мы должны отвое-

[1]) М. О. Меньшиковъ. Новый и старый національнзмъ.

вывать права для чужихъ народовъ,—мы обязаны освобождать угнетенныхъ славянъ, мы же должны награждать ихъ конституціями,—мы же обязаны давать имъ полный доступъ въ свое тѣло паразитнымъ племенамъ и устраивать для нихъ государства въ своемъ государствѣ...

Состоящее изъ такихъ мягкотѣлыхъ либераловъ наше правительство [1]) и въ теоріи и на практикѣ держалось взгляда, что государство должно безразлично относиться ко всѣмъ національностямъ, какія есть въ Россіи и отнюдь не отдавать особеннаго предпочтенія — русской. Правительство, какъ исполнительный органъ *всего* государства, полагало, что оно обязано держать нейтралитетъ въ борьбѣ мелкихъ инородческихъ національнализмовъ съ народомъ русскимъ.

Вотъ та атмосфера, въ которой культивировался русскій національнализмъ начала царствованія Александра II.

Но вотъ эмансипація совершилась. Крестьяне были освобождены. Милліоны людей получили званіе человѣка и избавлены отъ рабства. Государство претерпѣло громадный переворотъ. Помѣщики спѣшили воспользоваться выкупными деньгами и безумно ихъ тратили. Управляющіе реализировали припрятанные ими капиталы покупкою опустѣвшихъ помѣщичьихъ имѣній. Крестьяне, освободившись отъ вѣковой опеки, не знали, что съ

[1]) М. О. Меньшиковъ. Успѣхи національнализма.

собою дѣлать и какъ приняться за дѣло. Они приблизились къ человѣку, но не стали еще людьми. Это были антропоиды, — существа, стоящіе близко къ человѣку.

Дѣло эмансипаціи не ограничилось освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Эти существа получили равноправіе со всѣми людьми. Они стали равными со всѣми не только передъ Богомъ, но и передъ закономъ. Все это ставило въ необычное положеніе и крестьянина и въ особенно опасливое положеніе бывшихъ помѣщиковъ.

Это «пагубное» направленіе равноправія передъ судомъ, а еще болѣе пагубное пробивающееся кое-какое самосознаніе мужика не могло не возбудить ужаса въ душахъ «благонамѣренныхъ» людей.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не могло не отразиться и дѣйствительно отразилось на отношеніи къ ней интеллигенціи — это самая дорогая и самая важная часть любого общества. Это мыслящая часть общества. Это глава его, мысль его, жизнь его. Сюда относятся: ученые, писатели, журналисты, студенты и т. д. Какъ самая чуткая, мыслящая и наиболѣе реагирующая часть, интеллигенція не можетъ не быть національной. Наибольшая часть націи, ея тѣло, ея главные соки, ея трудъ и кровь — это простой народъ. Во всѣхъ государствахъ этой части націи наихуже всего живется. Поэтому интеллигенція по своему уму, не можетъ не интересоваться тѣмъ, что составляетъ главную

основу жизни націи—ея народомъ,—а по своей порядочности и чистотѣ она не можетъ не интересоваться народомъ потому, что это самая страдательная часть націи. Въ силу этого интеллигенція всегда должна быть національна. И въ большинствѣ такъ это и бываетъ.

Такъ было и у насъ, въ Россіи «Мы не станемъ отрицать того,—говоритъ проф. Локоть [1]), что центральной идеей, окрашивавшей мировоззрѣніе русской интеллигенціи съ самаго появленія ея на общественной сценѣ, была идея освобожденія крестьянъ, т е. идея, самымъ тѣснымъ образомъ связанная съ жизнью великаго коллектива—многомиллионной массой крестьянства, вполнѣ справедливо присвоивать болѣе широкій общественный титулъ — *народа*... Идея освобожденія крестьянъ давала основное содержаніе духовному облику русской интеллигенціи вплоть до 1861 г. И эта идея покоряла, подчиняла себѣ интеллигенцію, выходящую нетолько съ низовъ населенія, но и изъ самыхъ верховъ имущей аристократіи». «Эта разночинная интеллигенція, по самому своему соціальному характеру и происхожденію не могла не быть демократичной. Получилась картина полнаго сплошного демократизма всей русской интеллигенціи».

Съ наступленіемъ эмансипаціи крестьянъ, положеніе интеллигенціи нѣсколько измѣняется. Стра-

---

[1]) *Проф. Локоть.* Оправданіе національнаго, 4.

данія народа не являются уже столь тяжкими, какъ прежде Цѣпь рабства снята. Народу дана свобода. Національныя качества народа космополитическую интеллигенцію мало интересовали. Русскій народъ не являлся для интеллигенціи острымъ, жгучимъ вопросомъ дня. Въ силу космополитизма, его стали интересовать вопросы побочные—судьбы человѣчества. На сцену выходятъ національные вопросы поляковъ, малороссовъ, евреевъ Интеллигенція выбираетъ своимъ кумиромъ свободу человѣка,—а ловкіе инородцы успѣваютъ создать въ ней симпатіи къ автономизму и сепаратизму тѣхъ именно націй, за завоеваніе которыхъ ея предки проливали море крови.

Космополитизмъ еще болѣе одолѣваетъ интеллигенцію и увлекаетъ ее отъ націи и своего народа. Космополитическая и совершенно безнаціональная бюрократія была еще и того хуже.

Между тѣмъ освобожденный народъ сталъ сознавать себя и понимать свои права.

Являлась великая опасность для государства Нужно было придумать мудрую, цѣлесообразную и рѣшительную опеку надъ своевольными крестьянами. Для этого былъ выпущенъ на этихъ, не съумѣвшихъ еще осмотрѣться и устроиться, людей цѣлый институтъ полиціи: исправники, становые, окружные, урядники и т. д. и т. д.,—напущена была цѣлая туча чиновниковъ, придуманы были особыя мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленія и т. п. Въ это-то время народились и утвердились

особенно извѣстные термины внутренней политики, какъ «Кузькина мать», «ежевыя рукавицы», «Сидорова коза», «Маковъ цвѣтъ», «страна, куда Макаръ телятъ гоняетъ»,—«палестины, гдѣ и Макаръ телятъ не гонялъ» и проч.

Между тѣмъ, какъ ни опекали народъ, какъ его ни обезличивали и не давили,—народъ самъ по себѣ способный и даровитый давалъ много порослей, которые пробирались въ среднія школы, достигали высшихъ школъ и завоевали себѣ мѣсто на пиру жизни интеллигенціи.

Правда, шествіе его по жизненному пути давалось ему съ большимъ трудомъ. Вверху, въ университетѣ и проч. все было занято, все было наполнено. Тамъ царили разночинцы. Тамъ были остатки интернаціональныя и офранцуженныхъ помѣщиковъ, поповичи, купецкіе сыновья, инородцы, поляки, нѣмцы, крещеные и некрещеные евреи и т. п. Сюда-то и попалъ «кухаркинъ сынъ».

Близилось время, время, когда антропотитекъ превратится въ настоящаго человѣка и властно скажетъ: теперь и я человѣкъ,—позвольте и мнѣ воспользоваться моимъ правомъ человѣка и трудами моей плоти и крови, моего пота и моихъ рукъ..

Это былъ моментъ ужасный. Почти 1905 г. . Бюрократы купались въ холодномъ поту, въ ожиданіи этого момента. Полиція и чиновники изъ всѣхъ силъ выбивались, чтобы подавить и огнѣспить этотъ натискъ. Министерство Просвѣщенія не отставало... Кузькина мать постоянно была обезпо-

каеваема. Макаркины палестины усердно заселялись... а безпокойству и конца не видно было. Понадобился даже Лорисъ-Меликовъ.

Но вотъ явился императоръ Александръ III и все затихло, все успокоилось. Этотъ царь всю свою жизнь отдалъ своей родинѣ и своему народу. Онъ поднялъ его просвѣщеніе. Позаботился объ уменьшеніи обложенія. Обратилъ вниманіе на его жизнь и всѣ мѣры принялъ къ тому, чтобы поднять его благосостояніе, просвѣщеніе и нравственность. Послѣ Императора Петра I и Екатерины II, это былъ виднѣйшій царь своего народа, *царь національный*. При немъ возгласъ *Россія для русскихъ* громогласно раздался по всей Руси.

И эту мысль онъ исповѣдывалъ не только на словахъ, но проводилъ ее и на дѣлѣ. И многіе, многіе вздрогнули отъ этого клича и внутри Россіи и внѣ ея. Невольно у враговъ Россіи дрогнуло сердце при мысли, неужели проснулся колоссъ... Екнуло сердце и у любящихъ свою родину при мысли: и мы будемъ жить... Нѣтъ, успокойтесь... Колоссъ не проснулся. Онъ открылъ только одинъ глазъ и опять заснулъ.

Почему такая неудача? Почему Россія не встрепенулась при этомъ призывѣ? Почему этотъ кличъ даже изъ устъ всесильнаго и всемогущаго монарха не пробудилъ Илью Муромца. Не пришѣ время.

Для проявленія національнаго самосознанія требуется прежде всего *сознаніе своего личнаго собственнаго* достоинства, сознаніе *человѣческаго*

достоинства. Нужно, чтобы человѣкъ прежде *сознал*ъ, *что онъ человѣкъ, и призналъ въ другомъ человѣкѣ такого же человѣка.* Уважая самого себя въ себѣ, человѣкъ и въ другомъ человѣкѣ уважаетъ самого себя, и только уважая другого, онъ можетъ требовать уваженія къ себѣ. Только на этомъ самосознаніи и на признаніи въ ближнемъ человѣка зиждется долгъ по отношенію къ Богу, родинѣ и т. д. Безсознательное богопочитаніе есть обрядность и идолопоклонство, и только сознательное богопочитаніе есть молитва. «Познай самого себя»—это изреченіе должно быть первымъ лозунгомъ каждаго образованнаго человѣка,—вслѣдъ за которымъ и въ тѣсной связи съ нимъ долженъ идти второй лозунгъ: «Познай свою родину» (Стриндбергъ).

Россія въ царствованіе Императора Александра III состояла изъ массы темнаго народа, чиновниковъ и небольшой группы интеллигенціи.

Масса народа—это были еще рабы. Они родились рабами и воспитывались рабами. Они не только не были осмысленными русскими, но не были еще и людьми. Если у нихъ и просыпалась любовь къ родинѣ, то эта любовь была любовь темная, прирожденная, инстинктивная, не освѣщенная сознаніемъ.

Высшіе чиновники государства были преимущественно инородцы, нѣмцы, шведы, поляки и проч. Въ самомъ лучшемъ случаѣ они могли быть патріотами,—но вмѣстѣ съ тѣмъ они были націо-

налистами, но національностями своего народа, а не русскими, къ которымъ они относились свысока, если не пренебрежительно и презрительно. Были славные русскіе вельможи, великаго ума и безпредѣльной любви къ родинѣ,— но ихъ было мало. Остальные чиновники были людьми въ футлярѣ, безъ націи, обезличенные, что однозначно съ рабомъ, только полуцивилизованнымъ.

Интеллигенція состояла изъ инородцевъ, или если и изъ русскихъ, то, въ силу естественной тогда реакціи на прежнее рабство, изъ интернаціоналовъ.

Могли ли эти люди поддерживать идею Александра III?

Неудачѣ этой идеи Императора-націоналиста много способствовала и другая причина.

Призывъ Императора Александра III палъ на каменистую почву и на почву, заросшую терніями и волчцами. Національная идея до этого времени была систематически и весьма плодотворно вытравливаема трудами въ дѣлѣ воспитанія народа графа Д. Толстого, графа Делянова, а главное его безсмертныхъ сотрудниковъ.

Графъ Д. Толстой царствовалъ въ 70—80 годахъ. Въ это время изъ слоевъ низшаго народонаселенія въ просвѣщенную среду пробивался кухаркинъ сынъ. Онъ успѣвалъ пройти Сциллу и Харибду Кузькиной матери и Макаркиныхъ палестинъ и благополучно добирался до университета. Въ это же время явился изъ Женевы инородче-

скій *нигилизмъ*. Этотъ нигилизмъ нашелъ необыкновенно плодотворную почву въ тогдашнемъ юношествѣ. Это былъ періодъ реакціи на вѣковые устои русской государственности. Нигилизмъ отрицалъ Бога, отрицалъ царя, государство, родину, семью, отца, мать и т. д.,—и взамѣнъ этого не давалъ ничего... Nihil.

Если въ тогдашней молодежи не было ничего національнаго, то и лучшее общество тогдашнее не могло послужить національнымъ примѣромъ для молодежи. «Только недавно передовые русскіе перестали стыдиться говорить между собою по-русски. Я еще хорошо помню время, когда степень образованія измѣрялась свободностью французскаго изложенія мысли», говоритъ Д. И. Менделѣевъ... Да прошло ли то время совсѣмъ и теперь.

И вотъ графъ Толстой, тогда министръ народнаго просвѣщенія, человѣкъ безспорно умный, рѣшилъ задержать этотъ умственный развратъ и направить нигилистическую пляску въ русло человѣчества и истиннаго гражданства. Образцами античной Греціи и славнаго Рима онъ захотѣлъ воспитать русское юношество и дать Россіи гражданъ столь же сильныхъ, столь же мощныхъ и столь же славныхъ, каковы были великіе герои Спарты и Рима. Наилучшимъ способомъ для этого онъ призналъ за благо введеніе изученія классицизма въ его оригинальныхъ произведеніяхъ. Образцами героевъ Греціи и Рима онъ хотѣлъ воспитать въ

русскихъ юношахъ—сознаніе собственнаго достоинства, уваженіе къ другому человѣку, сознаніе долга, любви и преданности къ родинѣ и т. д. Только ли такими соображеніями руководствовался графъ Толстой—трудно сказать. Многіе утверждаютъ, что въ основѣ его начинаній лежали гораздо болѣе низменные поводы и побужденія Если таковыя побужденія, можетъ быть, и были у графа Толстого, то во всякомъ случаѣ они не были извѣстны всѣмъ его сподвижникамъ, за что говоритъ имя попечителя московскаго учебнаго округа, князя Н. П. Мещерскаго, когорый, какъ мнѣ лично извѣстно, былъ идеально честнаго ума и сердца и безпредѣльной любви, преданности и самопожертвованія къ родинѣ. Этотъ человѣкъ немедленно вышелъ въ отставку съ водвореніемъ Делянова въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Сподвижники графа Толстого были классики глубокихъ убѣжденій, какъ А. И. Георгіевскій, Н. А. Любимовъ и др.

Задумано и сдѣлано. Машина была заведена и пущена въ ходъ. Но машиниста перевели въ другое мѣсто, а другой машинистъ, особенно его прислужники, поняли его идею совсѣмъ иначе и артистически провели ее въ жизнь съ своемъ духѣ.

Для проведенія въ жизнь идей Толстого нужно было, чтобы и сами воспитатели въ первую голову были примѣрными греческими и римскими гражданами въ Россіи и послужили образцомъ для юношества, а также, чтобы и лица министерства

на дѣлѣ исповѣдывали эту мысль. Требовались умѣнье, терпѣнье, любовь къ родинѣ, любовь къ юношеству и безграничная преданность, какъ въ воспитателяхъ, такъ и въ министерствѣ. Но ничего подобнаго не было ни въ воспитателяхъ, ни въ министерствѣ. Вмѣсто того тамъ царилъ безстыдный карьеризмъ, протекціонизмъ и быть можетъ сознательное противодѣйствіе націонализму, а главное безпардонное и безграничное указаніе Кузькиной матери, «гдѣ раки зимуютъ» и Макаркиныхъ палестинъ.

Идею графа Толстого графъ Деляновъ и его присные поняли съ другой стороны. Молодежь пытлива, молодежь увлекающаяся, молодежь безпокойна, бурна и стремительна.

Чтобы ею управлять, нужно имѣть терпѣніе, выпосливость, правдивость и любовь. А до того ли карьеристамъ... И вотъ они классическіе идеалы и истинный классицизмъ превратили въ школьный или классный классицизмъ, т. е. въ систему, въ силу которой совершенно подавлялась человѣческая личность, человѣческая душа, человѣческая иниціатива.

Вмѣсто пониманія возведено было въ идеалъ зазубриваніе и вмѣсто духа классическихъ героевъ —форма классическихъ языковъ. Географія, исторія родины, русская литература были оттѣснены на самый задній планъ, впереди же всего шли латинскій и греческій языки.

Довольно будетъ сказать: гимназисты свободно

переводили съ латинскаго на греческій языкъ и съ греческаго на латинскій и не умѣли грамотно писать порусски. Чего же дальше...

Но главная цѣль была достигнута. Знаніе и любовь къ работѣ были убиты. Очень-очень крѣпко была внѣдрена ненависть ко всему, что имѣло видъ русской власти, русскаго направленія, русской вѣры. На смѣну явились невѣріе, отрицаніе, ненависть и презрѣніе ко всему существующему вокругъ,—реальный и активный нигилизмъ и отрицаніе.

Всякая умственная инициатива была подавлена въ корнѣ. Сознаніе собственнаго достоинства было въ душѣ глубоко вытравлено. Умственная и душевная нивилировка была наисовершеннѣйшая, всѣ приведены были къ одному знаменателю. Людей не было. Были манекены. Получились бездушные, безсмысленные, тупые подавленные и разбитые люди, годные на одно—безпрекословно подчиняться, подчиняться первому попавшемуся коноводу, но скорѣе, въ силу духа отрицанія, коноводу анархисту. Это было Панургово стадо, во главѣ котораго стояли даже не козлы, а бараны и ослы. Школа убила бога, убила національность, убила государственность, убила общественность, убила семью, убила человѣка.

Не легко далось это графу Делянову. Иродъ царь Іудейскій избилъ 30,000 младенцевъ мужского пола, а графъ Деляновъ сдѣлалъ это сторицею. Стонъ стоялъ въ Россіи отъ воплей родите-

лей и просвѣщаемыхъ и безбожно изгоняемыхъ изъ школы дѣтей. Поступало въ школы 100 мальчиковъ, а оканчивало 10. Гдѣ же остальные дѣвались?

На улицѣ. Въ кадрахъ хулигановъ. Въ объятіяхъ революціи ..

Да гдѣ же имъ и быть... Не получивши образованія, безъ всякихъ знаній, безъ диплома, безъ надежды получить гдѣ бы то ни было кусокъ хлѣба, озлобленные, безъ вѣры, безъ національности... куда имъ?.. Проклятья остались памятникомъ этому министерству...

На эту-то почву, вспаханную и политую кровью и ненавистью ко всему въ мірѣ—палъ призывъ Александра III.

Диво ли, что онъ вызвалъ малую реакцію...

Но если даже мы оставимъ въ сторонѣ то подавляющее, то обезличивающее, то нивелирующее воздѣйствіе школьнаго классицизма, которое такъ энергично внѣдрялось Деляновымъ въ средней школѣ, то и помимо этого пагубное вліяніе для государства заключалось въ вытравленіи въ дѣтяхъ всего національнаго и въ созиданіи изъ нихъ *человѣка, космополита*. Вотъ почему наши классическія не національныя гимназіи готовили не борцовъ, не людей мощныхъ, а слизняковъ и слюняевъ, неграмотныхъ, безъимянныхъ, воспитанныхъ на мертвыхъ языкахъ и пригодныхъ только для вымиранія.

Помимо всѣхъ прочихъ недостатковъ нашего

школьнаго *классицизма*, нужно указать и на то, что онъ *не подходилъ къ духу и времени нашего народа*. Изъ насъ, русскихъ, хотѣли сдѣлать грековъ и римлянъ. Это тоже, что цыпленка заставить быть утенкомъ и плавать по водѣ, а утенка превратить въ цыпленка. Мы, русскіе, люди сѣвера, холодной и однообразной природы, которая требуетъ изученія, знанія и великаго труда. Такова и натура русскаго. «Приноровиться, приглядѣться къ дѣлу, обнять его понемногу, упорнымъ трудомъ—составляетъ истинный пріемъ реализма, говоритъ Д. И. Мендѣлеевъ,—и это дѣло истиннаго гражданина русской земли. Не даромъ между русскими учеными больше всѣхъ успѣли выдвинуться реалисты». Классицизмъ же ведетъ къ раціонализму, порождаетъ эгоизмъ и карьеризмъ, «который дали, даютъ и будутъ давать среднія школы классическаго типа... Тамъ, гдѣ основаніе народной исторіи идетъ прямо отъ латынянъ, классическое образованіе прекрасно отвѣчаетъ цѣлямъ государства, но у насъ и въ наше время, когда надо отвоевать отъ природы, а не отъ людей, главныя условія роста народнаго и когда раціоналистическія попытки и красныя слова потеряли во всемъ свѣтѣ свой прежній вѣсъ, средневѣковая система образованія—сущее зло... Англичане, у которыхъ до сихъ поръ классическое образованіе довольно распространено, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, все таки въ цѣломъ обладаютъ многими жестокими и несимпатичными

сторонами... Это приписываютъ обыкновенно характеру народа, а, по мнѣ, это плоды классическаго образованія Англіи» (Д. И. Менделѣевъ).

Нужно ли насиловать русскую натуру классицизмомъ, — натуру, отличающуюся добротою, мягкостью, благодушіемъ и склонностью къ самопожертвованію, доказательствомъ чему служитъ цѣлый рядъ войнъ за освобожденіе славянъ...

При всѣхъ вышеуказанныхъ условіяхъ, кто же могъ въ Россіи поддержать высокую идею Александра III?

Теперь, когда Верховная власть 17 октября 1905 г. признала самосознаніе русскаго народа настолько установившимся, что призвала гражданъ къ принятію участія въ устройствѣ и управленіи государствомъ, *сознательный русскій націонализмъ* долженъ вспыхнуть въ той мѣрѣ, въ какой онъ и можетъ вспыхнуть въ народной массѣ, начинающей жить сознательной національной жизнью. Теперь дѣйствительно настало время его мощнаго господства и вліянія въ теченіи государственной жизни.

Въ настоящій моментъ мы вступаемъ въ *младенческій періодъ національнаго самосознанія и сознательнаго русскаго націонализма.*

Какъ и слѣдовало ожидать, въ столь юной гражданской странѣ, въ странѣ, можно сказать, гдѣ гражданственность еще въ младенческомъ состояніи, проявленіе національнаго духа выражается несмѣло, отдѣльными вспышками, вразбродъ и не-

достоточно настойчиво. И это весьма естественно. Русскіе еще не успѣли столковаться и сплотиться,— а очень многіе изъ активныхъ общественныхъ дѣятелей состоятъ изъ инородцевъ, сепаратистовъ и продажныхъ русскихъ либераловъ, въ интересахъ коихъ стоитъ не содѣйствіе развитію народнаго духа, а противодѣйствіе ему. Пресса тоже въ огромномъ большинствѣ инородческая и всѣми способами помогаетъ этому противодѣйствію. Даже между настоящими русскими нашлись предатели и іуды, которые не считаютъ за позоръ и безчестье клеймить свою мать—родину... А мы, русскіе, еще такъ рабски запуганы, такъ малодушны, такъ не привычны высказывать свое личное мнѣніе, что не рѣшаемся достойно и по заслугамъ оцѣнить и заклеймить дѣянія и тѣхъ и другихъ. Сознавая такую слабость нашаго національнализма, въ этотъ моментъ инородцы постарались такъ поднять свой мелкій инородческій національнализмъ, что открыто заговорили объ автономіи, сепаратизмѣ и даже разрушеніи господствующей націи на благо ихъ, инородцевъ...

Весьма понятны озлобленіе и даже ярость русскихъ инородцевъ по отношенію къ русскому нарождающемуся національнализму. Это естественная попытка убить нарождающійся національнализмъ въ моментъ его нарожденія, in statu nascendi. Теперь онъ еще слабъ, юнъ, хилъ и теперь его легче подавить и съ нимъ справиться. Горе, если онъ разовьется. Тогда придется ему подчиниться.

Понятна и наша слабость въ моментъ возникновенія національнаго. Многіе изъ насъ современники, а другіе дѣти рабовъ или рабовладѣльцевъ; а потому у насъ нѣтъ еще той силы духа, той духовной мощи, той національной храбрости, какова у настоящихъ, спокойно развивающихся, гражданъ. Отстаивать свою національность далеко не легко. Примѣромъ тому служатъ евреи. Тысячелѣтія они защищаютъ и открыто охраняютъ себя отъ всѣхъ,—а и имъ стыдно бываетъ иногда открыто признаться, что они евреи. И какъ часто они прячутся за то русское имя, которое они такъ ненавидятъ. Изъ стыда за свою націю, за свою народность, г. Бродскій отказался отъ своего еврейскаго имени и принялъ русское, христіанское. Вѣроятно, ему было чего стыдиться... Но наша нація чиста и безупречна и безчестно стѣсняться ее открыто исповѣдывать, а еще подлѣе хулить.

Мнѣ мало понятна та душевная низость, то предательство, та подлая безсердечность, съ которыми сыны, или, точнѣе, выродки Россіи позволяютъ себѣ грязнить и чернить свою мать, Россію, самою мерзкою и гнусною клеветою,—или обкрадывать ея государственныя и народныя средства. Единственнымъ объясненіемъ можетъ быть то, что во всѣ времена были Хамы и Іуды и кадеты и интенданты.

Въ то время, какъ наше національное русское чувство спало и было подавлено, національнымъ

другихъ народностей Россіи вспыхнулъ съ наибольшею силою и сталъ настолько мощный, что раздались голоса объ автономіи народностей, населяющихъ Россію, о сепаратизмѣ, о возсозданіи новыхъ государствъ на развалинахъ Россіи... Не рано ли начался дѣлежъ?!.. И не преждевременны ли похороны...

«Русская интеллигенція эпохи до и послѣ освобожденія крестьянъ, говоритъ проф. Локоть, съ правомъ можетъ быть названа не только прогрессивной, но и демократической... И западническое и славянофильское теченія русской интеллигенціи—въ эпоху 40—60 годовъ въ сущности шли по одному общему руслу и ихъ *рѣзкое, непримиримое расхожденіе начинается только послѣ освобожденія крестьянъ, съ выступленіемъ «инородческаго» вопроса*, встрѣтившаго такого сильнаго противоборника въ лицѣ бывшаго защитника Каткова, рѣзко раздѣлившаго достаточно единую до тѣхъ поръ русскую прогрессивно-демократическую интеллигенцію на два уже почти непримиримыхъ теченія: космополитически-прогрессивное и національно-консервативное, изъ которыхъ первое оспаривало для себя исключительную честь считаться демократическимъ, а второе совершенно напрасно и даже мало основательно стало отказываться отъ этой чести».

Въ настоящее время большинство русской интеллигенціи не только анаціонально, но прямо антинаціонально. Оно порабощено соціальнымъ

космополитизмомъ и сепаратизмомъ и съ этой точки зрѣнія является явнымъ и рѣзкимъ противникомъ и врагомъ своей націи и своей родины.

Общественная драма русской радикальной интеллигенціи усилилась именно съ того момента, когда въ ея мировоззрѣніи стали господствовать принципы и идеалы космополитизма и соціализма, какъ воплощенія безконечно отдаленнаго будущаго соціальнаго строя».

«Только *національная интеллигенція*, т. е. *интеллигенція, проникнутая живымъ чувствомъ кровной своей связи съ данной національной группой*, найдетъ въ себѣ животворящее ощущеніе прочной связи съ общественнымъ коллективомъ; только она будетъ активно и чутко относиться къ интересамъ рѣдкой общественной группы; только она будетъ имѣть дѣйствительное право на интеллектуальное и общественное представительство своей группы, только она будетъ имѣть нравственное право на вліяніе, на видоизмѣненіе всего уклада моральнаго и общественнаго міровоззрѣнія массъ того коллектива, съ которымъ она кровью связана. *Безъ національнаго живого чувства и сознанія интеллигенція* это—*отбросъ* общественныхъ группъ, накипь на нихъ, годная только въ качествѣ механической служебной силы для господствующихъ группъ и отчасти для государства, поскольку государство является подчиненнымъ болѣе сильнымъ, государственнымъ группамъ».

«Національно - демократическое міровоззрѣніе не можетъ не быть консервативнымъ въ государственномъ смыслѣ· для національной демократіи, какъ представительницы главнымъ образомъ мелкихъ и среднихъ массъ, политическій прогрессъ страны мыслимъ только въ формѣ эволюціоннаго процесса, медленно созидательнаго, но не разрушительнаго, всегда связаннаго съ тормазомъ въ производительномъ трудѣ, съ уничтоженіемъ накопленнаго труда, накопленной общественной энергіи».

«Въ основѣ національно - демократической партіи—національное начало». Оно является естественной и могущественной объединяющей силой для общественныхъ группъ не только независимо, но даже въ извѣстныхъ случаяхъ и вопреки соціально-экономическимъ ихъ интересамъ. Вотъ почему національное единство націи—вѣрнѣйшій залогъ внутренней ея сплоченности, вѣрнѣйшій залогъ болѣе равнаго, эволюціоннаго ея политическаго развитія... Ясное національное самосознаніе облегчитъ общественную борьбу группы за ея интересы, будетъ способствовать росту ея общественной силы. Особенно неоградимо это національное самосознаніе для мелко и средне имущихъ массъ буржуазіи, которыя мы съ полнымъ правомъ можемъ называть мелкой и средней имущей демократіей. И тотъ взрывъ націонализма, который мы въ настоящій моментъ наблюдаемъ въ политическомъ сознаніи русскихъ народныхъ массъ,

который мы, конечно, не можемъ считать какимъ-либо искусственнымъ, политическимъ продуктомъ, такъ какъ онъ органически вытекаетъ изъ необходимости политическаго самосознанія и самоопредѣленія общественныхъ группъ, уже призываемыхъ къ планомѣрной и закономѣрной политической жизни,—этотъ взрывъ національнализма Россіи какъ нельзя болѣе убѣдительно говоритъ о его необходимости. Мелко и средне имущественная демократія въ Россіи должна быть національной и она будетъ національной, какъ бы ни шла въ разрѣзъ съ этимъ даже вся русская интеллигенція... *Народныя массы, народныя демократическія группы въ концѣ концовъ подчинятъ себѣ интеллигентныя группы и общественно-политическое міровоззрѣніе интеллигенціи неизбѣжно должно будетъ включить элементъ національнализма*... Само государство, вѣрнѣе сама исполнительная государственная машина неизбѣжно должна будетъ, въ извѣстные моменты и при извѣстныхъ условіяхъ, становиться національной не только въ смыслѣ отраженія націи, какъ сборнаго и въ національномъ отношеніи цѣлаго, но даже и въ смыслѣ отраженія одной опредѣленной національности, интересы которой въ данный моментъ получаютъ доминирующее положеніе»...

Когда преобладающая въ государствѣ русская—всѣхъ трехъ вѣтвей — національность въ критическій періодъ зарожденія и укрѣпленія новаго политическаго фактора—народнаго предста-

вительства—чувствуетъ и видитъ самый рѣшительный и жадный натискъ другихъ, болѣе сильныхъ экономически и культурно-національныхъ группъ въ цѣляхъ захвата соотвѣтственно уже сильныхъ позицій и въ этомъ новомъ политическомъ факторѣ,—тогда *коренная, но болѣе слабая культурно, національная группа не только вправѣ, но и обязана предъявлять своему правительству, своей государственной власти требованіе быть національными*, т. е. оберегать политическіе интересы коренной національности по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока коренная національность не сплотится политически настолько, чтобы собственными групповыми силами оберегать свои политическіе интересы отъ излишне неуступчивыхъ притязаній другихъ національныхъ группъ».

Однако, не пренебрегая помощью государственной власти, коренныя національныя группы должны и сами по себѣ энергично развивать и ускорять свое политическое самосознаніе и объединеніе. Они должны организоваться въ національныя политическія партіи. Должны это дѣлать не только крупно имущіе верхи національныхъ группъ, но и ихъ демократическія массы»...

Общественно-политическое міровоззрѣніе національной демократіи проникнуто прежде всего реализмомъ; оно чуждо всякаго общественно-политическаго утопизма, оно стоитъ за здоровый консерватизмъ въ соціальныхъ устояхъ, за разумный и твердый порядокъ въ государственной ма-

шинѣ, за хозяйственность и строгую отчетность въ экономической политикѣ государства, а слѣдовательно и за нормальное, планомѣрное эволюціонное развитіе началъ народнаго представительства и за дѣйствительный контроль народнаго представительства надъ дѣятельностью исполнительныхъ органовъ государственной власти».

«Національно - демократическое міровоззрѣніе, какъ реалистическое, эволюціонное, не мирится съ утопическимъ требованіемъ—«все сразу» и «все, или ничего»... Оно считается съ реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ и политическихъ силъ; оно борется за интересы демократическихъ группъ, не забывая, что въ борьбѣ необходимы взаимныя уступки въ интересахъ цѣлаго, въ интересахъ конечнаго, реальнаго, общественнаго коллектива государства. Національно-демократическое міровоззрѣніе—государственное міровоззрѣніе, — и національно-демократическая партія будетъ партіей государственной, а не разрушительной. Національно-демократическая партія будетъ солидарна съ тѣми партіями и группами, которыя прежде всего признаютъ и оберегаютъ права коренныхъ національныхъ группъ, создавшихъ силу государства и которыя не противятся росту, экономическому, культурному и политическому развитію демократическихъ массъ этихъ группъ. Наконецъ, какъ партія реалистическая, національно-демократическая партія будетъ чужда шовинизма и нетерпимости, но въ то же время будетъ крѣпко стоять за инте-

ресы демократіи съ тѣми партіями и группами, которыя—подъ какимъ бы то ни было флагомъ посягаютъ на нихъ. Такова въ самыхъ общихъ чертахъ соціально-политическая конструкція и характеристика той партіи, которая должна будетъ объединить русское хозяйственное крестьянство, вообще—мелкое и среднее землевладѣніе, городской слой мелкой и средней буржуазіи, громадное большинство сельскаго и городского духовенства и, наконецъ, значительный слой служилой и вольнопрофессіональной интеллигенціи, въ которой живо будетъ національное чувство и сознаніе своей связи съ народомъ» (Проф. Локоть).

Вотъ послѣднее слово національнализма въ нашемъ славномъ отечествѣ.

Современный русскій національнализмъ еще слишкомъ юнъ. Онъ не въ дѣтскомъ, а даже въ младенческомъ возрастѣ. Ему всего 3—4 года. Но даже нынѣ онъ является мощнымъ и требовательнымъ. Является онъ сильнымъ не потому, что интеллигентная національная партія была бы сильна. Нѣтъ, она слаба и даже слишкомъ слаба и ничтожна. Силенъ онъ потому, что нынѣ самъ русскій народъ просыпается и заявляетъ о своихъ правахъ. А если доселѣ русскій народъ былъ сильнымъ и мощнымъ, находясь въ положеніи спящаго Ильи Муромца, то что можно подумать о мощи, силѣ и величіи Россіи при пробужденіи и сознаніи всего православнаго народа.

II.

Національность и націонализмъ.

Приступая къ изложенію ученія о *націи* и *націонализмѣ* мы прежде всего должны условиться въ надлежащемъ пониманіи этихъ словъ. Нужно сознаться, что эта сторона жизни такъ мало интересовала нашихъ предковъ, что языкъ нашъ, весьма богатый и полный во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, въ данномъ вопросѣ оказывается весьма бѣднымъ и недостаточнымъ. Онъ является настолько бѣднымъ, что для надлежащаго пониманія затрагиваемыхъ нами жизненныхъ сторонъ приходится прибѣгать къ позаимствованію изъ другихъ языковъ.

Что такое нація? *Нація*—группа людей, занимающая опредѣленную *территорію* на земномъ шарѣ, объединенная однимъ разговорнымъ *языкомъ*, исповѣдующая одну и ту же *вѣру*, пережившая одни и тѣ же *историческія судьбы*, отличающаяся одними и тѣми же *физическими и душевными качествами* и создавшая извѣстную *культуру*. *Національный*—свойственный, прису-

щій данной націи. *Національность* собраніе свойствъ и качествъ, присущихъ той или другой націи.

Нѣкоторые понимаютъ подъ *національностью* то же, что мы понимаемъ подъ націей. Едва ли это правильно. Другіе слово національность употребляютъ въ видѣ обозначенія части націи. Такъ напр. для всего русскаго народа употребляютъ слово нація—а для обозначенія великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ—употребляютъ слово національность: русская нація, малороссійская національность. Это примѣненіе слова также едва ли правильно. Слово національность опредѣляетъ свойство, а слово нація—народъ.

Націонализировать значитъ внѣдрять въ ту или другую группу людей свойства, присущія той или другой націи. Напр. въ настоящее время русская нація очень слабо національна.

Подъ вліяніемъ вѣковаго рабства, она мало по малу теряла тѣ свойства, которыя присущи ей. Занятый денно и нощно жизненными и животными потребностями простой народъ очень мало думалъ и помышлялъ о православной вѣрѣ, самодержавіи, своемъ отечествѣ, своихъ общихъ интересахъ и т. д. Онъ жилъ чисто животною жизнью и не отвлекался отъ насущнаго дня. Если въ глубинѣ его души и теплились искорки любви къ своей родинѣ, къ своему русскому, то все это было такъ глубоко и такъ темно, что въ настоящее время, когда даются условія для созданія болѣе сознательной и болѣе полной жизни, подобно эти тем-

ныя и глубокія искорки и вызвать болѣе наружу. Это можно сдѣлать путемъ внѣшняго выясненія всего прошлаго, настоящаго и будущаго,—путемъ поднятія условій жизни, человѣческаго самосознанія и матеріальнаго бытія этихъ простыхъ людей. Вся задача будетъ состоять въ подведеніи и разрисовскѣ тѣхъ красокъ и искорокъ, которыя уже раньше теплились въ душѣ простого человѣка.

Во многихъ случаяхъ эта задача удается. Она будетъ состоять только лишь въ усиленіи и проясненіи того, что уже присуще самой природѣ, но только было слишкомъ сглажено и заглушено.

Существуетъ и другой способъ *національзаціи* —это *внѣдреніе* національныхъ свойствъ одной націи другой націи. Это тоже возможно и успѣхъ даннаго дѣла зависитъ отъ стойкости, древности и культурности одной и другой націи. Такъ, наши лопари Лапландіи имѣютъ свой языкъ, имѣютъ свою языческую вѣру, жили своею обособленною жизнью и отличаются своими физическими свойствами. При столкновеніи съ русской націей, они очень легко приняли христіанскую вѣру, почти всѣ говорятъ по русски, принимаютъ всѣ русскіе нравы и обычаи и пройдетъ 30—50 лѣтъ и отъ лопарей останется одно воспоминаніе. Лопари будутъ обрусены. Русская нація національзируетъ лопарей, если только мы не будемъ въ этомъ дѣлѣ столь преступно небрежны, какими пребывали до сихъ поръ. Мы не только не заботились о закрѣпленіи русской національзаціи лопарей, но мы

съ легкой душой совершаемъ другое преступленіе: мы позволяемъ этихъ лопарей нашей подчиненной націи — финнамъ офинивать. Это великое государственное преступленіе и оно падаетъ на душу нашего правительства. Долгъ и обязаность національной партіи поднять этотъ вопросъ въ Государственной Думѣ и окончательно закрѣпить русскую націонализацію лопарей. Тоже самое должно сказать и о кореллахъ.

Націонализація — сознательное и умышленное насажденіе національныхъ свойствъ и качествъ державной націи въ націяхъ культурно слабыхъ и соподчиненныхъ. *Денаціонализація и денаціонализированіе* ослабленіе и уничтоженіе свойствъ и качествъ какой либо націи, какъ это напр., безсознательно дѣлалось вѣками русской націей.

Въ русскомъ языкѣ есть слова «народъ», «народность», «народный». Но это не тоже, что нація, національность, націонализмъ. Это или больше, или меньше. Словомъ «русскій народъ» обозначаютъ или составъ жителей всего Россійскаго государства, и тогда въ это государственное понятіе входитъ 150 націй, составляющихъ Россійскую имперію,—или словами «русскій народъ» обозначаютъ сословіе, классъ людей, простой классъ народонаселенія.

Такъ П. И. Пестель говоритъ: народъ есть совокупность всѣхъ тѣхъ людей, которые принадлежатъ къ одному и тому же государству,

составляютъ гражданское общество, имѣющее цѣлью своего существованія благоденствіе всѣхъ и каждаго» [1]).

Проф. Локоть говоритъ: «Великій коллективъ много-милліонная масса крестьянства вполнѣ справедливо присваиваетъ болѣе широкій титулъ—*народа*. Да... крестьянство съ русской общественной точки зрѣнія—это дѣйствительно народъ, т. е. какъ бы синонимъ націи «государства» [2]).

Въ послѣднемъ случаѣ все таки народъ будетъ часть націи и для пополненія всей націи нужно добавить дворянъ, духовенство, купцовъ и проч.

Такимъ образомъ русскій языкъ не имѣетъ своихъ словъ для обозначенія того понятія, для котораго приходится употреблять слово *нація*. Свойства и качества, присущія нашей націи, служатъ какъ для обозначенія ея свойствъ, такъ и для отличія нашей націи отъ другихъ націй.

Проф. В. М. Грибовскій съ государственной точки зрѣнія такъ опредѣляетъ національность: національность представляетъ собою духовную культурную общность, вырабатываемую историческимъ путемъ, общность культуры, массовыхъ идей, чувствъ, склонностей, языка, какъ средства общенія и своеобразнаго національнаго богатства.

По *Хомякову*, народность есть начало общечеловѣческое, облеченное въ живыя формы народа. Съ одной стороны, какъ общечеловѣческое,

[1]) *П. И. Пестель.* Русская Правда, 5.

[2]) *Проф. Локоть.* Оправданіе націонализма, 4.

оно собою богатитъ все человѣчество, выражаясь то въ Фидіѣ и Платонѣ, то въ Софоклѣ и Вико, то въ Беконѣ и Шекспирѣ, то въ Гегелѣ и Гёте; съ другой стороны, какъ живое и неотвлеченное проявленіе человѣчества, она живитъ и строитъ умъ человѣка. Въ то же время она по своему общечеловѣческому началу, въ себя принимаетъ все человѣческое, отстраняя чужепародное своею неподкупною критикою, тогда какъ отдѣльному лицу нельзя не поддаваться самимъ формамъ чуженародности и не смѣшивать ихъ съ тою общечеловѣчною стихіею, которая въ нихъ таится,— но человѣкъ, воспитанный въ народности, растетъ и крѣпнетъ, разумно богатится всѣмъ богатствомъ человѣческаго мышленія, законно расширяетъ ея предѣлы, а иногда доходитъ до законнаго отрѣшенія отъ ея ненужныхъ случайностей».

Въ доисторическія времена человѣкъ жилъ семьей: мужъ, жена, дѣти. Всѣ они любили другъ друга, всѣ они помогали другъ другу, взаимно оберегали и взаимно заботились. Дѣти выростали, женились и селились недалеко отъ своей основной семьи. Такъ было безопаснѣй. Такъ было и пріятнѣй. Они имѣли свой способъ обмѣна мыслей и чувствъ—языкъ. Они развивались соотвѣтственно окружающей обстановкѣ: лѣсъ, горы, озера, рѣки и проч. Ихъ природа приспособлялась къ этой обстановкѣ и отличалась отъ природы тѣхъ семействъ, которыя жили и воспитывались при другой природной обстановкѣ. Такъ создавался особый

родъ. Родъ—это и было единицею націи. Легко могло случиться, что часть этого рода отрывалась отъ своего корня, поселялась въ другомъ мѣстѣ, воспитывалась при другихъ условіяхъ приспособленія къ природѣ, создавала себѣ иную природу, иной языкъ, иные нравы и обычаи, иныя вѣрованія. Много между ними было и общаго съ первой коренной семьей, но много и отличнаго. Создавались двѣ *разновидности* одного *народа*.

Естественно, что лица одного рода и одной народности любятъ другъ друга, какъ членовъ одной семьи,—любятъ окружающую природу, любятъ свое дѣло, любятъ предметы, которыми работаютъ, любятъ свой языкъ, свои пѣсни, свои нравы, свои обычаи, все то, что принадлежитъ имъ душевно и физически. Съ теченіемъ времени, народность разростается, занимаетъ большее пространство, расширяетъ занятія и промыслы, совершенствуетъ условія жизни, скопляетъ знанія, облегчаетъ жизненную борьбу и создаетъ понемногу культуру. Встрѣчая на пути болѣе мелкія и менѣе совершенныя народности, эта народность коренная, болѣе сильная, болѣе культурная, побѣждаетъ встрѣченную, овладѣваетъ ею и поглощаетъ ее. Разумѣется, она даетъ ей свои знанія и блага своей культуры. Но такъ какъ вступившая въ общую массу господствующей побѣдительницы имѣетъ тоже свои особенности физическія и душевныя, то, сливаясь съ господствующей націею, она передаетъ ей и свои особенности. Вос-

пріявъ особенности присоединенной націи, господствующая нація ихъ ассимилируетъ и поглощаетъ въ себѣ и тѣмъ самымъ невольно нѣсколько измѣняется. Поэтому даже сильная господствующая нація не представляетъ собою величины постоянной, неизмѣнной и неподвижной. Нѣтъ, она подчиняется измѣненію, подъ вліяніемъ вливающейся крови новой націи и примѣняется подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и борьбы за существованіе — совершенствуется, прогрессируетъ.

Включая въ себя все болѣе и болѣе побочныхъ мелкихъ націй, коренная нація становится не только господствующею, но и державною, направляя жизнь во всемъ государствѣ и управляя имъ соотвѣтственно интересамъ и культурѣ своей коренной націи, соблюдая, однако, интересы и благополучіе соподчиненныхъ націй. Такъ создается государство, сильное, мощное, культурное, самобытное.

Ужъ съ появленіемъ малыхъ племенъ, каждый членъ племени, чувствуя за собою защиту всего племени, въ то же время инстинктивно чувствуетъ и свою принадлежность къ нему, пріобрѣтаетъ присущее племени имя, защищаетъ его и готовъ всегда пожертвовать собою за свое племя. Каждый членъ такого племени, сознавая свое имя, понимаетъ, что это имя племени отличаетъ его отъ другихъ племенъ. Онъ охотно вступаетъ въ единеніе съ другими членами того же племени и въ борьбу съ членами другого племени. Такой членъ

гордится своимъ племенемъ и хвалится его качествами и доблестями.

Такое тяготѣніе членовъ одной народности другъ къ другу и ко всему своему является выраженіемъ его *національнаго чувства*. Это національное чувство является прирожденнымъ, безсознательнымъ, инстинктивнымъ, животнымъ. Въ основѣ національнаго чувства лежитъ проявленіе высшаго *мірового закона*, *закона тяготѣнія*, или закона притяженія.

Самымъ примитивнымъ и простѣйшимъ проявленіемъ этого взаимнаго тяготѣнія служитъ притяженіе и отталкиваніе атомовъ мірового эѳира въ безпредѣльномъ міровомъ пространствѣ. Такимъ образомъ это чувство современно мірозданію и усложнялось и совершенствовалось соотвѣтственно развитію и совершенствованію міротворенія и мірозданія. Уже рѣзче и опредѣленнѣе оно проявляется въ системахъ небесныхъ міровъ, гдѣ притяженіе и отталкиваніе тѣлъ и системъ подлежитъ незыблемому и непоколебимому міровому закону и гдѣ части системы тяготѣютъ къ цѣлому въ теченіе всего своего существованія. То же тяготѣніе и отталкиваніе частей и особей къ цѣлому наблюдается и въ растительномъ и въ животномъ царствѣ. Въ силу этого инстинктивнаго тяготѣнія, симпатіи и антипатіи, воробьи льнутъ къ воробьямъ и составляютъ одно стадо, ласточки—къ ласточкамъ, селедки—къ селедкамъ, овцы—къ овцамъ и т. д.,—и если какое-нибудь изъ

этихъ животныхъ попадетъ въ чужое стадо, го его или скоро прогонятъ, или просто на просго заклюютъ.

Въ человѣкѣ національное инстинктивное чувство хранится какъ въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, такъ и въ человѣческихъ группахъ, націяхъ— онтогенетически и филогенетически.

Уже съ ранняго дѣтства,—говоритъ Вадимъ Радецкій, у каждаго ребенка является стремленіе къ своему, родному, безъ всякихъ указаній и побужденій со стороны воспитателя. найдите хотя одного ребенка, который бы не чувствовалъ любви къ родному своему. Начиная съ любви къ болѣе близкому—родному дому, къ школѣ, товарищамъ, къ родному городу, это чувство переходитъ затѣмъ въ любовь къ своему отечеству, ко всѣмъ своимъ согражданамъ и едва ли найдется сколько-нибудь мыслящій человѣкъ, который не призналъ бы законности этого чувства, не призналъ бы той истины, что любить родину, служить ей, какъ полезный членъ общества, составляетъ одну изъ основъ нашей жизни.

Развиваясь и расширяясь, любовь къ родинѣ образуетъ изъ ребенка не только гражданина, но и человѣка: чувство любви къ родному своимъ могущественнымъ вліяніемъ на душу, на духовное развитіе ребенка, производитъ то, что ребенокъ, по мѣрѣ развитія его, все болѣе усваиваетъ гуманныя начала, теплое чувство къ людямъ вообще, вырабатываетъ въ себѣ честныя правила, дѣлается

отзывчивымъ и сострадательнымъ и проникается желаніемъ служить по мѣрѣ силъ не только своимъ соотечественникамъ, но и всѣмъ людямъ... Влеченіе къ отечеству, представляя собою великій голосъ самой природы, говорящей человѣку, что онъ только часть цѣлаго, имѣетъ многіе и глубокіе корни во всѣхъ естественныхъ условіяхъ тѣлесно-духовной жизни человѣка. Любовь къ отечеству имѣетъ первообразомъ семейную любовь дѣтей къ родителямъ. Нужно только выработать изъ ребенка хорошаго честнаго гражданина, любящаго свою родину здоровой, разумной, настоящей любовью и можно поручиться, что онъ будетъ гуманнымъ, отзывчивымъ человѣкомъ вообще.

Обращаясь къ исторіи человѣчества, мы видимъ, что и тамъ у всѣхъ народовъ древности существовала прирожденная, инстинктивная любовь къ своему народу и къ своей родинѣ. Вл. Соловьевъ, не отрицающій, но порицающій узкій эгоистическій національизмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, что «національные инстинкты господствовали въ древнемъ мірѣ». Всѣ некультурные народы и нашего времени рѣзко проявляютъ безсознательное, физическое, инстинктивное чувство любви къ своему родному, доказательствомъ чему служатъ китайцы и другіе азіатскіе народы, которые, будучи замкнуты въ себѣ и цѣня выше всего на свѣтѣ *свое*, вмѣстѣ съ тѣмъ питаютъ презрѣніе, отвращеніе, вражду и ненависть ко всему, что внѣ китайской стѣны. Такое же

презрѣніе, отвращеніе и вражду питаютъ и евреи ко всему, что стоитъ внѣ ихъ націи, внѣ ихъ кагально-талмудистскихъ устоевъ. И это чувство презрѣнія одинаково проявляется какъ у людей простой темной еврейской массы, такъ и у евреевъ цивилизованныхъ,—только формы и способы этихъ отношеній различны, въ зависимости отъ ихъ воспитанія и круга жизни.

Такой же строго замкнутый національный инстинктъ, хотя не такой жестокій и безчеловѣчный, какъ евреи, проявляли и мы, русскіе, въ періодъ допетровской Руси. Но tempora mutantur et nos mutamur in illis... Петръ Великій прорубилъ окно въ Европу. Много черезъ это окно прошло хорошаго и полезнаго для Россіи,—но вмѣстѣ съ этимъ черезъ это окно прорвался ужасный скептицизмъ и множество другихъ проявленій, шагъ за шагомъ подтачивавшихъ, постепенно расшатывавшихъ, мало-по-малу уничтожавшихъ прирожденный и присущій природѣ русскаго человѣка физическій національный инстинктъ.

Слѣдя за развитіемъ національныхъ группъ, мы не можемъ въ исторіи человѣчества не видѣть такой постепенности: въ періодъ номадной пастушеской жизни, народы живутъ патріархальной жизнью. Во главѣ стоитъ патріархъ, родоначальникъ, подъ его властью—остальные члены рода. Всѣ эти члены рода объединены взаимною любовью, взаимными интересами, взаимной цѣлостью, взаимной принадлежностью. Съ увеличеніемъ народа,

ростетъ потребность, условія жизни осложняются. Принадлежащіе къ роду начинаютъ дѣлиться на слои. Начинается дробленіе по спеціальнымъ занятіямъ: одни пашутъ землю, другіе пасутъ скотъ, третьи приготовляютъ одежду, четвертые учатся военному искусству и охотѣ, пятые занимаются высшими дѣлами рода и храненіемъ духовнаго достоянія и т. д. Такъ начинается постепенно раздѣленіе на общественные слои. Вѣковая жизнь постепенно выдвигаетъ касту работниковъ, касту воиновъ, касту промышленниковъ, касту ученыхъ, касту духовныхъ и касту правителей. Этимъ самымъ равноправное положеніе членовъ общества, народности, народа—измѣняется и переходитъ въ иной строй, строй зависимости, подчиненія, рабства и господства. Слабые тѣломъ и слабые духомъ (необразованные) постепенно подчиняются болѣе сильнымъ физически, болѣе умнымъ, болѣе просвѣщеннымъ, болѣе изворотливымъ. Невольно создаются рабы и владыки. Первые служатъ вторымъ за то, что вторые ихъ охраняютъ отъ враговъ и враждебныхъ воздѣйствій вонистенныхъ сосѣдей, хищныхъ звѣрей, болѣзней, невѣжества и т. д. Самый умственный трудъ еще не въ почетѣ. Науки и изобрѣтенія —это проявленіе труда, а всякій трудъ близокъ къ работѣ и напоминаетъ рабство,—почему сословіе людей умственнаго труда стояло посединѣ между рабами и владыками.

Время однако идетъ. Познанія и изобрѣтенія являются силой. Они даютъ мощь, они даютъ

производство, они даютъ удобства жизни, они даютъ капиталъ и продукты капитала—производство, культуру, жизненное благо. Мало-по-малу физическая сила и власть начинаютъ сознавать, что умъ и познанія—сила. Поэтому физическая сила постепенно начинаетъ уступать силѣ знанія, силѣ изобрѣтенія, силѣ производства, силѣ капитала. Вмѣстѣ съ этимъ просыпается въ данномъ обществѣ и самосознаніе и самоопредѣленіе. Члены націй начинаютъ понимать, что всѣ члены націи—созданія одинаковыя и имѣющія право какъ на равное существованіе, такъ и на равное пользованіе благами жизни. Съ этой поры начинается стремленіе высшихъ, образованныхъ, состоятельныхъ, мыслящихъ классовъ снизойти къ своимъ братьямъ-труженикамъ и поднять ихъ изъ положенія раба въ положеніе равнаго.

Ихъ неравенство начинаетъ проявляться не въ породѣ и принадлежности къ тому или другому классу по происхожденію, а въ культурѣ, образованіи и знаніи. Самыя высшія государственныя мѣста, самыя высшія положенія въ духовномъ званіи и въ наукѣ и въ искусствѣ въ равной мѣрѣ могутъ занять какъ дѣти владыкъ, такъ и дѣти рабовъ. И нѣтъ съ этого времени ни рабовъ, ни владыкъ, а есть граждане. И отъ насъ самихъ и нашихъ природныхъ дарованій и нашихъ духовныхъ потребностей зависитъ стать тѣмъ или другимъ. Развѣ мы не видимъ теперь, что дѣти бывшихъ крестьянъ стали знаменитыми

учеными, милліонерами, капиталистами и проч.,— и дѣти княжескихъ фамилій попали кондукторами... Явилось на свѣтъ равенство и братство и по закону и по фактическимъ жизненнымъ условіямъ,—не-только передъ Богомъ, но и передъ закономъ.

Такимъ образомъ общность культурная, общность образовательная повела къ тому, что высшіе, болѣе образованные и болѣе состоятельные классы пришли къ сознанію блага культуры, снизошли къ тѣмъ своимъ братьямъ, которые стояли ниже, въ невѣдѣніи, умственной темнотѣ, но съ прирожденною любовью ко всему доброму, ко всему нравственному, ко всему родному. Эти высшіе классы позаботились о томъ, чтобы просвѣтить ихъ, дать и имъ блага высшей культуры, поднять ихъ до себя и сравнять ихъ съ собою. Это уравненіе идетъ и теперь, идетъ неудержимо.

И вотъ эти люди связаны между собою едиными чувствами національной любви, любви прирожденной, любви безсознательной, любви инстинктивной, — *національными* чувствами. Это чувство у русскихъ лежитъ въ нашей землѣ, въ нашей православной вѣрѣ, нашемъ родномъ русскомъ языкѣ, нашей исторической судьбѣ, которую мы всѣ вмѣстѣ прошли, нашемъ народномъ характерѣ — преданіяхъ, сказаніяхъ, пѣсняхъ и проч.,—въ нашемъ духовномъ богатствѣ, созданномъ вѣковымъ трудомъ сыновъ нашей родины.

«Вѣра русскаго народа въ свои силы и свое призваніе, его горячая любовь къ своей родной

землѣ, его православію—русскія убѣжденія, зародившіяся и выросшія въ убогихъ сельскихъ храмахъ, въ монастырскихъ обителяхъ, его глубокій, безкорыстный, запечатлѣнный кровью и страданіями русскій патріотизмъ—все это въ жизни Россіи явилось основою, сутью и достояніемъ великаго народа, украшеніемъ, альфой и омегой его многотруднаго бытія» (Н. Высоцкій [1]).

Это національное цѣлое — составляетъ собою государство, а для насъ—Россію. Однако это государство, эта Россія, въ теченіе времени нашего бытія претерпѣла много-много измѣненій и перемѣнъ.

Всякое государство или объединенный народъ, при своемъ физическомъ и культурномъ возрастаніи, невольно приходитъ въ соприкосновеніе съ сосѣдями. Эти соприкосновенія не всегда бываютъ благопріятнаго свойства,—чаще же непріятнаго и враждебнаго. Эта вражда иногда настолько обостряется, что вызываетъ столкновеніе или войну. Послѣдствія этого военнаго столкновенія—гибель и порабощеніе одного народа другимъ. Побѣдятъ русскихъ—русскіе подчиняются и превращаются въ рабовъ, что и было въ татарское нашествіе. Побѣдятъ русскіе, они пользуются правомъ побѣдителя, правомъ сильнаго. Побѣжденный народъ теряетъ свое лицо и поступаетъ въ рабство побѣдителю. Побѣдитель беретъ у него все то, что

[1]) *Н. Высоцкій.* „Русская Бесѣда“, 1910.

для него полезно, и уничтожаетъ то, что противорѣчитъ интересамъ побѣдителя. Побѣдитель пользуется не только физическимъ и экономическимъ достояніемъ побѣжденнаго, но и его духовными и умственными дарованіями. Все полученное отъ побѣжденнаго побѣдитель усваиваетъ, ассимилируетъ и тѣмъ обогащаетъ свои духовныя сокровища, свою культуру. Послѣдствія отъ этого два: 1. Національный характеръ, національное лицо, путемъ вступленія новыхъ духовныхъ элементовъ въ экономію державной господствующей націи постепенно расширяется и совершенствуется и 2. Соподчиненная нація, втянутая въ составъ державной націи, лишается тѣхъ ея особенностей и свойствъ, кои противорѣчатъ интересамъ державной націи, и вступаетъ въ обладаніе всѣми благами культуры державной націи. Не лишаясь своихъ природныхъ свойствъ, подчиненная нація поднимается до уровня державной и такимъ образомъ въ замѣнъ своей политической самобытности, пользуется правами и привилегіями державной націи.

Такъ постепенно основная русская нація полянъ поглотила и ассимилировала сосѣднія славянскія племена древлянъ, кривичей и проч.,—такъ она объединила распавшіяся удѣльныя земли и составила одно нѣчто цѣлое, сильное и мощное,—такъ она побѣдила своихъ побѣдителей татаръ и заставила ихъ войти въ свое національное цѣлое,—такъ она захватила множество и другихъ племенъ, болѣе 150, и составляетъ нынѣ нѣчто еди-

ное и цѣлое. Въ своей ассимиляціи русская нація не проявляетъ людоѣдскаго характера. Она оставляетъ побѣжденному его вѣру, его языкъ, его нравы и обычаи, насколько послѣдніе не противорѣчатъ основнымъ законамъ русскаго государства. Главными побужденіями къ расширенію предѣловъ господства русской націи было не стремленіе къ агрессивности, къ захвату чужого, а только лишь самозащита и устройство границъ, обезпечивающихъ цѣлость и благополучіе государства. Россію нисколько не интересовали Кавказскія горы, и нынѣ ею почти не использованныя, но Россія должна была завоевать Кавказъ, дабы избавить себя отъ нападеній и грабежей пограничныхъ линій ея дикими хищными жителями. То же было и съ крымскими татарами, и съ хивинцами, и съ Сибирью и т. д. Но, съ другой стороны, трудно найти другую націю, болѣе вѣротерпимую и народолюбивую, какъ русская. Ее если и можно въ чемъ упрекнуть, то скорѣе въ слишкомъ большой снисходительности къ покореннымъ народамъ въ ущербъ благополучія и внутренняго благосостоянія своихъ коренныхъ жителей, чѣмъ въ стѣсненіи и притѣсненіи подчиненныхъ народовъ. Какое сравненіе между національзаціей русскихъ и германцевъ. Давно ли было то время, когда Померанія и другія германскія земли представлялись чисто славянскими, поголовно населенными славянами. Но пришли германцы, покорили славянъ и превратили ихъ теперь въ

настоящихъ нѣмцевъ. Не то русская нація. О ней поистинѣ можно сказать то, что говорятъ хорваты Истріи. Ея покоренные народы имѣютъ два языка: языкъ сердца (lingua des coure)—свой природный языкъ, — и языкъ ума, языкъ хлѣба (lingua del pane), языкъ державной націи, на которомъ должны вестись всѣ дѣловыя отношенія въ государствѣ.

Элементъ, связующій членовъ державной господствующей націи, ея цементъ, ея одушевляющее и одухотворяющее начало—это *національное чувство*. Но кромѣ національнаго чувства есть еще второй объединяющій и связующій отдѣльныхъ членовъ народа элементъ это—*національное сознаніе*.

Основа національнаго сознанія—личное самосознаніе. «Познай самого себя»—это первый лозунгъ каждаго образованнаго человѣка,—и въ тѣсной связи съ нимъ долженъ итти второй лозунгъ—«Познай свою родину», говоритъ Стриндбергъ. Національное сознаніе есть познаніе факта сходства моего съ моими соотечественниками въ извѣстныхъ общихъ физическихъ качествахъ, языка, вѣры, обладанія извѣстными культурными цѣнностями, участія въ образованіи этихъ цѣнностей на благо націи,—и познаніе того, что я этими качествами отличаюсь отъ другихъ націй. Національное сознаніе свидѣтельствуетъ, что я позналъ связующую меня съ нею общность характера, культуры, общность исторической судьбы, опредѣляющей и мою

личную особу. Нація есть то цѣлое, въ которомъ и *я* составляю нѣчто. Это величина, составляющая нераздѣльное цѣлое съ моимъ существомъ. Представленіе о моей націи всегда сочетается съ моимъ *я*. Кто позоритъ свою націю, тотъ позоритъ самого себя. Величіе моей націи есть слава и честь моя собственная, ибо нація существуетъ только во мнѣ и во мнѣ подобныхъ. Съ теорегической точки зрѣнія національное сознаніе есть признаніе того, что я и мои соплеменники являемся плодомъ однихъ и тѣхъ же естественно-историческихъ факторовъ. «Національное самосознаніе есть сознаніе самого себя, какъ части своей націи... Это тоже, что чувство собственнаго достоинства у отдѣльнаго человѣка» (Викторъ Строгановъ [1]). Весьма важно, чтобы это сознаніе было всѣми связано съ сознаніемъ личнаго участія въ строеніи культурнаго уклада родины на *благо этой родины*. Безъ этого послѣдняго только возникаютъ тѣ эпидеміи казнокрадства, мошенничества, воровства, которыя намъ приходится наблюдать въ послѣднее время на нашей родинѣ. Естественно, что національное самосознаніе возможно только въ томъ случаѣ, если нація вышла уже изъ доисторическаго состоянія и стала на путь культуры и историческаго бытія. Національное сознаніе дѣлаетъ націю сознательно движущей силой человѣчества и въ частности политической дѣятельности.

[1]) *В. Строгановъ.* Русскій націонализмъ, его сущность, планъ и задачи. 1912.

Даже въ одномъ и томъ же государствѣ національное сознаніе далеко не всегда развито въ одинаковой степени. У народовъ, начинающихъ жить самостоятельной сознательной жизнью, только интеллигентные классы проявляютъ національное сознаніе, — низшій же классъ, народная масса живетъ національнымъ чувствомъ и стоитъ далеко отъ опредѣленнаго національнаго сознанія.

Такимъ образомъ громадная разница лежитъ между *національнымъ чувствомъ* и *національнымъ сознаніемъ*. Національное чувство есть прирожденная принадлежность физической и душевной организаціи. Оно инстинктивно. Оно обязательно. Національное сознаніе—актъ мышленія и вытекаетъ изъ бытія націи. Сплошь и рядомъ національное сознаніе зиждется на почвѣ національнаго чувства, но оно не самобытно и является сознательнымъ послѣдствіемъ перваго.

Вотъ что говоритъ о національномъ чувствѣ представитель соціалъ-демократической австрійской партіи Otto Bauer:

«Съ чувствомъ любви къ моей націи пробуждается во мнѣ не мнимая или дѣйствительная общность интересовъ съ моими соплеменниками, а познаніе общности характера, познаніе того, что національность есть ничто иное, какъ форма моей собственной индивидуальности. Себя самого люблю я, такъ какъ во мнѣ живетъ инстинктъ самосохраненія, — нація же представляется мнѣ ничѣмъ инымъ, какъ частью моего *я*. Національная осо-

бенность воплощается въ моемъ характерѣ,—вотъ почему я люблю націю. Поэтому любовь къ націи не есть какая-нибудь нравственная побѣда, результатъ нравственной борьбы, которымъ я могъ бы гордиться, а только проявленіе инстинкта самосохраненія, любви къ самому себѣ, каковъ бы я ни былъ вообще, — любви, распространяющейся на всѣхъ тѣхъ, съ которыми меня связываетъ общность національнаго характера. Если я считаю цѣнной индивидуальность моей націи, какова бы она ни была вообще, то отсюда вытекаетъ воля къ сохраненію этой національной самобытности. Это будетъ *политика*, стремящаяся къ сохраненію національной индивидуальности».

Національное сознаніе есть проявленіе «сознанія самого себя какъ части своей націи, и такъ какъ «никто же себя возненавидитъ», то въ силу этого каждое сознательное *я* относится съ чувствомъ уваженія къ своимъ прошлымъ историческимъ судьбамъ, къ своей настоящей культурѣ и политикѣ и своимъ будущимъ планамъ и пожеланіямъ. Это есть актъ интеллектуальный и только реактивно освѣщенный чувствомъ.

Націонализмъ можно различать личный или индивидуальный и массовой. Личный индивидуализмъ есть націонализмъ, присущій природѣ каждаго человѣка,— массовой партійный націонализмъ отличается отъ индивидуальнаго только тѣмъ, что проявляется объединеніемъ чувствъ,

мыслей и желаній отдѣльныхъ лицъ въ большомъ единомъ цѣломъ.

Слово *національнизмъ* можно понимать въ двоякомъ смыслѣ: широкомъ и узкомъ. Въ широкомъ смыслѣ *національнизмъ*—духовное вѣяніе, теченіе, направленіе въ данномъ народѣ, имѣющее цѣлію и задачею поднятіе и совершенствованіе блага данной націи. Это и будетъ *національнизмъ массовой, партійный* Національная партія въ государствѣ есть партія, имѣющая своею главною задачею, своимъ стремленіемъ, своею дѣятельностью – благо, славу, силу и честь державной, господствующей въ государствѣ націи, также благо и тѣхъ соподчиненныхъ націй и народовъ, кои всецѣло сливаются съ державною націей, данное государство считаютъ своей родиной, своимъ отечествомъ и заботятся о его величіи и совершенствованіи.

Очень интересное и красивое опредѣленіе національности даетъ М. О. Меньшиковъ [1]). «Національнизмъ есть независимость отъ всего. Національнизмъ есть освобождаемая энергія народная, самостоятельная и самодержавная въ своемъ трудѣ». И это опредѣленіе національнизма совершенно вѣрно, если разсматривать національнизмъ какъ проявленіе массовой энергіи духа. Дѣйствительно, всѣ истинные націоналисты вмѣстѣ съ тѣмъ и великіе труженики. Націи наиболѣе національныя въ тоже время и наиболѣе трудолюбивыя. «Сы-

---

[1]) *М. О. Меньшиковъ.* Что такое національнизмъ.

новья лордовъ въ молодые годы ѣдутъ въ колоніи, за океаны, къ антиподамъ, въ поискахъ живого и тяжелаго труда, въ поискахъ состоянія обезпечивающаго, въ ихъ глазахъ, жизнь джентльмену. Въ Англіи аристократическій, т. е. вопреки ходячему предразсудку,—*рабочій* типъ, дѣятельный, отважный,—ему противупоставленъ плебейскій, лѣнивый, паразитный типъ, преобладаніе котораго ведетъ къ гибели нѣкоторыя великія страны Европы. Примѣромъ истинно-національнаго юноши берите любого изъ великихъ тружениковъ, которые въ Англіи и Америкѣ вышли изъ нищеты и достигли вершины славы»...

Но въ русскомъ національнизмѣ нужно отличать и еще одну особенность. Сто милліонная русская нація, въ теченіе тысячи лѣтъ жила главнымъ образомъ трудомъ и потомъ, кровью и тѣломъ простого, русскаго народа. Въ теченіи тысячи лѣтъ этотъ народъ главнымъ образомъ проливалъ свою кровь. На его костяхъ строилось Русское государство. Его трудами питались всѣ граждане. Его жизнію достигнуто могущество и величіе Россіи. Между тѣмъ этотъ народъ въ теченіе тысячи лѣтъ былъ только рабомъ. Императрица Екатерина уничтожила для него позорное званіе раба, но это не мѣшало ей закрѣпостить болѣе милліона русскихъ различнымъ русскимъ и инороднымъ магнатамъ. Только Императоръ Александръ II далъ свободу закрѣпощеннымъ. Императоръ Александръ III всю свою жизнь по-

святилъ улучшенію благосостоянія русскаго народа и только Императоръ Николай II призналъ въ немъ права гражданина и призвалъ къ участію въ строеніи государства. Но тысячелѣтнее рабство тяжелымъ гнетомъ отразилось и на физическомъ и на душевномъ лицѣ русскаго крестьянина, русскаго народа. Долгъ, великій долгъ, неоплатный долгъ русской, національной партіи заботиться о благѣ, счастіи, величіи, мощи, и сознаніи всей русской націи, но паче всего и первѣе всего о благѣ, счастіи, величіи, мощи сознаніи и правѣ русскаго крестьянина, русскаго народа. Русскій народъ— это мощь государства, это сила государства, это величіе государства. *Русская національная партія* первѣе всего должна стать *народною демократическою* партіей и только въ такомъ случаѣ она будетъ имѣть право называться *національной партіей.*

Давно уже русская интеллигенція отреклась отъ своего народа и знается съ инородческими сепаратистами; а русское общество занимается русскимъ народомъ больше послѣ сытнаго обѣда за чашкой кофе, или за сигарой. И то и другое или позорно, или безплодно. Не то нужно на дѣлѣ и не то дастъ плодъ. Вспомнимъ А. Хомякова [1]): «Принадлежать народу—значитъ съ полною и радушною волей сознавать и любить нравственный и духовный законъ, проявлявшійся въ его истори-

[1]) *А. Хомяковъ.* Т. I, стр. 9 и др.

ческомъ развитіи.—Тонкія, невидимыя струны, связывающія душу человѣка съ его землею и народами, не подлежатъ разсудочному анализу. Можетъ быть нельзя доказать, чтобы русская пѣсня была лучше исполненія баркароллы или гарантеллы, но она иначе отзовется въ рускомъ ухѣ, глубже потрясетъ русское сердце... Только въ живомъ общеніи народа могутъ проясниться его любимые идеалы и выразиться въ образахъ и формахъ, имъ соотвѣтственныхъ. *Чтобы оживилась наука, бытъ и художество, чтобы изъ соединенія знанія и жизни возникло просвѣщеніе, мы должны слиться съ жизнью Русской земли*, не пренебрегая даже мелочами обычая и обрядныхъ единствомъ, какъ средствомъ къ достиженію единства истиннаго»...

Петръ Струве [1]) полагаетъ, «что есть *два національнализма съ діаметрально противоположнымъ отношеніемъ къ окружающей его враждебной или индифферентной средѣ.* Одинъ національнализмъ свободный, творческій и потому открытый и въ подлинномъ и лучшемъ смыслѣ завоевательный. Другой національнализмъ скованный, насильный и потому вынужденный бояться другихъ и обособляться отъ нихъ. Это національнализмъ закрытый, или замкнутый, или оборонительный». Носителями перваго являются англо-саксы,—носителями второго евреи. «Какой національнализмъ долженъ провести русскій народъ и русское государство? На-

1) *Петръ Струве.* Patriotica, 1911.

ціонализмъ новаго англосаксонскаго, или стараго еврейскаго типа? Не можетъ быть сомнѣнія: свободный, открытый, завоевательный національнализмъ есть свидѣтельство силы и здоровья большой націи... Идеаломъ, къ которому должна стремиться въ Россіи русская національность, по моему глубокому убѣжденію, можетъ быть лишь такая же свободная и органическая гегемонія, какую утвердилъ за собою англосаксонскій элементъ... Но національнализмъ можетъ быть подлинной силой только тамъ, гдѣ онъ опирается на самодѣятельность широкихъ народныхъ массъ. Это вѣрно по отношенію къ угнетеннымъ національностямъ, и еще *болѣе вѣрно по отношенію къ такой національности, которая, какъ русская, создала самое государство и играетъ въ немъ первенствующую роль*... Великому народу, создавшему могущественное государство, нетолько нравственно приличествуетъ, но и интересамъ его здоровья отвѣчаетъ лишь открытый, мужественный, завоевательный національнализмъ, провозглашающій и осуществляющій свободное состояніе національности»...

Что такое *національнализмъ? Національнализмъ—это проявленіе уваженія, любви и преданности, преданности до самопожертвованія въ настоящемъ,—почтенія и преклоненія передъ прошлымъ и желаніе благоденствія, славы и успѣха въ будущемъ той націи, тому народу, къ которому данный человѣкъ принадлежитъ.* Каждый членъ націи есть часть цѣлаго, и какъ нація не можетъ

и не должна оставлять своего члена беззащитнымъ и неогомщеннымъ, какъ внутри, такъ и внѣ мѣста ея обитанія, такъ и часть ея, ея члены, должны быть всегда готовы пожертвовать собою для своей народности.

Часто смѣшиваютъ *національзмъ* съ *патріотизмомъ;* однако, между ними серьезная разница. Національзмъ есть безпредѣльная любовь и готовность къ самопожертвованію за свою народность, а патріотизмъ—такая же любовь и готовность къ самопожертвованію за родину, отечество. Національзмъ скорѣе—понятіе психолого-антропологическое, а патріотизмъ—историческо-географическое Natio—народъ, patria—отечество, географическая величина, составляющее пространство, занимаемое тѣмъ или другимъ государствомъ съ его прошлымъ.

Государство можетъ быть заселено одною, или нѣсколькими народностями. Есть государства, которыя заселены цѣликомъ одною народностью,—для гражданъ такого государства національзмъ и патріотизмъ понятія тождественныя. Есть государства, и такихъ большинство, въ коихъ одна нація является державною и нѣсколько или много народностей ей соподчиненныхъ, какъ, напримѣръ, Англія, Германія, Австрія и проч., а въ Россіи такихъ соподчиненныхъ націй болѣе 150. Есть государства, населенныя нѣсколькими равноправными націями, какъ Швейцарія. Бываютъ случаи, когда одна нація не имѣетъ одного отече-

ства, а разбросана по различнымъ государствамъ, какъ цыгане, армяне, евреи и проч. Есть, наконецъ, такіе аномалійные случаи, когда въ державномъ государствѣ соподчиненныя націи стремятся поглотить другія, менѣе культурныя націи того же государства въ противность интересовъ господствующей націи, какъ это дѣлаютъ поляки въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, финляндцы съ корелами, лопарями и проч., татары съ мордвою и проч.

Ясно—національнымъ и патріотизмъ не одно и то же. Скорѣе, патріотизмъ—понятіе болѣе общее, а національнымъ — понятіе частное. Въ каждомъ государствѣ можетъ быть только одинъ патріотизмъ и нѣсколько національнымовъ. Однимъ изъ краеугольныхъ внутреннихъ устоевъ, на которыхъ зиждется сила, крѣпнетъ и жизненность государства, одинъ изъ могущественныхъ оплотовъ, охраняющихъ его цѣлость и благосостояніе—*это любовь народа къ своему отечеству, народный патріотизмъ.*

Тѣмъ не менѣе очень часто слова національнымъ и патріотизмъ употребляются, какъ равнозначныя въ смыслѣ національнымъ.

Пока у народа не потеряно и не ослаблено его достоинство, никакія внѣшнія бѣдствія и потрясенія внутреннія не опасны для его государственнаго бытія.

М. Страховъ говоритъ слѣдующее: любить отечество, прежде всего, значитъ любить свою *родную страну*, т. е. ту опредѣленную географиче-

скую *территорію*, гдѣ человѣкъ впервые открылъ глаза на свѣтъ Божій, гдѣ его вскормили, гдѣ они пріобрѣли свои первыя познанія, испытали первыя радости жизни, – словомъ, гдѣ на него дѣйствовали первыя впечатлѣнія, — самыя сильныя и глубокія изъ всѣхъ впечатлѣній. Любить свою родную страну—значитъ любить самую природу этой страны со всѣми ея особенностями, любить тѣ поля, луга, лѣса, рѣки, озера, холмы и горы, которые съ дѣтства окружали человѣка въ его родной странѣ и были первыми его знакомцами. Это будетъ элементъ любви къ отечеству чисто физическій. Далѣе, любить отечество, значитъ любить населяющій родную землю *народъ*. Люди, населяющіе извилистую герриторію земной поверхности, считаютъ себя обладателями ея и ее считаютъ своей родной землей въ силу того, что она воздѣлана и оставлена намъ въ наслѣдіе прадѣдами, дѣдами и отцами. Это общее наслѣдованіе земли и совмѣстное пользованіе ею необходимо соединяетъ людей тѣсными узами, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ имъ свой особенный отпечатокъ, съ одной стороны въ силу племеннаго кровнаго родства ихъ,—съ другой, въ силу одинаковости внѣшнихъ условій ихъ совмѣстной работы. Группа людей, соединенныхъ этими тѣсными узами и получившая свой особенный отпечатокъ въ силу указанныхъ условій, и образуетъ то живое цѣлое, которое и называется націей или народомъ. Быть живымъ членомъ этого цѣлаго—значитъ любить

его особый природный отпечатокъ, особенность его натуры, характеръ,—любить продукты его духовнаго творчества, языкъ, произведенія искусства, литературы,—любить его прошлое, т. е. исторію, преданія,—любить его настоящее, т. е. идеалы и стремленія.

«Что такое отечество? спрашиваетъ Хомяковъ [1]). Это та страна и тотъ народъ, создавшій страну, съ которымъ срослась вся моя жизнь, все мое духовное существованіе, вся цѣлость моей человѣческой дѣятельности. Это тотъ народъ, съ которымъ я связанъ вполнѣ жилами сердца и отъ котораго оторваться не могу, чтобы сердце не изошло кровью и не высохло».

Эта любовь къ народу составляетъ готъ элементъ любви къ человѣчеству, который называется сознательнымъ или нравственнымъ національнымъ.

Такимъ образомъ, патріотизмъ скорѣе—физическій элементъ любви къ отечеству, тогда какъ національнизмъ—элементъ нравственный и духовный.

Но и этимъ любовь къ отечеству не исчерпывается. Любить отечество — значитъ любить ту гражданственность, которую выработалъ народъ... Любить отечество—значитъ любить благо отечества, благо родины своей, благо своего народа, благо своего государства,—дорожить этимъ благомъ, охранять его, служить ему, любить самое служеніе, любить свои обязанности, направленныя къ охраненію и возвышенію блага своего отечества.

[1]) *А. Хомяковъ.* Сочиненія, т. I, стр. 47.

Все, чѣмъ мы питаемъ свою духовную природу, все, что даетъ красоту и достоинство нашей жизни въ области религіи, науки и искусства, все это выросло на почвѣ образованнаго общежитія, обусловленнаго государственными порядками, говоритъ Вл. Соловьевъ.

«Тѣмъ, что мы представляемъ собою, что есть у насъ, мы во многомъ обязаны прошлому, обязаны своей націи, мы въ долгу у нея и отвергать этотъ долгъ, разрывать съ нею не имѣемъ нравственнаго права. Если есть способности и обязанности у отдѣльныхъ людей, тѣмъ болѣе, тѣмъ серьезнѣе онѣ у цѣлой націи. И народъ не имѣетъ права пренебрегать ими, отрекаться отъ того, что дано ему, что выработано, развито имъ въ многовѣковой жизни. Своей, національной жизнью онъ внесетъ въ общую міровую борьбу за добро больше, чѣмъ жизнью чужой, обезцвѣченной, интернаціональной» (М. Н. Дурново).

Нашъ знаменитый историкъ Карамзинъ говоритъ слѣдующее:

«Патріотизмъ есть любовь къ благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Человѣкъ любитъ *мѣсто* своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ,—она есть дѣло природы и должна быть названа физической. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями. Любовь къ *гражданамъ* или

людямъ, съ которыми росли, воспитывались и живеге, есть вторая, *столь же общая*, какъ первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *сильнѣе*, ибо время утверждаетъ привычку».

Извѣстный русскій церковный ораторъ, Харьковскій архіепископъ Амвросій, говоритъ слѣдующее: любви нельзя ни учить, ни учиться. Любовь есть чувство свободное. Такъ и любви къ отечеству никто не учитъ. Она есть одна изъ самыхъ крѣпкихъ естественныхъ привязанностей человѣка. Можно только содѣйствовать ея расширенію и возвышенію. Это многообнимающее чувство любви къ отечеству состоитъ изъ различныхъ привязанностей, какъ страна, языкъ, вѣра, нравъ, и обычай и проч.

Есть мыслители, которые не только не признаютъ, но даже порицаютъ узкій эгоистическій національнизмъ и проповѣдуютъ всечеловѣчество, интернаціонализмъ и космополитизмъ, то подъ фирмою христіанства, то подъ фирмою соціализма. Къ этой группѣ антинаціоналистовъ принадлежитъ и нашъ мыслитель настоящаго времени, Вл. Соловьевъ. Но и онъ долженъ былъ сдѣлать уступку въ силу неизбѣжной необходимости. «Каждая нація—живой органъ единаго тѣла—человѣчества—выполняетъ особенную свою функцію во всемірной исторіи,—каждая нація имѣетъ своего рода миссію. Національное чувство и патріотизмъ, старающіеся сохранить и развить народную самостоя-

тельность и въ жизни и въ мысли, имѣютъ оправданіе съ точки зрѣнія всечеловѣческой. Ибо если народность есть органъ всечеловѣческаго организма, то что же это будетъ за организмъ, состоящій изъ безжизненныхъ и безсильныхъ органовъ, —что же это будетъ за человѣчество, состоящее изъ безсильныхъ и безформенныхъ народностей. Принадлежа къ извѣстному народу, мы волей-неволей причастны народной самобытности, народному характеру и типу, мы неизбѣжно налагаемъ свой національный отпечатокъ на все, что мы дѣлаемъ—«хорошее и дурное».

Итакъ, національзмъ есть проявленіе безсознательное, инстинктивное и прирожденное и проявленіе сознательное, логическій выводъ изъ національнаго бытія,—т.-е. національное чувство и національное сознаніе. Значитъ національзмъ есть слагаемое изъ національнаго чувства и національнаго сознанія.

Всякое государство живое и дѣйствующее должно быть исполнено національзма. Это его душа. Это его сущность. Это его бытіе. Космополитическое государство аморфная, безформенная масса. Тоже и съ человѣкомъ. Что такое *человѣкъ* безъ *націи*? Быть можетъ это идеалъ. Но идеалъ въ реальной жизни нѣчто отвлеченное, безсильное и обреченъ на гибель. Человѣкъ безъ націи,—то же, что дерево безъ рода. Дерево—ни груша, ни слива, ни яблоня въ природѣ не нужно. Требуется или то, или другое, или третье. Чело-

вѣкъ-идеалъ—человѣкъ будущаго. Космополитъ не живой человѣкъ, а, какъ мѣтко сказалъ Карамзинъ, «существо метафизическое». Тургеневъ устами Лежнева еще рѣзче выразился по этому поводу: «Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея обойтись не можетъ. Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится. Космополитъ—это нуль; хуже нуля; внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ! безъ физіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлое лицо возможно безъ физіономіи». Онъ чуждъ всему и ему чуждо все. Это есть миѳъ, это—схоластика. Теперь можетъ быть или нѣмецъ, или французъ, или японецъ, или русскій,—а человѣкъ исчезнетъ съ лица земли, какъ исчезли мамонты, ихтіозавры и проч.

Великія націи потому и сильны, что они національны. Они составились не только изъ своего племени, но и изъ поглощенныхъ ими народовъ. Потому эти великія націи, будучи глубоко національными, въ то же время могутъ и должны быть и державными и господствующими. Если же соподчиненныя имъ націи не будутъ ими придерживаемы, то самая сила и мощь державной націи будетъ подорвана, ибо каждая изъ этихъ націй будетъ стремиться стать равносильною и политически равноправною и тѣмъ самымъ ослабить мощь и державу господствующей націи.

Въ этомъ отношеніи поучительны слова Рез-

вельта: «Мы должны сдѣлать изъ нихъ (иностранцевъ-переселенцевъ) *американцевъ* во всѣхъ отношеніяхъ: *по языку, политическимъ* взглядамъ *и принципамъ, по пониманію и отношенію къ церкви и государству*. Мы привѣтствуемъ нѣмца, ирландца, стремящихся стать американцами, но намъ не нужно чужеземцевъ, не желающихъ отказаться отъ своей національности. Намъ не нужны нѣмцы-американцы, ирландо-американцы, образующіе особый слой въ нашей общественной и политической жизни. Мы никого не можемъ признавать, кромѣ американцевъ...» И это говоритъ соціалъ-демократъ... А чѣмъ же мы хуже американцевъ..

Но имѣя за собою всѣ права превосходства и физическаго и культурнаго, державная нація должна всѣ силы своего превосходства употреблять на то, чтобы и соподчиненныя ей націи развивались и физически, и матеріально, и нравственно, и умственно. Въ томъ и заключается ея собственная сила и собственная мощь, чтобы соподчиненныя націи поднять до себя и дать возможность и имъ использовать всѣ блага своей культуры. Но, взамѣнъ этого, она имѣетъ полное право требовать, чтобы соподчиненныя ей народности развивались и совершенствовались въ единеніи съ цѣлями, намѣреніями и стремленіями съ нею, господствующею націей, ибо благо господствующей націи заключается въ благѣ соподчиненныхъ націй, и благо соподчиненныхъ націй—въ благѣ господствующей націи.

Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о государствѣ и государственности.

Проф. Градовскій [1]) говоритъ слѣдующее: «Каждая страна, входящая въ составъ государства, необходимо должна слиться съ нимъ въ одно цѣлое, вступить съ нимъ въ органическое соединеніе, сдѣлаться неразрывною частью одного цѣлаго. Пока существуютъ въ государствѣ племенные оттѣнки, мнѣнія различныя, настолько сильныя, что они могутъ внести рознь въ общегосударственную жизнь, развитіе его нельзя считать окончепнымъ. Оно не достигло коренного условія своего существованія: національнаго единства и чѣмъ больше мы видимъ въ данномъ государствѣ мѣстностей и племенъ, *состоящихъ на особомъ положеніи*, тѣмъ дальше это государство отъ полнаго развитія своихъ національныхъ началъ, тѣмъ больше препятствій и трудовъ предстоитъ ему преодолѣть».

«Но государство не стираетъ всѣхъ мѣстныхъ особенностей, и, въ виду этихъ особенностей, мѣстное населеніе должно быть снабжено извѣстною суммою правъ, дарованныхъ ему общимъ законодательствомъ, при чемъ мѣстная администрація должна быть поставлена въ возможность дѣйствовать сообразно съ условіями времени и мѣста и самодѣятельности общества. Однако, введеніе въ эти мѣстности настоящаго самоуправленія дало бы

---

[1]) *Проф. Градовскій.* Сочиненія, т. III.

легальную жизнь не только сродным намъ общественнымъ элементомъ, но и враждебнымъ для насъ началомъ. Поставленныя другъ подлѣ друга, начала эти вступили бы въ борьбу, и, принимая низкій уровень образованія и слабое экономическое положеніе дружелюбной для Россіи части общества, *обезпечили бы преобладаніе враждебныхъ ей стремленій.* Въ этихъ случаяхъ самоуправленіе въ указанныхъ областяхъ означало бы освященіе сепаративныхъ, антигосударственныхъ, антинаціональныхъ и даже противообщественныхъ стремленій, которыя привели бы къ подавленію здоровыхъ общественныхъ силъ и торжеству враждебной для насъ политики. Попечительство правительства въ такихъ мѣстностяхъ *естественно должно быть направлено къ поддержанію русскихъ началъ*, а не къ развитію земскихъ учрежденій въ томъ видѣ, какъ они возможны въ другихъ областяхъ нашего отечества».

Петръ Струве [1]) говоритъ слѣдующее: «Интеллигенція страны должна пропитаться тѣмъ духомъ государственности, безъ господства котораго въ образованномъ классѣ не можетъ быть мощнаго и свободнаго государства .. *Государственная мощь* невозможна внѣ осуществленія національной идеи. Національная идея современной Россіи есть примиреніе между властью и *проснувшимся къ самосознанію и самодѣятельности народомъ*, ко-

[1]) *Петръ Струве.* Patriotica, 93.

торый становится націей. Государство и нація должны органически слиться».

Тотъ же Струве продолжаетъ: «Всякая крупная нація стремится создать себѣ государственное тѣло. Но идея и жизнь націи всегда шире, богаче и свободнѣе идеи и жизни государства»...

Я позволю себѣ привести здѣсь еще мнѣніе по этому поводу проф. Локтя [1]).

«Національное начало является естественной и могущественной объединительной силой для общественныхъ группъ нетолько независимо, но даже въ извѣстныхъ случаяхъ и вопреки соціально-экономическихъ ихъ интересамъ. Вотъ почему національное единство націи — вѣрнѣйшій запасъ внутренней ея сплоченности, вѣрнѣйшій запасъ болѣе равнаго, эволюціоннаго ея политическаго развитія. Разноплеменность націи усложняетъ процессъ ея объединенія, ея государственнаго развитія, такъ какъ нѣтъ и никогда не можетъ быть національныхъ группъ абсолютно равносильныхъ, а безспорная наличность національнаго объединенія этихъ группъ неизбѣжно толкаетъ ихъ на общественную борьбу съ другими національными группами.. Ясное національное самосознаніе облегчитъ общественную борьбу группы за ея интересы и будетъ способствовать росту ея общественной силы. Особенно необходимо это національное самосознаніе для мелко и среднеимущихъ массъ бур-

[1]) *Т. В. Локоть.* Оправданіе націонализма, 1910. 51.

жуазіи, которыя мы съ полнымъ правомъ можемъ называть мелкой и средней имущественной демократіей.

Тутъ взрывъ національнаго, который мы въ настоящій моментъ наблюдаемъ въ политическомъ сознаніи русскихъ народныхъ массъ, который мы, конечно, не можемъ считать какимъ либо искусственнымъ политическимъ продуктомъ, такъ какъ онъ органически вытекаетъ изъ необходимости политическаго самосознанія и самоопредѣленія общественныхъ группъ, уже призываемыхъ къ планомѣрной и закономѣрной политической жизни,— этотъ взрывъ національнаго Россіи какъ нельзя болѣе убѣдительно говоритъ о его необходимости. Народныя массы, народныя демократическія группы въ концѣ концовъ подчинятъ себѣ интеллигентныя группы и общественно-политическое мировоззрѣніе интеллигенціи неизбѣжно должно будетъ включить элементъ національнаго.

Само государство, сама *исполнительная государственная машина неизбѣжно должна будетъ*, въ извѣстные моменты и при извѣстныхъ условіяхъ, *становиться національной* не только въ смыслѣ отраженія націи, какъ сборнаго и въ національномъ отношеніи цѣлаго, но даже и въ смыслѣ отраженія одной опредѣленной національности, интересы которой въ данный моментъ получаютъ доминирующее положеніе и отраженіе въ равнодѣйствующей.

Вотъ почему въ данный моментъ вполнѣ за-

коннымъ для русской государственной власти является лозунгъ: *государственная власть должна быть національной русской!* . Русская національная группа не только въ правѣ, но и обязана предъявить своему правительству, своей государственной власти требованіе быть національнымъ, т. е. оберегать политическіе интересы коренной національности, пока коренная національность не сплотится политически настолько, чтобы собственными групповыми силами оберегать свои политическіе интересы отъ излишне неуступчивыхъ притязаній другихъ національныхъ группъ...

Однако, не пренебрегая помощью государственной власти, коренныя національныя группы должны и сами по себѣ энергично развивать и *ускорять политическое самосознаніе и объединеніе* Должны это думать не только крупноимущіе верхи національныхъ группъ, но и ихъ демократическія массы».

«Русская нація, говоритъ тотъ же авторъ,— какъ субъектъ, представитель и обладатель русскаго государства, конечно, включаетъ въ себя всѣ тѣ національности, которыя объединены подъ общемъ скипетромъ Русской верховной власти; всѣ они имѣютъ право на обладаніе той долей правъ и преимуществъ, связанныхъ съ государствомъ, какая соотвѣтствуетъ долѣ историческаго и фактическаго участія каждой изъ нихъ въ созданіи государства... Солидарность и единство государственныя по неволѣ до нѣкоторой степени имѣютъ

даже принудительный характеръ, такъ какъ эта солидарность, это единство подразумѣваютъ соглашеніе, координацію интересовъ и претензій весьма разнородныхъ группъ, входящихъ въ государство».

Эти требованія и права партій устанавливаются закономъ. «Вполнѣ естественно, что законъ не можетъ совершать и одинаковымъ образомъ удовлетворять интересы и претензіи всѣхъ группъ, объединяемыхъ государствомъ. Идеальнымъ требованіемъ отъ закона является требованіе *защиты болѣе* слабыхъ группъ... Требованіе «полнаго равенства», «полнаго равноправія», выставляемы съ такимъ quasi-демократическимъ энтузіазмомъ космополитическимъ теченіемъ, представляетъ и абсурдъ съ точки зрѣнія реальнаго соотношенія силъ, и злостное предательство интересовъ слабѣйшихъ общественныхъ группъ, какъ соціально-экономическихъ, такъ и національныхъ: дать сильнымъ группамъ права, равныя съ правами слабыхъ группъ, значитъ предать эти группы на общественное рабство ихъ сильныхъ соперниковъ по жизненной борьбѣ... Законъ и государство не только не можетъ этого сдѣлать, оно не должно этого дѣлать, въ интересахъ той общественной справедливости, которая одна только гарантируетъ прочность государства»... Такими сильными и соорганизованными партіями проф. Локоть считаетъ еврейскую, польскую и нѣмецкую и др. партіи,—и вполнѣ слабыми, только нарождающимися—русскія партіи.

Истинные демократы... никоимъ образомъ не

могутъ идти на приманку *абсолютнаго равенства*, выгоднаго въ данный моментъ для болѣе сильныхъ группъ, но весьма невыгоднаго для слабыхъ группъ. Если еврейская, польская, нѣмецкая и т. п. національныя группы въ данный моментъ являются болѣе сильными, чѣмъ группы великорусская, малорусская, бѣлорусская и т. п., то для демократической интеллигенціи, принадлежащей къ этимъ національнымъ группамъ, было бы *истиннымъ предательствомъ* интересовъ народныхъ массъ этихъ группъ включать въ программу своего общественнаго міровоззрѣнія *принципы абсолютнаго равенства* всѣхъ національныхъ группъ—еврейской, польской и т. п.,—настаивать на такомъ равенствѣ было бы проявленіемъ непокрытаго безъудержнаго національнаго эгоизма, клонящагося только къ полному порабощенію болѣе слабыхъ группъ, т. е. къ полному нарушенію принциповъ истиннаго демократизма и той общественной справедливости, внѣ которой прочное существованіе и нормальное развитіе государства немыслимо... Группы, въ лицѣ своихъ сознательныхъ общественно-политическихъ представителей, договариваются съ сознаніемъ взаимныхъ силъ и достоинства о своихъ общественно-политическихъ правахъ, выражаемыхъ и закрѣпляемыхъ въ законодательствѣ. Это не въ коемъ случаѣ не «національная вражда», не «взаимное національное истребленіе», не «человѣконенавистничество», а только здоровое начало групповой общественной борьбы... Жизненно

равные станутъ дѣйствительно равными. *Равноправіе* будетъ тогда отраженіемъ *равносилія*, а равносиліе будетъ гарантировать истинное, реальное *равенство*... Если объективныя данныя говорятъ намъ о томъ, что напр., еврейство, какъ національная группа, является въ тоже время болѣе сильной экономической группой, а мы подъ флагомъ «равенства» и «равноправія», будемъ настаивать на предоставленной еврейской группѣ еще большей возможности усиливать свое экономическое господство надъ другими, болѣе слабыми, группами, то это не будетъ ни демократично, ни прогрессивно, ни гуманно, а будетъ только въ явный ущербъ болѣе слабыхъ группъ... Конечно для еврейской группы «равенство» и «равноправіе» евреевъ, защищаемое интеллигенціей, будетъ выгодно, но каково оно будетъ для великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ»?..

По вопросамъ государственности и націи недурно иногда обращаться къ прошлому. Еще въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича явился въ Россію сербъ Юрій Крижаничъ, великій патріотъ-славянинъ и, проживъ невольно въ ней очень долгое время, оставилъ по себѣ ученые труды, достойные полнаго вниманія. Вотъ что онъ между прочимъ говоритъ о государствѣ и націи:

Государство должно быть строго національно, —оно должно стремиться къ удовлетворенію нуждъ своего народа,—направленіе всей политики должно соотвѣтствовать взглядамъ и миросозерца-

нію народа,—по отношенію же къ иностранцамъ и инородцамъ государственное управленіе должно руководиться принципами недовѣрія. «Знай самъ себе и не вѣруй инородникамъ» вотъ два краеугольныхъ камня внутренней политики. «Нѣсть кралю славы въ томъ, аще многи инородцы будутъ у него объѣдены и піяны. Тѣ бо хлѣбогубцы ѣдучь и піючь насмѣиваются токовому посгупку, а ины погогову и болѣ. Но слава кралю аще домашни подданики будугъ богагы и честны».. Нѣтъ ничего гибельнѣе для народа и государства, говоритъ онъ, какъ оставлять въ пренебреженіи свои древніе простые и добрые нравы и перенимать чужіе нравы, законы и языкъ и стараться преобразити себя въ другой народъ. Всякій народъ, который отступаетъ отъ своихъ нравовъ и законовъ, тѣмъ самымъ утрачиваетъ свое благодетствіе (В. Э. Вальденбергъ [1]).

Въ Германіи издана въ милліонахъ экземпляровъ интересная брошюра, содержащая, между прочимъ, десять заповѣдей германскаго національнализма и патріотизма Заповѣди эти гласятъ:

1) Производя расходъ, хотя бы и самый малый, надлежитъ считаться съ интересами отечества и согражданъ.

2) Не слѣдуетъ забывать, что, пріобрѣтая какой-либо иностранный товаръ, хотя бы цѣной въ

---

[1]) *В. Э. Вальденбергъ.* Государственныя идеи Крижанича 1912, стр. 126.

одинъ грошъ, ты уменьшаешь на этотъ грошъ состояніе твоего отечества.

3) Твои деньги должны давать выгоды и барышъ только нѣмецкимъ торговцамъ и рабочимъ.

4) Не оскорбляй германской земли, германскаго дома и германской мастерской, пользуясь привезенными изъ заграницы машинами и орудіями.

5) Не допускай того, чтобы на твоемъ обѣденномъ столѣ появлялось заграничное мясо, сало и т. д., ибо это будетъ вредить германской скотопромышленности и отечественному скотоводству.

6) Пиши всегда на нѣмецкой бумагѣ, нѣмецкой ручкой, обмакивая ее въ нѣмецкія чернила и пользуясь нѣмецкой промокательной бумагой.

7) Носи одежду исключительно изъ нѣмецкихъ матерій и нѣмецкаго производства головные уборы.

8) Пойти впрокъ нѣмцу могутъ лишь нѣмецкая мука, нѣмецкіе плоды, нѣмецкое пиво и т. д.

9) Если ты не любишь нѣмецкаго кофе, то пей кофе, привезенное изъ германскихъ колоній. Дѣтямъ и женѣ прикажи пить нѣмецкое колоніальное какао и шоколадъ.

10) Не соблазняйся никогда никакими иностранными товарами и знай твердо, что только Германія производитъ все, что нужно для нѣмецкаго гражданина.

Слова «Германія» и «нѣмецъ» должно замѣнить словами «Россія» и «русскій».

III.

Сепаративный національнизмъ.

Пользованіе благами культуры во всѣхъ государствахъ распредѣлено между различными слоями населенія далеко не одинаково. Обычно, классы болѣе образованные, болѣе развитые пользуются и большимъ участіемъ въ культурномъ существованіи. То же должно сказать и по отношенію къ соподчиненнымъ національмъ.

Но главная задача честныхъ членовъ правящихъ классовъ поставить дѣло такъ, чтобы и нищій, бѣдный, трудящійся классъ государства пользовался возможно полнѣе всѣми благами культуры. Для этого всякое культурное государство стремится устроить наиудобнѣйшіе и дешевые пути сообщенія, надѣлить достаточнымъ количествомъ земли, дать работу, обезпечивающую благополучіе работника и семьи, дать образованіе, поднимающее духовную личность человѣка и его матеріальное благосостояніе, поставить его полноправнымъ гражданиномъ государства и т. д. Конечный идеалъ каждаго культурнаго государства – сравнять всѣхъ гражданъ въ образованіи, благосостояніи и правахъ.

Разумѣется, такое стремленіе дается очень трудно и много тому на пути встрѣчается препятствій, а главное само природное индивидуальное отличіе: овому убо дадеся пять талантовъ, овому два, а иные являются и вовсе безталанными. Если мы къ этому добавимъ вырожденіе, прирожденную преступность, соціальную преступность и проч., то увидимъ, что Царство Божіе, царство равенства, братства и любви трудно достижимо.

Тѣмъ не менѣе мы ясно видимъ, что улучшеніе благосостоянія работающаго класса населенія въ нашемъ отечествѣ значительно подымается, и если бы не было побочныхъ весьма тяжелыхъ осложненій и затрудненій, то удовлетворенность была бы довольно полною.

Таково положеніе націонализма и его проявленій въ современныхъ культурныхъ государствахъ, гдѣ культура къ рабочему классу идетъ сверху внизъ.

Но въ недавнее время во многихъ государствахъ намѣчается и другое направленіе—стремленіе рабочаго люда завоевать себѣ культурныя блага путемъ насилія, пугемъ захватнаго права и опять таки въ связи съ вопросомъ о націонализаціи. Я имѣю въ виду соціалъ-демократическое направленіе.

Обращаю особенное вниманіе на эту сторону дѣла. Безусловно, каждый мыслящій человѣкъ для того, чтобы умѣть бороться съ надвигающеюся опасностью, долженъ быть обстоятельно

съ нею знакомъ. Вотъ почему я особенно подробно остановился на національизаціи и національизмѣ съ точки зрѣнія современной соціалъ-демократіи.

Еще до настоящаго времени соціалъ-демократы не только отрицали всякій національизмъ, но прямо смотрѣли на него, какъ на нѣчто вредное и преступное, составляющее основное отличіе правящихъ и буржуазныхъ классовъ.

Въ громко называемомъ «коммунальномъ манифестѣ» 1847 г. основными проводились «идеи солидарности и общности интересовъ пролетаріата, какъ единаго класса, объединяющаго экономически однородные элементы всѣхъ странъ, всѣхъ національностей всего міра» (Ратнеръ). Его заключительныя слова «пролетаріи всѣхъ странъ объединяйтесь» являлись не случайною мыслью, а лозунгомъ, неразрывно связаннымъ съ самымъ содержаніемъ манифеста и объединяющимъ его теоретическую сущность и всѣ его практическіе raison d'être. Въ этомъ манифестѣ говорилось: «Рабочіе не имѣютъ отечества... Національная обособленность и антагонизмъ все болѣе и болѣе исчезаютъ уже съ развитіемъ буржуазіи, съ свободой торговли, съ міровымъ рынкомъ, съ однообразіемъ промышленнаго производства и соотвѣтствующихъ ему жезненныхъ отношеній. Господство пролетаріата еще болѣе ускоритъ ихъ исчезновеніе». Отечество пролетарія—весь міръ»... Соціалъ-демократическіе съѣзды въ 1891 г. въ Эрфуртѣ, въ 1892 въ Генуѣ, въ 1893 г. въ Брюсселѣ, даже въ 1904 г. въ Цю-

рихѣ ни словомъ не говорятъ о возможности проявленія національнзма въ соціалъ-демократической средѣ. Напротивъ, интернаціоналнзмъ и космополитизмъ еще болѣе теоретически закрѣпляются и кодифицируются. Каутскій, напримѣръ, говоритъ: «Современный пролетарій отрывается отъ отечества гораздо полнѣе, чѣмъ странствующій подмастерье, или купецъ».

Но, вопреки всякимъ теоріямъ, жизнь свое беретъ. Взялъ свое и національнзмъ. Прежде всего соціалъ-демократы Берлинскаго парламента, при возникновеніи вопроса о возможности возникновенія войны между Франціей и Германіей, преспокойно заявили, что, будучи по убѣжденіямъ соціальными космополитами, они, въ защиту отечества, на дѣлѣ останутся вѣрными и достойными сынами Германіи Еще рѣзче выступила схватка между соціалъ-демократами поляками и нѣмцами и чехами и нѣмцами въ Австріи. Тутъ уже нельзя было скрыть явнаго обострепія сепаратнаго національнзма и явнаго національнаго автономизма даже въ одномъ и томъ же государствѣ.

Въ самой догматической литературѣ начинается постепенный отбой. Такъ Каутскій раньше писалъ: «національныя стремленія, какъ ни выгодны они, становятся все болѣе и болѣе безполезными, а иногда даже вредными»... А позже вотъ что: «соціалъ-демократическая партія должна быть въ такой же мѣрѣ національной, какъ и демократической» и что національная автономія можетъ и

должна стать лозунгомъ интернаціональной соціалъ-демократіи. Зомбартъ также запѣлъ на эту тему: «Соціальное движеніе въ различныхъ странахъ съ капиталистической культурой получаетъ различную окраску соотвѣтственно національнымъ различіямъ его носителей, вслѣдствіе чего можно, напримѣръ, отмѣтить особые «національные типы» соціальнаго движенія—англійскій, нѣмецкій, французскій... Космополитизмъ интеллигентныхъ одиночекъ, проникнутыхъ ассимилирующей идеологіей, всегда смѣняется глубоко и органически національными формами жизни, какъ только на авансцену политической борьбы выступаютъ во всей своей стихійной цѣлостности народныя массы, чуждыя абстрактной культурности, но связанныя тысячью живыхъ нитей со всей совокупностью специфической соціальной среды своего времени, своего мѣста, своей родины, своего народа».

Рѣзко проявилось сепаратистическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ интернаціональное и космополитическое движеніе соціальнаго національнаго націонализма въ 1897 г. на Брюннскомъ съѣздѣ соціалъ-демократовъ. Здѣсь защитниками стараго космополитизма выступили Nemetz, Libermann и др., а проповѣдниками новаго—Pernerstorfer, Adler, Даншевскій и др. Натискъ новаго ученія былъ слишкомъ великъ. За нимъ стояла сила новизны его. За нимъ стояла мысль о сохранности въ неприкосновенности автономности каждой, самой мелкой націи, въ ея психоантропологическомъ видѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на-

личность культурнаго національнаго интернаціонализма и культурнаго космополитизма. Новое ученіе сразу одержало побѣду. Появилось множество брошюръ и монографій и даже пашъ пролетаріатъ засыпанъ красной макулатурой того же содержанія...

До второй половины XIX вѣка борьба велась между государствами. Но такая борьба часто ставила въ опасное положеніе многія націи. Многимъ изъ нихъ приходилось истреблять другъ друга въ угоду государству. Такъ, въ войнѣ мелкихъ государствъ Италіи, въ угоду государямъ, итальянцамъ, братьямъ по племени, приходилось истреблять другъ друга. Еще рѣзче то проявилось въ войнѣ Германіи и Австріи. Здѣсь дѣти культурнаго племени, нѣмцы, должны были рѣзать другъ друга въ угоду домовъ Гогенцоллерновъ и и Габсбурговъ... Чувствовалась нелѣпость племенная, нелѣпость крови... Естественно возникало тяготѣніе дѣтей разрозненнаго племени къ единенію,—тѣмъ болѣе, что въ немъ чувствовалась сила единства и сила цѣлокупности племени. И это единеніе стало совершаться. Объединились Греція, Италія, Германія, Японія.. Теперь идетъ борьба не за интересы царствующихъ домовъ, а за цѣлость, нераздѣльность и мощь націи. Не государство идетъ противъ государства, а нація противъ націи. Существованіе Австріи, какъ нѣмецкаго государства, исчисляется днями. Не за горами стоитъ день соединенія австрійскихъ нѣм-

цевъ съ германскими. Дѣло замедляется тѣмъ, что при этомъ тевтонскомъ объединеніи они хотятъ побольше проглотить славянъ. А, какъ на бѣду, славяне стали тоже національно просыпаться и нетолько не хотятъ объявить соуса, подъ которымъ они готовы быть скушаны нѣмцами, но даже расчитываютъ вернуть кое-что и изъ того, что уже проглочено и еще не переварено нѣмцами.

Такимъ образомъ въ настоящій моментъ настаетъ борьба не государствъ, а цѣлыхъ народностей другъ съ другомъ за право существованія, за право наилучшаго бытія. Такая борьба является слишкомъ успѣшною и слишкомъ симпатичною, ибо люди идутъ умирать не за благо повелителей, а за благо родной крови. Такова была русская война изъ-за сербовъ, такова была война изъ-за болгаръ. Успѣхъ такой войны лежалъ самъ въ себѣ, въ существѣ, въ крови борющихся.

И вотъ этотъ видимый, этотъ природный успѣхъ захотѣли использовать соціалъ-демократы въ пользу своего партійнаго ученія.

На первый разъ національный сепаратизмъ совершенно противоположенъ общему національному космополитизму. Но это только на первый взглядъ,— съ различныхъ точекъ зрѣнія. Исходя съ антропологической и территоріальной точки зрѣнія, соціалъ-демократы объявили самый крайній, самый узкій націонализмъ. Каждая «даже малѣйшая національность должна быть во всякое время обезпечена въ своемъ свободномъ и самостоятельномъ

существованіи». Для поддержанія этой національной политической автономности разысканы были даже прежнія обмолвки. Такъ, въ датахъ международной ассоціаціи рабочихъ 1869 г. говорится «право даже самомалѣйшей національности на свободное, самостоятельное развитіе, требованіе, чтобы каждый членъ великой семьи человѣчества былъ облеченъ честью и достоинствомъ, значеніемъ и величіемъ, и чтобы онъ прежде всего стремился рѣшить свою національную задачу дома, поистинѣ братское отношеніе ко всѣмъ національнымъ движеніямъ, добившимся полной свободы, поистинѣ любовное отношеніе къ малоцѣннымъ языкамъ, рвущимся подняться на болѣе высокую культурную степень,—вотъ основная черта соціальнаго національнализма».

Въ силу новаго ученія, каждой національности должна быть предоставлена возможность свободно развить всѣ ея духовныя силы и способности, чтобы наполнить эти ея національныя формы творчества общечеловѣческаго содержанія.

Особенно полно это ученіе вылито въ работѣ Bauer'a. Первѣе всего Bauer налегаетъ на то положеніе, что нація представляетъ собою не одну только естественную общность, но и культурную общность. Съ этой точки зрѣнія каждая нація можетъ развиваться въ своемъ собственномъ направленіи, въ естественномъ отношеніи и отдѣльно—въ культурномъ, заимствуя культуру извнѣ и перенося ее на свою естественную почву.

По ученію соціалъ-демократіи, до настоящаго времени дѣло поставлено такъ, что работа однихъ создаетъ культурныя блага другихъ. Такая эксплоатація состоятельными классами трудовиковъ мѣшаетъ послѣднимъ вступить въ культурное общество и пользоваться благами культуры, плодами своихъ рукъ. Съ этой точки зрѣнія для состоятельныхъ классовъ совершенно безразлично, какой рабочій доставляетъ эти удобства жизни: нѣмецъ или итальянецъ, славянинъ или жидъ и т. д.

Съ другой стороны съ точки зрѣнія производителя совершенно безразлично, будутъ ли работать поляки или французы, итальянцы или болгаре. Національность тутъ ни при чемъ. Дѣло не мѣшаетъ русскому оставаться русскимъ, а нѣмцу нѣмцемъ. А такъ какъ націонализмъ льститъ самолюбію человѣка и удовлетворяетъ его внутреннему природному чувству, то въ естественномъ своемъ правѣ и пускай будетъ каждый тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Отсюда у соціалъ-демократіи вытекаетъ самая узкая, самая крайняя автономность соціализма. Поэтому всякая мелкая народность имѣетъ право на самостоятельное національное существованіе. Теперь главная задача соціалъ-демократовъ путемъ *школьнаго воспитанія* создать и укрѣпить національную неприкосновенность и національное чувство каждой мелкой націи. Тутъ соціалъ-демократія идетъ къ самому крайнему, самому мелкому сепаратизму. Такая школа, по Фихте, такое образованіе станетъ не собственно-

сгью, а личной составной частью воспитанника,— оно такимъ образомъ въ каждомъ воспитанникѣ, а это значитъ, въ каждомъ дѣтищѣ націи, будетъ проявлять пугемъ передачи національной культуры его инстинктъ національнаго характера.

Создавая такимъ способомъ особыя самыя дробныя націи, Брюнскій съѣздъ соціалъ-демократіи требуетъ, чтобы «права этихъ національныхъ меньшинствъ обезпечивались особыми законами, которые должны быть выработаны имперскимъ парламентомъ» (у насъ Государственной Думой).

Эти отдѣльныя антропологическія, неприкосновенныя націи, въ культурномъ отношеніи, однако, должны подать другъ другу руки, оказывать постоянную поддержку для оказанія помощи,— образовать, такъ сказать, международный союзъ. Съ этой точки антропологическій національный сепаратизмъ, вступаетъ на степень международнаго культурнаго союза въ томъ же государствѣ. Такъ возникаетъ интернаціонализмъ одного и того же государства. «Всѣ самоопредѣляющіяся области одной и той же націи образуютъ національно-единый союзъ, который рѣшаетъ свои автономныя дѣла вполнѣ автономно. Мы, соціалъ-демократы, не признаемъ никакихъ національныхъ привилегій и отвергаемъ требованіе государственнаго языка, — поскольку необходимость въ языкѣ для сношеній существуетъ—предоставляется рѣшить имперскому парламенту».

Такимъ образомъ каждое государство устраи-

вается на союзѣ отдѣльныхъ автономныхъ входящихъ въ него національностей, при чемъ признается антропологическая автономность каждой изъ этихъ національностей и культурная взаимопомощь и взаимодѣйствіе. Государство, значитъ, будетъ интернаціональнымъ культурнымъ союзомъ антропологически автономныхъ націй. «Соціальный принципъ національности является высшимъ синтезомъ національнаго принципа и національной автономности. Такимъ образомъ, соціальный принципъ національности синтезируетъ въ высшее единство всѣ преимущества какъ національной автономіи, такъ и буржуазнаго національнаго принципа.

Такой интернаціональный соціализмъ или интернаціонализмъ легко переходитъ въ національный культурный космополитизмъ, ибо легко международные союзы могутъ входить въ союзъ союзовъ и образовать космополитическое культурное цѣлое, оставляя неприкосновенную національную автономію.

Такимъ образомъ «элементы пролетарнаго интернаціонализма· культурный космополитизмъ, какъ его основной тонъ,—познаніе солидарности (единства) пролетаріевъ всѣхъ націй, какъ его содержаніе, увеличивающаяся опредѣленность въ борьбѣ противъ имперіализма, благодаря чему національная свобода и самоопредѣленіе становятся требованіемъ рабочихъ всѣхъ націй.

Сущность дѣла заключается въ томъ, чтобы

пользованіе культурными благами (желѣзныя дороги, фабричное производство, произведенія печати, познанія и проч.) распространено было между всѣми классами народонаселенія равномѣрно. «Тогда и трудящіеся и пользующіеся будутъ одни и тѣ же люди, идентичны». Прежде культурная исторія націи была исторіей имущихъ классовъ, теперь исторія націи становится достояніемъ массъ. Прежде чѣмъ стать полной, истинной, самоопредѣляющейся культурной общностью, нація должна стать общностью труда».

«Соціалъ-демократическая рабочая партія стремится къ тому, чтобы сдѣлать національную культуру, плодъ труда всего народа также достояніемъ всего народа и такимъ, единственно возможнымъ, образомъ сплотить всѣхъ членовъ націи въ національную культурную общность».

Борясь за болѣе вольную заработную плату и болѣе короткій рабочій день, стремясь къ развитію школьнаго дѣла, къ тому, чтобы школа и пролетарскимъ дѣтямъ открыла доступъ къ сокровищамъ ихъ національной культуры, требуя полную свободу печати, союзовъ и собраній, рабочій классъ борется за условія расширенія національной культурной общности».

Такъ какъ врагомъ народной массы являются имущіе классы, и притомъ непримиримымъ врагомъ, то побѣда рабочими классами будетъ достигнута только неумолимой борьбой съ ними.

«Конечная національная цѣль интернаціональ-

ной соціалъ-демократіи состоитъ въ объединеніи всего культурнаго человѣчества для общаго господства надъ природою и группировкѣ человѣчества въ автономныя національныя общества, пользующіяся своими культурными цѣнностями и сознательно направляющія развитіе своей національной культуры».

Порядокъ организаціи имѣется въ виду слѣдующій. Сначала образуются мѣстныя національныя профессіональныя организаціи. Эти организаціи образуютъ союзы мѣстныхъ организацій,—эти федераціи образуютъ собой большой союзъ, распространяющійся на все государство съ «единымъ организаціоннымъ строемъ, единой политикой, общей кассой», при чемъ мѣстныя организаціи здѣсь имѣютъ ничтожную компетенцію.

Наряду съ политикой существуетъ и соціалъ-демократическая *тактика*. Соціалъ-демократія намѣчаетъ себѣ двѣ задачи: 1) будить дремлющія въ пролетаріатѣ силы, потенціальную, скрытую энергію пролетаріата превратить въ кинетическую, дѣйствующую. Эту задачу она выполняетъ, пробуждая классовое сознаніе пролетаріата, *формулируя глухое недовольство рабочихъ массъ, революціонный инстинктъ эксплоатируемаго народа въ ясное пониманіе классовыхъ противорѣчій, воспитывая массы въ сознательной классовой борьбѣ*. Спеціально-педагогическая дѣятельность соціалъ-демократіи закладываетъ основу могущества пролетаріата.

Вторая задача состоитъ въ томъ, чтобы могущественный факторъ, въ который превращается *революціонный инстинктъ* рабочихъ массъ, благодаря его соціально-педагогической дѣятельности *примѣнить въ борьбѣ общественныхъ силъ.* Въ началѣ соціально-педагогическая и политическая дѣятельность совпадаютъ. Рабочая партія теперь имѣетъ главную задачу — *критику классоваго государства и общества. Своей критикой соціалъ-демократія воспитываетъ пролетарскія массы въ революціонномъ духѣ къ сознательному политическому хотѣнію. По этой соціалъ-педагогической дѣятельностью соціалъ-демократія воспитываетъ также* и свою политическую задачу: критику классоваго государства и общества *Страхъ передъ революціоннымъ движеніемъ пролетаріата заставляетъ господствующіе классы сдѣлать первыя уступки рабочему классу».*

Такое душевное состояніе соціалъ-демократы предполагаютъ въ состоятельныхъ классахъ даже въ томъ случаѣ, когда соціалъ-демократовъ меньшинство.

Во второй стадіи капиталистическаго развитія общества рабочій классъ является уже самымъ многочисленнымъ классомъ. Это опасная для буржуа сила. Она еще не можетъ добиться своего преобладанія и господства, но она ограничиваетъ тѣ партіи буржуа отъ власти, которыя относятся враждебно Она поддерживаетъ въ голосованіяхъ

партіи, борющіяся съ нелюбимыми. Эта тактика *политическаго революціонизма*—возможно цѣлесообразнѣе использовать пріобрѣтенное вліяніе пролетаріата. Однако, при такомъ положеніи часть рабочихъ впадаетъ въ политическій индифферентизмъ, а другая въ анархію и антипарламентскій синдикализмъ.

Третья стадія—пролетарное преобладаніе большинства. Буржуазія и господствующій классъ смыкается противъ общей опасности со стороны соціалъ-демократіи и оканчивается все завоеваніемъ власти рабочими массами.

А что при этомъ происходитъ—про то мы хорошо знаемъ по 1905—1906 годамъ.

Вотъ какъ использываютъ соціалъ-демократы національнализмъ. Они ошибаются только въ одномъ: можно затушить національное самосознаніе, но не національное чувство. Лучшимъ примѣромъ служатъ свалки между чехами и нѣмцами и между русскими и жидами во время погромовъ...

Этимъ можно было бы и закончить отношеніе соціализма къ національнализму. Но есть еще одна маленькая, не лишенная интереса и пикантности страничка. Это именно *отношеніе соціалъ-демократіи къ евреямъ.*

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ революціонномъ и соціалъ демократическомъ движеніи евреи играли, играютъ и будутъ играть очень видную, если не главную роль. Весьма естественно ожидать, что соціалъ-демократы должны

отнесгись съ великимъ почтеніемъ и великою предупредительностью какъ къ евреямъ вообще, такъ въ частности къ еврейской націи. Пожалуй, къ евреямъ—оно такъ есть и на дѣлѣ. Но что касается еврейской націи, то тутъ оказалась заминка и заминка весьма серьезная и небезинтересная. Во время вспышки національнаго использованія соціалъ демократы отнеслись къ еврейской націи весьма непочтительно.

Во время этого національно-соціалъ-демократическаго расцвѣта галицкіе евреи въ 1905 г. объявили, что они тоже нація и явочнымъ порядкомъ составили свою самостоятельную національную группу. Доводы евреевъ состояли въ томъ, что они тоже нація. А такъ какъ всѣ націи Австріи требуютъ автономіи, то и евреи должны пользоваться тѣми же правами. Но нѣмцамъ и другимъ національностямъ это не понравилось, и они представили свои соображенія. Прежде всего евреи не нація. Однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ націи—это территорія. Національная автономія должна быть поставлена на самоуправленіи замкнутыхъ національныхъ областей. Собственно говоря, помимо территоріи у евреевъ нѣтъ нѣсколькихъ и другихъ основныхъ чертъ націи: нѣтъ языка, а какой-то жаргонъ, нѣтъ цѣльности антропологическаго типа, самая религія такова, что болѣе сознательные изъ евреевъ сохраняютъ ее только для сохраненія націи

Но если даже оставить въ сторонѣ и такой

важный недостатокъ, какъ территорія, то и при всемъ остальномъ такой серьезный авторитетъ австрійской демократіи, какъ Bauer, затрудняется признать за евреями націю. И здѣсь я вынужденъ остановиться подольше на цитатахъ.

Было время, когда евреи были дѣйствительно нація. Таковою ихъ дѣлала не только общность крови, но и общность культуры. Они долго сохраняли свою національность, даже живя среди другихъ народовъ. Но съ развитіемъ капиталистическаго способа производства въ обществѣ, измѣнилось положеніе евреевъ въ обществѣ. Часть изъ нихъ попадаетъ въ классъ промышленный, буржуазію, благодаря торговлѣ и ростовщичеству. Новая культура еврейской буржуазіи отдѣляетъ образъ мысли и жизни этихъ евреевъ отъ тѣхъ евреевъ, которые продолжали жить старыми традиціями. Они вступаютъ въ христіанскую буржуазію и принимаютъ идеологію новую. Эта буржуазія приспособляется къ народамъ, среди которыхъ живетъ и постепенно ассимилируется ими. Мало-по-малу тѣмъ же духомъ охватываются и другіе классы еврейскаго народа: интеллигенція и мелкая буржуазія. Денежное хозяйство захватило въ свой круговоротъ все общество, сами христіане стали евреями. Еврейскій городской торговецъ является торговцемъ въ обществѣ, покоящемся на денежномъ хозяйствѣ. Онъ боится конкуренціи своихъ христіанскихъ коллегъ. Онъ долженъ приспособляться къ потребностямъ своихъ покупателей, удовлетво-

рять ихъ вкусы и не бросаться въ глаза чуждыми имъ особенностями.

И вотъ онъ снимаетъ традиціонную одежду, оставляетъ традиціонный языкъ и традиціонные нравы и все больше приближается къ окружающей его средѣ. Если еврей прежде являлся однимъ носителемъ денежнаго хозяйства, то теперь денежное хозяйство захватило все общество. Евреи приспособляютъ свою культуру къ культурѣ европейскихъ націй.

Евреи приспособляются къ всеобщей сущности буржуазнаго общества, «такъ какъ реальная сущность самого еврея получила всеобщее осуществленіе въ самомъ этомъ буржуазномъ обществѣ», говоритъ Marx. Фактическое приспособленіе ихъ повлекло за собою ихъ правовую эмансипацію, уравняло ихъ правами съ христіанами, или, какъ говоритъ Marx, евреи эмансипировались постольку, поскольку христіане стали евреями. Это уравненіе ихъ въ правахъ, въ свою очередь, ускорило ихъ фактическое приспособленіе. Процессъ ассимиляціи евреевъ идетъ ускореннымъ темпомъ съ тѣхъ поръ, какъ еврей принимаетъ участіе въ общественной и политической жизни націй,—съ тѣхъ поръ, какъ еврей-дитя посѣщаетъ публичную народную школу, а взрослый еврей отбываетъ въ арміи воинскую повинность.

Съ измѣненіемъ сельскаго хозяйства, евреи должны были разсыпаться по всей странѣ, перемѣнить свою профессію и заняться различными

формами производства. Вмѣстѣ съ этимъ евреи стали ассимилироваться тѣми націями, среди которыхъ они жили. Это дѣлается медленно, но дѣлается. Въ средней Европѣ они забыли свой языкъ, а говорятъ жаргономъ, они бросили свои традиціи, костюмъ и въ нихъ можно узнать евреевъ по мимикѣ и жестикуляціи. Они давно отказались отъ своей старой религіи, но не хотятъ оставить своего реформированнаго еврейства, содержаніе котораго бѣдно и мыслями и чувствами. Они не знаютъ даже древней литературы, древнихъ преданій своего народа, но упорно хватаются за жалкіе остатки этого національнаго наслѣдства, за отдѣльные слова и обычаи. Они находятся съ людьми, съ которыми они живутъ,— но браковъ съ инородцами не заключаютъ и отличаются сильно развитымъ сознаніемъ своей національной особи и національной принадлежности». Естественно, что такое обособленное положеніе евреевъ сближаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно ихъ и губитъ. Они сами стыдятся себя, они стыдятся своего имени и называютъ себя именами народа, среди котораго живутъ; но они желаютъ остаться и остаются сами собою. Внѣ границы русской земли они называютъ себя русскими, видимо находя въ этомъ для себя какой-нибудь интересъ.

Однако ихъ ассимиляція даже среди европейскихъ народовъ не закончена и еще идетъ. Да и сами народы относятся къ еврею, какъ къ чужому и пришлому. «Даже по отношенію къ западной

и средней Европѣ еще *нельзя сказать, что евреи не составляютъ націи*: но можно смѣло утверждать, что они *перестали быть націей*». Особенно сильно ассимилируетъ школа. Такъ, въ Богеміи евреи заявили, что ихъ разговорный языкъ чешскій. Медленнѣе идетъ ихъ ассимиляція въ Галиціи и Буковинѣ,—и только въ Россіи, Польшѣ и Румыніи они ближе къ первобытной націи. Но даже и тутъ, если они составляютъ націю, «то носятъ характеръ неисторической націи. Ихъ языкъ и культура зачахли».

Въ послѣднее время и въ Россіи евреи стремятся къ созданію самостоятельной исторической націи. Имъ нужна своя культура и они стремятся создать ее. Возникаютъ еврейскія организаціи, создаютъ еврейскую прессу, начинаютъ переводить на еврейскій жаргонъ литературу европейскихъ націй.

Однако для культурной общности требуется болѣе тѣсное сплачиваніе,—евреи же, напротивъ, обладаютъ особенною способностью къ разсѣянію, побуждаемые къ тому больше всего изысканіемъ болѣе цѣнной добычи.

«Евреи стали бы исторической націей, если бы они вообще оставались націей; но капиталистическое общество вообще не даетъ имъ сохраниться, какъ націи». Отказываясь даже отъ территоріи, какъ необходимаго условія наличности націи, Bauer полагаетъ, что общность капиталистическаго строя и производства у христіанъ и евреевъ на одной

территоріи создаетъ между ними такое сближеніе, что сохраненіе еврейства, какъ націи, внутри этого общества невозможно. «Если къ національнымъ меньшинствамъ нѣтъ притока изъ замкнутыхъ областей націи, то она мало по-малу растворяется въ окружающей ихъ національной средѣ». Жизнь выше всякихъ сантиментальностей.

Но для того, чтобы еврей рабочій былъ принятъ въ среду европейскихъ рабочихъ, онъ долженъ превратиться изъ еврейскаго пролетарія въ нѣмецкаго современнаго рабочаго. «Препятствіемъ тому служитъ не только языкъ еврея, но и самое существо его». Во многихъ предпріятіяхъ *христіанскіе рабочіе и теперь еще не выносятъ своего еврейскаго коллегу.* Эта антипатія объясняется не политическимъ антисемитизмомъ, а наивнымъ инстинктомъ, направленнымъ противъ чужой особи не ассимилированнаго еврея. Евреи должны культурно сравняться съ другими націями. «*Пока ихъ тонъ, ихъ манеры, ихъ одежда, ихъ нравы раздражаютъ ихъ христіанскихъ товарищей*, мастера, фабриканта», до тѣхъ поръ между ними антагонизмъ. «Представьте себѣ только еврейскихъ дѣтей въ собственныхъ національныхъ школахъ, съ еврейскимъ языкомъ преподаванія? Какой духъ будетъ господствовать въ этихъ школахъ?... Теперь еврейскій народъ имѣетъ другую культуру —культуру неисторической націи, культуру людей, находившихся внѣ круга европейскихъ цивилизованныхъ народовъ, передававшихъ изъ рода

въ родъ цѣлый міръ давно отжившихъ мыслей, желаній, правовъ... Такимъ путемъ дѣти еврейскихъ рабочихъ были бы искусственно воспитаны въ духѣ прошедшихъ временъ... Ихъ, *этихъ будущихъ промышленныхъ рабочихъ, борцовъ рабочаго класса, воспитали бы въ духѣ* средневѣковыхъ представленій, внушили бы имъ психологію отжившаго экономическаго строя, сохранили бы въ нихъ жизненныя привычки *еврейскаго шинкаря*, живущаго среди патуральнаго хозяйственнаго уклада жизни. Если же отказаться отъ требованія особой еврейской школы, то національная автономія теряетъ для еврейства всякое значеніе»...

Если сколько-нибудь внимательно просмотрѣть эти отношенія австрійскихъ соціалъ-демократовъ къ евреямъ, то окажется, что очень ужъ непочтительно они смотрятъ на этихъ борцовъ за гешефтную свободу и завзятыхъ революціонеровъ. Понятно, «товарищи» изъ евреевъ страшно обидѣлись. И вотъ одинъ изъ нихъ, нѣкто Житловскій, даетъ отповѣдь Bauer'у.

«Евреи, эти кочевники высшей культуры (?), несомнѣнно представляютъ собою особенную національность... Ни одинъ изъ окружающихъ народовъ не признаетъ евреевъ членами своей націи (Еще бы!).. Кто же они, если они не поляки, не румыны и т. д.? «Люди», отвѣтитъ интеллигентный еврей,—космополитъ. Отвѣтъ, конечно, вѣрный, хотя нѣсколько не точный... Если принять

этотъ отвѣтъ въ серьезъ (да кто же его въ серьезъ приметъ?), то получится, что человѣчество въ настоящее время распадается на многія національности и «людей», т. е. группы лицъ, которыя сами по себѣ не представляютъ никакой національности, но являются, повидимому, только исключительно вслѣдствіе того, что другія національности не похожи на нихъ».. (Ну, можно сдѣлать и иное допущеніе..)

Что касается территоріи, то Житловскій не можетъ не согласиться, что это большой минусъ у евреевъ при ихъ стремленіи образовать свою національность, и евреи уже давно *заботятся о созданіи національнаго центра въ автономной еврейской странѣ.* Но вѣдь одна территорія еще не опредѣляетъ націи. «Вѣдь евреи не переставали жить исторически(?), во все время своего существованія, не переставали вырабатывать своеобразную культуру и выдвигать массу талантовъ и даже геніевъ(?) въ области своей собственной литературы и науки, какъ бы эта литература ни была различна(?) отъ европейской».

Bauer говоритъ, что культурно болѣе сильная нація путемъ браковъ, тѣсныхъ экономическихъ и дружескихъ сношеній будетъ поглощать отдѣльныхъ членовъ меньшей націи и ассимилировать ихъ. Это будетъ «мирное соревнованіе вмѣсто насильственныхъ завоеваній». Но почему же Bauer исключаетъ евреевъ изъ этого процесса мирнаго соревнованія (Ого!..)?.. Bauer говоритъ, что въ

настоящее время неполноправная нація не можетъ защитить своей чести. Если кто оскорбитъ таковую націю, то нація, какъ таковая, не можетъ выступить въ качествѣ жалобщика· нѣтъ никого, кто бы имѣлъ право жаловаться... «Не думаетъ ли Bauer, что и еврейская нація *можетъ* попасть въ подобнаго рода положеніе, гдѣ ей придется защищать, можетъ быть, не только честь, но и имущества и жизнь своихъ сочленовъ?»

Но все это было бы ничего, если бы не «запахъ еврейскихъ школъ» и «жизненныя привычки еврейскаго шинкаря»... «Еще никогда и нигдѣ, отвѣчаетъ Ж. изъ устъ соціалиста не сыпалось столько оскорбленій еврейскому народу, не сыпалось столько плевковъ въ народную душу(?), не втаптывалась она въ грязь такъ, какъ въ этихъ научныхъ доводахъ Bauer'а. Еще никогда не дѣлалось еврейскому пролетаріату столько унизительныхъ предложеній—продать за чечевичную похлебку свое *я*... Старый космополитизмъ былъ, по отношенію къ евреямъ, куда чище и благороднѣе, чѣмъ новый панъ-націонализмъ Bauer'а. Этотъ панъ-націонализмъ, не видящій въ старой психологіи еврейской ничего, кромѣ *психики шинкаря*, въ старой еврейской культурѣ, этой сокровищницѣ человѣческихъ страданій и скорбныхъ думъ, есть явленіе новое въ современномъ соціализмѣ, явленіе, съ которымъ еврейскому рабочему классу придется самымъ серьезнымъ образомъ свести свои

счеты»... Сводите, на доброе здоровье... Капелька правды не понравилась...

И тѣмъ не менѣе, волей-неволей, нужно сознаться, что евреи несомнѣнно есть нація. Нація безъ территоріи, безъ языка, безъ вѣры,—но нація антропологическая. Она разсѣяна по всему свѣту, но брачится только въ своей средѣ и тѣмъ около трехъ тысячъ лѣтъ не только сохраняетъ, но и закрѣпляетъ свою націю, свою кровь. Ни новая религія, ни новыя формы жизни не измѣняютъ этихъ чертъ. Даже смѣшеніе не измѣняетъ типа. Присмотритесь къ французамъ, нѣмцамъ, итальянцамъ и проч. и въ очень многихъ изъ нихъ вы увидите еврея, который часто держится въ 5—10 поколѣніяхъ французской, нѣмецкой и итальянской крови.

Госпожа Ефименко права, говоря, что евреи сумѣли сохранить народность помимо единства языка и совсѣмъ независимо отъ территоріальной связи... Есть ли національность болѣе устойчивая, чѣмъ еврейская... Но, сохраняя націю по крови, евреи лишаются права на самобытное существованіе по своей разсѣянности, какъ цыгане, и могутъ существовать только, какъ механическая примѣсь, на правахъ иностранцевъ.

Въ Варшавѣ происходили засѣданія польскаго прогрессивнаго союза, на которыхъ подвергся разсмотрѣнію еврейскій вопросъ Интересны резолюціи, къ которымъ пришелъ съѣздъ:

Польскій прогрессивный союзъ считаетъ евреевъ

(жидовъ) не особымъ народомъ, но лишь группой племенновѣроисповѣдной безъ развитаго народнаго самосознанія, для котораго единственный способъ выйти изъ гетто,—это—усвоеніе европейской культуры, и такъ какъ съ этимъ фактически связано равноправіе въ жизни частной и общественной,—то политическая и культурная ассимиляція.

1) Жаргонъ (т. е. еврейско-нѣмецкій языкъ) не можетъ считаться народнымъ еврейскимъ языкомъ.

2) Ассимиляція политическая есть необходимое условіе мирнаго сожитія поляковъ и евреевъ. Поэтому обязанность польскаго и еврейскаго общества энергически бороться съ еврейскими группами, которыя стоятъ за принципъ еврейскаго народнаго эгоизма, равнодушія или противопоставленія интересамъ польскаго народа. Евреевъ ополяченныхъ считаемъ братьями, а отличающихъ себя евреевъ считаемъ элементомъ чуждымъ и въ извѣстныхъ отношеніяхъ и условіяхъ враждебнымъ.

3) Ассимиляція культурная, основанная на знаніи и любви къ польскому языку и литературѣ и польскимъ учрежденіямъ, должна производиться только средствами культурными—споспѣшествованіемъ распространенію польскаго языка среди евреевъ, основаніемъ начальныхъ общихъ школъ для дѣтей польскихъ и еврейскихъ.

4) Прогрессисты, признавая свободу совѣсти и равноправіе исповѣданій, считаютъ необходимымъ

поддерживать старанія еврейскихъ массъ освободиться отъ узъ фанатизма и предразсудковъ.

5) Съ цѣлями уменьшить нищету еврейскихъ массъ—должно *содѣйствовать* эмиграціи *и поддерживать старанія уничтожить черту осѣдлости.*

6) Независимо отъ всѣхъ теоретическихъ и искусственныхъ политическо-общественныхъ конструкцій, создаваемыхъ еврейскимъ національнымомъ, мы полагаемъ, что *польскій народъ никогда не дозволитъ на дѣленіе своей земли* и своей организаціи *между равноправными польско-еврейскими сторонами* и что онъ будетъ всегда достаточно силенъ для побѣды надъ такого рода стремленіями».

Итакъ, отъ евреевъ требуютъ полнаго слѣянія съ поляками. Вотъ что значитъ терминъ: «полякъ Моисеева исповѣданія».

А вотъ Варшавская газета «Dzien» печатаетъ десять заповѣдей, которыхъ польское общество должно держаться въ отношеніи евреевъ:

1) Ни въ какомъ случаѣ не прогежировать магазинамъ и ничего не покупать въ нихъ, посѣщая лишь исключительно польскія фирмы.

2) Не отдавать евреямъ въ наемъ ни лавокъ, ни квартиръ.

3) Не продавать евреямъ домовъ, имѣній и не отдавать ихъ въ аренду.

4) Избѣгать, насколько возможно, сношеній съ евреями въ торговлѣ, промыслахъ и на фабри-

kахъ; чтобы совершенно выгѣснить евреевъ изъ этихъ отраслей промышленности, необходимо организовать кооперативы.

5) Организовать, гдѣ только можно, наплывъ евреевъ, имѣя всегда въ виду интересы своей національности.

6) Стараться завладѣвать всѣми мѣстами, которыя могли бы быть заняты евреями, и стараться всѣми возможными способами обходиться безъ услугъ еврейства.

7) Помнить, что только небольшая кучка евреевъ, проклинаемая жаргонной печатью, солидарна съ интересами польскаго народа.

8) Помнить всѣ выступленія евреевъ противъ поляковъ и польскихъ интересовъ.

9) Помнить всегда, сколько порчи внесло еврейство всюду,—въ широко распространенную торговлю живымъ товаромъ, мошенничества при личныхъ сношеніяхъ, куплю и продажу домовъ, которыхъ теперь въ рукахъ евреевъ въ Варшавѣ три четверти.

10) Основывать дешевыя лавки, облегчать кредитъ, побуждать къ борьбѣ съ еврействомъ широкія массы народа, указывая на вредъ, который евреи причиняютъ намъ

IV.

Народности Россіи *).

Государство, извѣстное подъ именемъ Россійской Имперіи, создано *русскими* славянами, потомками скифовъ и сарматъ. Въ его созиданіи работали только одни русскіе, — а не поляки, не грузины, не финны и др. народности Россіи. Созидательница русскаго государства—русская нація, а потому эта нація по всѣмъ божескимъ и человѣческимъ правамъ должна быть *господствующей*

*) *Народности*, составлящія Россію: абадзехи, абхазцы—59,469, аваро-индійцы—208,041, аварцы, адербейджанцы—566,229, аджарцы, аины—1434, алатирцы, алеуты, арабы, армяне—985,022, балкарцы, бамбаки, барабинцы, башкиры—1,297,098, безингіевцы, бесленевцы, болгары—170,170, буряты—288,734, бѣлоруссы, вогулы, водь, вотяги—400,394, галгаи, гиляки—9,169, греки—149,892, гольды, грузины—814,892, гурійцы, дагестанцы, даргинцы—121,375, датчане, джерахи, дигорійцы, дунганы, евреи—5,021,476, енисейцы (кумандинцы, тюрцы, кызылы, сагайцы, кайбалы, бельтиры, карагоссы, сейоты, ураханцы)—37,721, жмудь—444,921, зиряны—138,225, ижорцы, ингуши, индусы, имеритины—270,513, итальянцы, кабардинцы—84,093, казикумухи—88,190, калмыки—181,669,

націей, держащей въ государствѣ власть, управленіе и преобладаніе или *державной націей*. Всѣ остальныя націи, какъ вошедшія уже въ готовое государство, какъ присоединенныя къ нему державной націей, должны быть ей *сподчиненными*.

камчадалы—3,978, карапмы, каракалпаки—93,215, карапапахи—29,878, каракиргизы—201,579, карачаевцы—26,847 карелы—196,615, кашгарцы—14,915, кипчаки, киргизъ-кайсаки (большая орда· каглы, дулаты, усуни, средняя орда: аргинцы, наймапы, киреп, малая орда· алчины и кураминцы)—287,332, кинанцы—53,080, кистины, коренцы 25,858, коряки 6,058, котты—вымерли, кумыки—83,035, курды—92,357, куроны, кюринцы—157,301, лагышп—1,382,211, лазы, лезгины, швы, литовцы—1,217,383, лопари—1,727, малороссы, манжуры—3,344, мещеряки—2,095, мингрельцы—238,843, молдаваны—216,690, монголы, мордва—989,266, патухайцы, ногайцы—56,228, норвежцы, нѣмцы—1,730,702, омоки, ороки—792, осетины—163,907, остяки—19,018, поляки—7,756,102, полѣщуки, пермяки—92,641, персы—15,827, пшавы, русскіе (вышѣ)—100,000,000 самоѣды (юраки, тавги)—3,874, сарты—966,599, сваны—15,669, сербы, сойоты, таджики—344,365, талышенцы—34,994, гаранчинцы—55,999, таранчи, татары—2,300,731, тагы—89,519, тепгеры—104,522, телепгиты, темиргаевцы, телеуты, тигуры, торгоуты, тунгузы—248,361, турки—191,374, туркмены—248,361, тушинцы, тюрки—358,611, тюрко-татары—261,234, удинцы 7,040, узбеки—725,622, урсуби, уряховцы, финны—2,352,990, хамшиевцы, хутухаевцы, хевсуры, хуламцы, цыгане, чегемцы, черемиссы—348,243, чергенеевцы, черкессы—40,427, чехи—28,960, чеченцы—223,347, чуванцы—1,700, чуваши—814,263, чудь—16,147, чукчи 10,237, шапсуги, шведы—5,768, эскимосы, эсты—975,809, юкагиры, якуты—221,467, японцы—2321. Цифры взяты изъ народной переписи за 1897 г.

Поэтому говорить о равныхъ правахъ въ государствѣ всѣхъ членовъ государства различныхъ націй—едва ли правильно и справедливо.

Кто больше потрудился для созиданія государствъ, тотъ имѣетъ въ немъ наибольшія права на господство и власть. Изъ остальныхъ націй только тѣ имѣютъ равное право съ господствующей державной націей, кои всей душой проникнутся интересами и культурой державной націи и станутъ ея истинными дѣтьми. Только тотъ, кто слился кровью и духомъ съ русскимъ народомъ, кто боролся въ его рядахъ за его національныя задачи и сталъ потомственнымъ пайщикомъ великаго культурнаго историческаго наслѣдія, имѣетъ неоспоримое право русскаго гражданскаго равноправія.

Говоря о господствующей народности, невольно является вопросъ: а какъ же быть съ *разновидностями націи*: малороссійской и бѣлорусской? Эти разновидности—только лишь оттѣнки проявленій жизни одной основной націи—русской. Русскій языкъ есть основной государственный и школьный языкъ во всѣхъ уголкахъ государства. Всѣ русскіе разныхъ оттѣнковъ должны умѣть говорить, читать и писать по русски, — но никогда никто не можетъ имѣть ничего и противъ того, чтобы малороссы умѣли говорить, читать и писать на своемъ нарѣчіи, а бѣлоруссы—на своемъ. Костюмы, нравы и обычаи Малороссіи и Бѣлоруссіи иные, чѣмъ въ Россіи, но они имъ сродны, а потому должны быть всюду и при всѣхъ условіяхъ допу-

стимы,—равно какъ и костюмъ русскихъ и ихъ нравы и обычаи близки и родственны и малороссамъ и бѣлоруссамъ. Россія слишкомъ велика. Всѣмъ намъ общи основныя черты, — мелочи же не раздѣляютъ, а только обогощаютъ разновидностью.

Напрасно говорятъ о сепаратизмѣ малороссовъ. Это—бредъ или юныхъ, или глупыхъ головъ. Правда, въ послѣднее время въ немаломъ числѣ появились въ Малороссіи австрійскіе наемники, сѣющіе слабосильныя сѣмена малороссійскаго сепаратизма. Мало того, мы даже поливаемъ этотъ наемный сепартизмъ своимъ благодушіемъ и терпѣніемъ,—но и это наносное зло не помрачитъ здраваго смысла малороссовъ. Напрасно говорятъ и о непониманіи малорусскаго языка русскими. Это не понимаютъ малорусскаго языка Грушевскаго,—но его не понимаемъ и мы, малороссы.

Россія включаетъ въ себѣ около 150 націй. Невольно возникаетъ вопросъ: какъ она будетъ относиться къ этимъ соподчиненнымъ націямъ? Разумѣется, не одинаково, въ зависимости отъ ихъ національнаго, соціальнаго и политическаго положенія. Есть націи, которыя въ культурномъ и политическихъ отношеніяхъ стоятъ довольно высоко и своими отношеніями къ Россіи заслужили благожелательство,—есть націи, которыя стоятъ на уровнѣ первобытныхъ народовъ. Эти націи представляютъ собою различныя цѣнности и потому вызываютъ различныя отношенія: къ болѣе куль-

турнымъ относятся· поляки, армяне, грузины, финляндцы и проч.

Поляки. Ближе къ намъ и по крови и по культурѣ стоятъ поляки Они, какъ будто бы, даже наши братья по крови, славяне. Ихъ литература стоитъ довольно высоко. Ихъ культура въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ равна русской. Ихъ жизнь понятна для русскихъ. Отличіе въ религіи. Поэтому сближеніе и сродненіе съ поляками не невозможно, хотя въ настоящее время стоитъ далеко отъ осуществленія. Тому виною сами поляки.

Для лучшаго пониманія дѣйствій поляковъ, я позволю коснуться психологіи этой націи.

Проф. К. Н. Ярошъ [1]) говоритъ: извѣстная *горячность польскаго* темперамента придаетъ струнамъ души высокій напряженный строй. Въ силу этой напряженности, всѣ чувства получаютъ чуткую отзывчивость на внѣшнія воздѣйствія. Радость и горе, любовь и ненависть звучатъ здѣсь полными звуками, переходя нерѣдко даже въ аффектированный топъ: чувство чести, французской point d'honneur, сгановится здѣсь гономъ и щетинится иглами кичливости, самохвальства, надменности и забіячества. Легкая возбудимость и экспансивность польскаго характера освѣщаетъ многія историческія сцены искусственнымъ, «бенгальскимъ», свѣтомъ... Эмоціональность поляковъ сообщаетъ замѣчагельную страстность ихъ надеж-

[1]) *К. Н. Ярошъ.* Русско-польскія отношенія.

дамъ и опасеніямъ. Открывшаяся извѣстная перспектива, мерцающая вдали приманка совершенно захватываетъ ихъ и неудержимо увлекаетъ впередъ... Столь же велика страстность поляковъ и въ ихъ опасеніяхъ: лишь только въ душѣ ихъ водворилось недовѣріе, togъ часъ же начинается преувеличенная тревога, лихорадочное безпокойство по самымъ ничтожнымъ причинамъ, вѣчная подозрительность ко всѣмъ и ко всему. Они видятъ повсюду интриги, козни, шпіоновъ, измѣнниковъ и начинаютъ сами подводить контрмины. Сильная воспріимчивость къ впечатлѣніямъ сообщаетъ полякамъ легкость перехода отъ чувства къ чувству, отъ сабельнаго удара къ дружескому поцѣлую, отъ геройскаго подвига къ излишествамъ въ утѣхахъ жизни.

Это свойство давало многимъ моралистамъ поводъ уличать поляковъ въ легкомысліи, но этимъ же самымъ свойствомъ придается польской жизни и исторіи окраска добродушія .. Неустойчивость чувства обращается въ страстную стойкость, если причины не перестаютъ его подновлять. Тогда любовь разгорается до пламеннаго обожанія, а ненависть обращается въ неумолимую и неустанную злобу... Живость чувствъ, естественно, обусловливаетъ собою высокій подъемъ воображенія... Но таже живость чувствъ и тоже воображеніе вносятъ въ прозаическія жизненныя отношенія нежелательный колоритъ фантазерства и *легкаго уклоненія отъ истины*...

Духовная природа славянина разсматриваемой

отрасли одарена талантливостью, сердечной глубиной, сложнымъ и богатымъ душевнымъ строемъ, способнымъ чутко отзываться и на громкій кличъ и на самый тихій звонъ добра и красоты».

Н. И. Костомаровъ утверждаетъ, что у поляковъ «чувство господствуетъ надъ разсудкомъ».

Это одна психологическая картина. А вотъ и другая. А. Подвысоцкій [1]) говоритъ слѣдующее: сознаніе монархической идеи и духъ своевольной анархіи, благоговѣніе предъ величіемъ и оскорбительное къ нему недовѣріе, безпредѣльная гордость и раболѣпное униженіе, геройское самопожертвованіе и своекорыстное честолюбіе, христіанская идея братства и духъ сварливой междуусобицы, глубокое религіозное чувство и въ тоже время фанатическая нетерпимость,—вотъ общія черты добродѣтелей и пороковъ, при взаимной борьбѣ которыхъ пала Польша»...

Польскій народъ «потерялъ всякое единодушіе до того, что между поляками нельзя найти двухъ людей, согласныхъ между собою. Продажные, испорченные, легкомысленные, вздорные, деспоты, прожектеры, предоставляющіе свои имѣнія въ управленіе жидамъ, которые сосутъ кровь ихъ подданныхъ и платятъ за то очень мало: вотъ вамъ живой портретъ поляковъ» [2]),—говоритъ Императрица Екатерина II.

---

[1]) *А. Подвысоцкій.* Записки очевидцевъ о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1861 и 1862 г.

[2]) Письма къ Гримму, № 238.

Поляки между славянами занимаютъ особенное положеніе. Всѣ славянскія народности, болѣе или менѣе открыто и настойчиво проповѣдуютъ и проявляютъ склонность къ національному сближенію и объединенію. Одни поляки среди славянскихъ народовъ являются измѣнниками славянскому племени, его предателями и явными врагами. Сколько разъ и въ Вѣнскомъ и Берлинскомъ парламентахъ поляки продавали интересы славянъ и открыто выступали противъ славянъ же... Что открыто дѣлалось въ парламентахъ, то же открыто проявляется и въ жизни. Въ жизни поляки являются открытыми и явными врагами славянскаго племени. Такими угнетателями они были и есть въ Россіи малороссовъ, бѣлоруссовъ, литовцевъ и проч. Вмѣстѣ съ этимъ они вступили въ союзъ съ врагами Христа и всего человѣчества—евреями или поляками Моисеева Закона, совмѣстно давя другихъ славянъ и высасывая изъ нихъ кровь. Вспомнимъ времена гайдамакъ, Гонты и др. защитниковъ русской народности и православной вѣры... Да стоитъ ли такъ далеко ходить... Что у насъ теперь дѣлается въ Бѣлоруссіи, Подоліи, Волыни, въ Холмщинѣ... А еще и того ужаснѣе и безчеловѣчнѣе отношеніе поляковъ къ русскимъ въ Галиціи и Угорщинѣ...

«Въ селѣ Грабѣ власти (польскія) не разрѣшили православнаго богослуженія на томъ основаніи, что оно совершается при зажженныхъ свѣчахъ и угрожаетъ деревнѣ опасностью пожара...

Въ селѣ Телѣжѣ въ сочельникъ Рождества Христова бой барабановъ огласилъ это мирное село, при чемъ староста объявилъ жителямъ, что власти оштрафуютъ каждаго, кто осмѣлится пойти въ эту ночь на богослуженіе въ часовню. Когда священникъ Илечко въ 4 часа утра, по мѣстному обычаю, началъ богослуженіе, жандармы окружили православную часовню, оттѣсняя отъ нея крестьянъ и отправляя ихъ группами по этапу въ уніатскую церковь. Крестьянъ, собравшихся съ вечера, а также и пѣвчихъ, жандармы насильственно вывели изъ часовни, таща ихъ сзади за одежды и приставивъ штыки къ груди. Отцу Илечку приказано, чтобы онъ немедленно прекратилъ богослуженіе, или заперъ часовню. Когда же собравшійся народъ, около трехсотъ человѣкъ, заступился за своего пастыря, жандармы прикладами ружей стали избивать крестьянъ, налегая особенно на женщинъ. Три женщины ранены штыками въ грудь, крестьянину же Якиму Щербѣ нанесли опасную рану прикладомъ въ голову. Крестьяне простояли 4 часа во дворѣ, въ снѣгу, на вѣтру и на морозѣ все время, пока въ запертой часовнѣ от. Илечко съ однимъ причетникомъ совершалъ богослуженіе. Утромъ явился изъ уѣзднаго города Сокаля правительственный комисаръ, запечаталъ православную часовню и запретилъ от. Илечку принимать въ своемъ домѣ крестьянъ подъ угрозою немедленной высылки».

Какъ вы думаете, господа, когда и гдѣ про-

исходили эти сцены,—во времена Гонты, Остряницы, Дорошенка?.. Нѣтъ въ 1911 г. подъ Рождество въ Австріи...

При такомъ отношеніи поляковъ къ нашимъ братьямъ, русскимъ, можемъ ли мыслить хотя минуту о допущеніи поляковъ къ равноправію?... Можемъ ли мы хотя минуту думать, что это культурные люди, а не башибузуки... Кстати замѣтить, что во всѣ войны Россіи съ Турціей за освобожденіе славянъ отъ турецкаго ига, польскіе легіоны тоже всегда учавствовали, но только всегда добровольно со стороны турокъ. Видимо у поляковъ въ крови особенное тяготѣніе къ башибузукамъ, ибо даже въ послѣднюю войну Италіи съ Турціей въ Польшѣ раздался кличъ о составленіи легіоновъ для помощи туркамъ противъ итальянцевъ—католиковъ.

Можемъ ли мы говорить съ этими людьми о братствѣ...

Нѣтъ слова, за порабощеніе нашихъ русскихъ братьевъ поляками въ Россіи виновны, преступно виновны, прежде всего мы сами, русскіе. Нѣтъ слова оправданія тѣмъ русскимъ, кои позволяли и помогали закрѣпощать полякамъ нашихъ братьевъ русскихъ въ Россіи. Но пускай и поляки не забываютъ, что, пока они будутъ давить русскихъ, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и внѣ оныхъ,—братства и равноправія между нами быть не можетъ.

Тогда только можно будетъ мыслить о равноправіи, когда Бѣлоруссія, Холмщина, Волынь,

Подолія и другія подавленныя поляками части освободятся отъ польскаго ига и станутъ русскими. Тогда только можно будетъ мыслить о равноправіи съ поляками, когда и въ Галиціи и Угорщинѣ поляки установятъ равноправіе съ Русскими. Нынѣ же можно только удивляться, какъ поляки еще не отдаютъ въ Австріи въ аренду русскихъ православныхъ церквей жидамъ... Жиды—арендаторы найдутся... Да и паны поляки не далеки отъ того, чтобы вспомнить старину. . Плохо же будетъ, когда рядомъ съ этимъ воскреснутъ и гайдамаки...

Во избѣжаніе польскаго засилья въ Бѣлоруссіи, мы немедленно должны ввести въ бѣлорусскій костелъ богослуженіе на русскомъ языкѣ. Мы должны немедленно дать бѣлорусскимъ костеламъ русскихъ ксендзовъ. Мы должны немедленно устроить русскую католическую семинарію, гдѣ бы могли образоваться русскіе ксендзы. Тогда немедленно, въ одинъ мигъ падетъ вліяніе поляковъ въ Бѣлоруссіи и Бѣлоруссія воистину станетъ Россіей и свергнетъ съ себя польское да и жидовское иго.

Русскіе поляки всѣми способами старались и стараются выжить всѣхъ русскихъ изъ Польши... Польша для поляковъ. Благо. Не пора ли и русскимъ образумиться и попросить господъ поляковъ врачей, адвокатовъ и другихъ свободныхъ профессій отправиться въ свою Польшу и тамъ практиковать. У насъ, славу Богу, достаточно и

врачей и адвокатовъ своихъ русскихъ. Да и нашимъ русскимъ пора образумиться и помнить, что русскіе врачи и русскіе адвокаты намъ, русскимъ, немножко ближе, чѣмъ поляки,—и не лучше ли, въ случаѣ нужды, обращаться къ нашимъ, а не къ чужимъ. Что это бойкотъ? О нѣтъ, не бойкотъ, а только благоразуміе и осмысленность. Поляки давно объявили намъ бойкотъ и мы молчали и терпѣли. Мы же должны не бойкотировать, а только взяться за умъ. Г.г. же полякамъ нужно помнить, что русскіе съ ними ссориться не желаютъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе перестаютъ быть столь сантиментальными и уступчивыми, какъ были прежде,—и открытыми глазами смотрятъ на проекты и политику поляковъ по отношенію къ русскимъ. Ею же мѣрою мѣриши, тою же и возмѣрится.

Я совершенно согласенъ съ М. О. Меньшиковымъ [1]), что мы сдѣлали большую ошибку, присоединивъ къ себѣ Польшу. «Воображая усилить себя, мы до крайности ослабили себя. Подъ видомъ «братскаго» славянскаго народа мы ввели подъ свою крышу закоренѣлаго врага, врага тысячелѣтняго, который въ теченіе давныхъ вѣковъ угнеталъ западную Русь и который въ этомъ угнетеніи привыкъ видѣть историческое свое призваніе. Россія до раздѣла Польши развивала свою титаническую силу на одномъ началѣ: національной чистоты своей, національнаго единства и свой-

[1]) *М. О. Меньшиковъ.* Сомнительная родня, 1911.

ственнаго единству единодушія... Старая Россія имѣла одно русское племя, одного Бога, одну вѣру, одинъ языкъ, одно отечество, одну органически—родную культуру, паѳосомъ которой была страстная любовь къ родинѣ... Съ крушеніемъ старой русской аристократіи мы начали тратить силы великаго племени на безумную защиту чужихъ интересовъ, презирая собственные. Мы довѣрчиво ввели въ родныя стѣны заклятыхъ враговъ своихъ не подозрѣвая, что отнынѣ вся ихъ цѣль будетъ состоять во внутреннемъ предательствѣ, внутреннемъ и внѣшнемъ разрушеніи Россіи. Аристократіи польской, заслужившей свои титулы на многовѣковомъ причиненіи вреда Россіи, мы сохранили эти титулы и слили ее съ своей аристократіей. Вмѣстѣ съ польскою ненавистью мы ввели въ организмъ свой и ту проказу, которою эта страна страдала—паразитное жидовское племя. Поистинѣ самоубійственнымъ для насъ былъ захватъ Польши»...

Русскіе должны твердо и настойчиво идти въ отношеніи къ полякамъ, пока не добьются своего,—а тогда уже можно будетъ говорить о братствѣ и сближеніи.

Я глубоко убѣжденъ, для всѣхъ насъ было бы лучше произвести обмѣнъ Польши на Галицію и Угорщину. Быть можетъ поляки съ пруссаками и австрійцами сжились лучше. А быть можетъ они тогда вспомнили бы и о Россіи болѣе человѣколюбивой.

Въ послѣдніе годы стали раздаваться чаще и чаще польскіе голоса въ пользу примиренія поляковъ и русскихъ. Въ большинствѣ эти голоса неискренніе и скрываютъ за собой очень высокій куртажъ.

Вотъ одинъ изъ нихъ, болѣе искренній. Для этого примиренія требуется: «справедливое и разумное отношеніе русскихъ правящихъ сферъ и русскаго общества къ польской народности и римско-католической религіи—сохраненіе національно-племенной жизни, обезпеченіе національно-племенного существованія. Поляки, получивъ въ *заключое* удовлетвореніе потребностей своей народности и *полную гражданскую равноправность* съ русскими, да вступятъ въ новую жизнь народно-общественную и да понесутъ свой посильный трудъ, свой разумъ, свое знаніе и свой гражданскій опытъ на дѣло и благо своего политическаго центра... Поляки, сдѣлавшись дѣйствительными настоящими гражданами, да пребудутъ навѣки вѣрными своимъ гражданскимъ обязанностямъ. Поляки, ставши на основѣ гражданскаго равноправія настоящими и живыми членами государства и общества, да содѣйствуютъ укрѣпленію силы и единства Имперіи»... [1]). Очень мило. Но пусть поляки сначала докажутъ свои фактическія заслуги въ этомъ направленіи, а тогда уже мечтаютъ и о равноправіи. Не такими показали себя поляки въ

[1]) *Графъ Лелива* (псевдонимъ). Русско-польскія отношенія, 1895.

1905 г., въ Холмскомъ вопросѣ, земствѣ западныхъ губерній и проч.

Гораздо фальшивѣе говоритъ графъ Корвинъ-Милевскій [1]). Презирая и обливая грязью литовскій революціонный народъ, Корвинъ-Милевскій требуетъ для литовскихъ дворянъ равноправія съ русскими дворянами. При этихъ условіяхъ литовскіе дворяне станутъ грудью у престола русскаго императора. Благо. Но престолъ русскаго императора стоитъ очень очень крѣпко на безпредѣльно преданномъ стомилліонномъ русскомъ народѣ съ его дворянствомъ во главѣ и на преданности большей части 50 милліоновъ подданныхъ ему народовъ. И эта преданность зиждится не на исканіи равноправія. Русскіе дворяне владѣютъ правами на основаніи моря крови пролитой ихъ предками въ защиту и строеніе Россіи. Русскіе дворяне пользуются правами и нынѣ, отдавая свою жизнь на служеніе защиты царя, вѣры православной, матери Россіи и ея родного языка и культуры. А г. Корвинъ-Милевскій требуетъ равноправія *литовскому* дворянству съ русскими съ сохраненіемъ «вѣры католической, *польскаго языка особой польской* культуры у литовскихъ дворянъ».. Такимъ образомъ, *литовскіе дворяне*, предки которыхъ измѣнили вѣрѣ православной, Россіи и русскому языку, и теперь требуютъ равноправія съ русскимъ дворянствомъ, оставляя за собою право быть *польскими дворянами*. Рус-

[1]) *Графъ Корвинъ-Милевскій.* Борьба съ ложью, 1911.

скіе дворяне, имѣя великую честь быть дѣтями великой и славной родины Россіи, за свои права несутъ и обязаности трудныя и великія водворенія націонализма въ народѣ, внѣдреніе *русской вѣры, русскаго языка,* любви и преданности къ Россіи, ея исторіи, ея культуры и всему русскому... И этотъ долгъ несется дворянствомъ съ великимъ самопожертвованіемъ повсюду и особенно на окраинахъ,—а *литовскіе дворяне* стремятся получить равноправіе безъ всякаго труда.

Не нравится г. Корвинъ-Милевскому и современный русскій націонализмъ и онъ рекомендуетъ «умному» и «сильному» правительству держать его въ ежевыхъ рукавицахъ и иногда энергично подавлять во имя справедливости»...

Какъ эти паны любятъ гнетъ и ежовыя рукавицы, то во имя славы божіей, то во имя справедливости... Ежевыя рукавицы право не хороши, какъ въ рукахъ графовъ, такъ и въ рукахъ гайдамакъ...

Поляки, какъ и всѣ инородцы въ Россіи, *тогда только могутъ разсчитывать на равноправіе въ Россіи, когда они на дѣлѣ докажутъ, что они прежде всего русскіе, а потомъ поляки, армяне* и проч

Армяне. Русскіе съ армянами имѣютъ дѣло съ тѣхъ поръ, какъ русскихъ судьба занесла на Кавказъ. Въ послѣднія столѣтія армяне стали коммерсантами и въ этомъ отношеніи во многомъ напоминаютъ жидовъ. Съ завоеваніемъ Кав-

каза русскими, армяне въ большомъ числѣ, больше 600,000 вступили въ русское подданство. Не легко жилось армянамъ и на Кавказѣ, и въ Турціи, и въ Персіи. Ихъ безпощадно и грабили, и рѣзали. Съ появленіемъ на Кавказѣ русскихъ, армяне вздохнули. Въ русскихъ они нашли защиту. Въ русскихъ они нашли опору. Нужно правду сказать, очень часто и армяне являлись вѣрными сынами своей родины и помогали русскимъ въ войнахъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Имена Вани Ованесова и др нигдѣ не забудутся русскими—и русскіе всегда относились къ армянамъ дружески и братски. Еще недавно 40000 армянскихъ семействъ приняты были изъ Турціи, когда тамъ началась поголовная рѣзня армянъ, въ Россію и отплатили намъ весьма подло.

Сначала дѣло шло, какъ будто и въ пользу русскихъ. Составилась партія «Дашнакцютюнъ», которая въ началѣ имѣла въ виду борьбу съ турками. Этимъ способомъ мы пріобрѣтали себѣ союзника противъ турокъ не только въ Россіи, но и въ самой Турціи. А мы знаемъ по прежнему, что армяне могутъ быть хорошими развѣдчиками и шпіонами, не хуже жидовъ,—да и въ борьбѣ они бывали надежными союзниками. Бывали измѣны, бывали вѣроломства со стороны армянъ и раньше,—но все таки эти отрицательныя качества проявлялись слабѣе, чѣмъ у жидовъ.

Но вотъ наступило XX столѣтіе. Армяне стали ярыми націоналистами. Они стали искать своей

Арменіи. Они вообразили, что уже нашли ее. И въ своемъ увлеченіи перенесли дѣятельность дашнакцютюна съ Турціи и на Россію. Начались убійства. Начались экспропріаціи. Пускай благодарятъ Бога, что русскіе въ это время не поступили такъ, какъ могли бы поступить. Къ сожалѣнію, ни русскіе, ни армяне не научились прошлымъ. Во время польскаго возстанія, точнѣе возстанія шляхты, польскіе хлопы, быдло, возстали тоже, но возстали не за поляковъ, а противъ поляковъ, за Россію. Началось поголовное истребленіе польскихъ пановъ простыми хлопами. И скоро польское возстаніе было бы усмирено,— и не русскими войсками, а хлопами. Было бы оно усмирено основательно, ибо отъ пановъ осталось бы только одно воспоминаніе.

Русскія войска выступили противъ «взбунтовавшихся» хлоповъ въ защиту польскихъ бунтовщиковъ и повстанцевъ... Вы скажете, это глупо?.. Мало ли наши паны дѣлали глупостей...

Такъ и въ возстаніе армянскаго дашнакцютюна на Кавказѣ стоило только пустить свободно живущихъ тамъ татаръ и отъ армянъ осталось бы одно только воспоминаніе... Но на Кавказѣ жилъ армянскій батько... Да и то правда. Между армянами было гораздо больше несчастныхъ, чѣмъ бунтарей и разбойниковъ. Сами своихъ армяне грабили такъ, что теперь трудно сказать, кто больше презираетъ дашнакцютюнцевъ—русскіе и татары, или сами мирные армяне.

Вскорѣ сами дашнакцютюнцы увидѣли, что дѣло ихъ проиграно. Въ 1906 г. на съѣздѣ въ Эчміадзинѣ они рѣшили, что отказываются отъ идеи самостоятельной или автономной Арменіи, въ виду отсутствія для этого подходящей территоріи, вмѣстѣ съ тѣмъ они рѣшили *отобрать отъ церкви ея имущества съ тѣмъ, что бы обратить ихъ въ общій народный фондъ*. Этимъ самымъ дашнакцютюнцы явно пошли по пути революціи и окончательно возстановили противъ себя все мирное торговое и сельскохозяйственное населеніе. Добрыя отношенія нарушились. За то появился на сцену терроръ. Разладъ еще больше усилился, когда были обнаружены подъ-рядъ двѣ довольно крупныя растраты, произведенныя распорядителями имуществъ. Пришлось самимъ армянамъ просить русскія власти найти виновныхъ и охранить отъ растраты имущество. Мало того, мирная масса армянскаго населенія нынѣ открыто порвала съ дашнакцютюномъ и рѣшительно отвергла и осудила его выступленія противъ русскихъ. Армяне стали успакаиваться. Возможность возстановленіе прежнихъ отношеній съ русскими предвидится. Но еще далеко до полнаго примиренія и успокоенія. Армяне слишкомъ поставили себя сепаратно. Они образовали свои кружки врачей, адвокатовъ и строго требуютъ, чтобы армянская масса не смѣла пользоватся услугами инородныхъ спеціалистовъ. Благо. Тѣмъ хуже для армянъ. Армяне далеко еще отстоятъ отъ русской культуры и

русскаго образованія и замкнутность въ самихъ себѣ едва ли пойдетъ имъ на пользу. Вмѣстѣ съ тѣмъ пускай же они не пеняютъ и на русскихъ, что тѣ не допускаютъ ихъ къ равноправію. Прежде это было еще возможно,—но теперь чѣмъ больше армяне будутъ замыкаться въ самихъ себѣ, тѣмъ хуже для нихъ. Напрасно они тоже стараются войти въ сношеніе съ Европой черезъ головы русскихъ. Европа ихъ не приметъ. А Россія не имѣетъ нужды сама стремиться къ сближенію. Никто ихъ религіи не трогаетъ. Никто ихъ литературы не запрещаетъ, если она не преступна противъ государства. Никто имъ дома не запрещаетъ говорить по армянски. Но пускай они помнятъ, что Арменіи нѣтъ, а есть Россія и они доголѣ не будутъ русскими, пока не станутъ русскими.

Грузины. Теперь очень часто можно слышать съ великимъ форсомъ произносимыя слова:

«Мы, грузины, люди вольные. Мы по своей волѣ присоединились къ Россіи и такъ обращаться, какъ съ нами обращается Россія, болѣе, чѣмъ непростительно...

Двѣ грубыя наглости... Наглости, объясняемыя частью нашимъ полнымъ невѣжествомъ въ области исторіи Россіи вообще и въ особенности въ области исторіи присоединенія Кавказа.

Кто хотя мало-мальски знаетъ исторію присоединенія Кавказа къ Россіи, тому извѣстно, что уже полтысячи и болѣе лѣтъ Грузія была не-

счастнѣйшая страна. Она буквально была разрываема и опустошаема безбожно. Съ одной стороны ее жгли и разоряли персы,—съ другой также разоряли и увозили въ плѣнъ, особенно женщинъ, турки,—съ третьей лезгины и другіе хищники совершенно опустошали ее. Горе Грузіи было такъ велико, что еще при Феодорѣ Іоанновичѣ царь Александръ просился подъ подданство Москвы. Царь Михаилъ Феодоровичъ, также имѣлъ новое предложеніе. Была посылаема и помощь Грузіи. Но Грузія была такъ бѣдна и такъ слаба, что не въ состояніи была даже содержать маленькихъ русскихъ отрядовъ [1]).

Великій Петръ также былъ на Кавказѣ и воочію увидѣлъ, что Грузіи отъ насъ польза, а намъ отъ Грузіи, какъ отъ козла молока. Во время Турецкой войны при Екатеринѣ II наши отряды имѣли дѣло съ турками и на Кавказѣ, при чемъ, при заключеніи мира, Екатерина вставила пунктъ: «торжественно и навсегда Блистательная порта отказывается требовать дань отъ Грузіи *отроковицами*, а также и всякаго другого рода подачки»...

Ведутся настойчивые переговоры о принятіи Грузіи въ подданство Россіи и при императорѣ Павлѣ. И только Александръ I, послѣ долгихъ колебаній и нежеланія, соглашается, наконецъ, на принятіе Грузіи въ подданство Россіи. «Не для Россіи присоединяется сей народъ къ Имперіи,

[1]) См. подробно. *Проф. П. И. Ковалевскій.* Завоеваніе Кавказа Россіей. Изд. 2-е.

говоритъ Императорскій рескриптъ,—но собственно для него,—не нашихъ пользъ мы въ немъ ищемъ, но единственно его покоя и безопасности?.. И это была истина.

И послѣ этого говорить о добровольномъ присоединеніи.

Но и этого мало. Присоединяясь въ силу крайней, неизбѣжной, неустранимой необходимости, Царь Георгій загибаетъ такія условія присоединенія, съ которыми бы слѣдовало его преспокойно попросить «пожаловать вонъ»... Вотъ эти условія.

1. «Его Высочество, Царь Георгій грузинскій, кахетинскій и прочихъ, вельможи, духовенство и народъ его желаютъ *единажды навсегда принять подданство* Всероссійской Имперіи, обязуясь свято исполнять все то, что исполняется россійскими подданными. 2. Всепокорнѣйше проситъ, чтобы при вручении царства его, былъ онъ оставленъ, а по немъ и наслѣдники его, на престолѣ съ титулами царей, добровольно подвергши себя и царство свое подданству Всероссійской Имперіи, и имѣть имъ, царямъ, *главное въ своемъ царствѣ правленіе* по тѣмъ законамъ, кои отъ высочайшаго двора должны быть имѣютъ. Отъ себя же имъ безъ особаго повелѣнія никакихъ законовъ не вводить. 3. Для настоящаго и дѣйствительнаго сего узаконенія и приверженности къ подданству, царь проситъ къ доказательству вѣрности своей всемилостивѣйше опредѣлить ему жалованье и содержаніе (разумѣется, изъ русскаго казначейства?) и *пожа-*

ловать въ Россіи деревни (это царю то? Русскія деревни видимо лучше грузинскаго царства... Развѣ это не опереточный царь)... Доходы же царства грузинскаго царя, какъ подданный, представляетъ въ полную власть государя Императора *обратить*, какъ благоугодно, *на содержаніе войскъ* и *на другія тамошнія надобности*, какъ то: *къ обращенію тамошнихъ земледѣльцевъ въ вящшую любовь и приверженность* своему Государю Императору, всемилостивѣйше дать, насколько лѣтъ благоугодно будетъ, льготу въ податяхъ (значитъ грузинъ избавить отъ податей, а жалованье царю, содержать войска и государственные расходы возложить на русскихъ... Хорошій гешефтъ) 4. По принятіи во всероссійское подданство царя и царства его, на первое время *необходимо нужно* въ тѣхъ мѣстахъ имѣть до 8,000 человѣкъ войска, коими занять всѣ тѣ мѣста, гдѣ за благо принято будетъ главнопачальниками тѣхъ войскъ къ защищенію отъ сосѣднихъ бродягъ (хорошо царство, что само себя не можетъ оградить отъ сосѣднихъ бродягъ); также нужна принадлежащая къ онымъ артиллерія и съ прочимъ орудіемъ»... и т. д. и т. д. Словомъ выходило такъ, что какъ будто не Грузія ничтожество, ищущее защиты отъ Россіи, а наоборотъ...

И тѣмъ не менѣе Россія, наивная и добродушная, какъ всегда, приняла эту терзаемую Грузію и защитила ее.

Мы знаемъ добровольное присоединеніе Имеретіи, Мингрелии и Гуріи... нашими войсками.

Впрочемъ, Гурія была присоединена безъ кровопролитія, но только далеко не добровольно и съ огромнымъ пролитіемъ русской крови за спасеніе грузинъ. Вотъ письмо главнокомандующаго Русскою арміей, князя Циціанова владѣтелю Гуріи, князю Маміи Гуріели:

«Такъ какъ царство Имеретинское имѣло счастье вступить въ подданство Всемилостивѣйшаго Государя Императора, то и провинція Гурія, безъ всякаго сомнѣнія, долженствуетъ, по всегдашней зависимости своей отъ Имеретіи, считая и нынѣ въ равной отъ нея зависимости, быть также въ подданствѣ всероссійской державы, съ каковымъ вступленіемъ поздравляю Вашу свѣтлость, яко вѣрноподданнаго Россіи»... Коротко и ясно.

И вотъ послѣ всего того, что Россія потеряла десятки тысячъ своихъ сыновъ въ Грузіи, Имеретіи и проч., пролила море крови своихъ дѣтей, затратила милліоны денегъ за благоденствіе всѣхъ этихъ разнаго рода грузинъ, мы въ концѣ концовъ получили въ нашу Государственную Думу разныхъ Гегечкори, Чхеидзе и проч., кои накидываются на имя и честь Россіи, какъ злѣйшіе ея враги... Не стоитъ ли послѣ этого пожалѣть, что Россія напрасно защищала всѣхъ этихъ злодѣевъ... Не лучше ли было бы, чтобы ихъ тогда же поголовно вырѣзали лезгины, турки и персы, — а

женъ и дѣвицъ ихъ продали на базарахъ Стамбула въ гаремы ..

Намъ говорятъ, всѣ эти Гегечкори, Чхеидзе и проч. выбраны подъ угрозою браунинга. . Да что же ихъ выбирали дѣти, или мужи...

О равныхъ правахъ они могутъ говорить тогда, когда заслужатъ ихъ...

Финляндцы требуютъ себѣ не равныхъ правъ съ Россіей, а несравненно большихъ. Они требуютъ полнаго равноправія и даже господства, безъ обязанностей. И то благо.

До смутнаго времени и царствованія Михаила Федоровича, почти вся Финляндія принадлежала Россіи,—особенно вся прибрежная часть ея. Царю Михаилу Федоровичу пришлось залѣчивать раны и язвы лихолѣтья. Былъ нуженъ миръ. Дорогою цѣною доставался ей этотъ миръ. Миръ со Швеціей обошелся лишеніемъ Финляндіи и всего побережья съ Невою, Копорьемъ и проч.

Великому Петру удалось оторвать у Швеціи многое. Нарва, Копорье, вся Нева и Выборгъ отошли къ Россіи. Въ царствованіе Александра I, какъ компенсація военныхъ подвиговъ, досталась нынѣшняя Финляндія *въ собственность и державное обладаніе Россійской Имперіи.* Такъ какъ Финляндія досталась Россіи въ собственность и державное обладаніе, то и та часть Финляндіи, которую раньше войною же Петръ I пріобрѣлъ въ собственность и державное обладаніе, въ силу одинаковости культуры и національныхъ свойствъ

этихъ частей, была объединена съ пріобрѣтенною въ 1808 г. Но обѣ эти части были одинаково собственностью Россіи, при сохраненіи ихъ національныхъ областныхъ свойствъ.

Въ дальнѣйшемъ финляндцы, точнѣе финляндскіе шведы, сумѣли примазаться ко Двору и путемъ фальшивыхъ докладовъ успѣли добыть себѣ такую массу льготъ, что въ послѣднее время осмѣлились возмечтать о полной независимости и державной самостоятельности Финляндіи. И такую претензію обнаружили не только тѣ финны, кои были завоеваны Александромъ I, но и тѣ, кои были завоеваны Петромъ I.

Когда въ силу политическихъ и стратегическихъ соображеній, правительство рѣшило выдѣлить изъ Выборгской губерніи двѣ волости къ Петербургской губерніи, то финны подняли гвалтъ, какъ будто бы Россія осмѣлилась покуситься на ихъ фанфаронныя державныя права. Пущены были бутафорскіе громы и Россія посажена была на міровую скамью подсудимыхъ.

Между тѣмъ Финляндія, не неся тяготъ и потерь военной службы, не платя общегосударственныхъ налоговъ, живя въ полномъ покоѣ подъ покровомъ Россіи, обладая такими льготами, какія никогда и не снились кореннымъ русскимъ гражданамъ, пришла въ завидное матеріальное благосостояніе. И при всемъ томъ, она дерзко, нагло и нахально отказывается отъ участія въ несеніи общегосударственныхъ налоговъ. Фин-

ляндія забывается. Она не хочетъ себѣ представить, что Россія, послѣ долголѣтняго лишенія, рѣшится ввести въ Финляндію 5—6 корпусовъ съ надлежащими орудіями и пулеметами и превратить Финляндію въ обычную русскую провинцію, лишивъ ее тѣхъ льготъ и преимуществъ, кои она успѣла подложными способами себѣ добыть. И это можетъ быть гораздо легче, чѣмъ она думаетъ.

Финляндія должна знать, что она такая же часть Россійской имперіи, какъ и всѣ остальныя ея части и войти въ тѣ рамки, въ кои ее устанавливали самые прогрессивные современники императора Александра I. Вотъ что говоритъ по поводу Финляндіи П. И. Пестель [1]).

«Финляндія, Эстляндія, Лифляндія... И разныя другія племена, внутри государства обитающія, никогда не пользовались *и никогда пользоваться не могутъ самостоятельною независимостью... Россія есть государство единое и нераздѣльное*, а потому *всякая мысль о федеративномъ для него устройствѣ отвергается совершенно, яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло*».

Многіе утверждаютъ, что финляндцы—высококультурная нація и потому имѣетъ право на автономію. Совершенно неправильно и невѣрно. Финляндія не имѣетъ своей исторіи. Ея литература почти отсутствуетъ. Ея наука и художество стоятъ на низкомъ уровнѣ. И только благосостояніе ея

---

[1]) *П. И. Пестель.* Русская Правда, стр. 15

народной массы неизмѣримо выше такового же благосостоянія русской народной массы. И это весьма естественно. Сто лѣтъ финляндцы не отбываютъ воинской службы. Ея болѣе крѣпкая и мощная молодежь не гибнетъ на войнѣ, а наша гибнетъ. И тѣмъ не менѣе финскій народъ гораздо уродливѣе и плоше, чѣмъ русскій. Финляндія не несетъ государственныхъ налоговъ и ея масса богаче, чѣмъ русская. И тѣмъ не менѣе финляндцы тупѣе русскихъ, глупѣе ихъ, узки и пьяницы. Пьяницы финляндцы, не смотря на то, что алкоголь въ Финляніи запрещенъ. Они пьютъ эфиръ и контробандный ромъ. Карты распространены повсюду и картежная игра доходитъ до азарта въ народѣ. Ножовщина неизмѣримо чаще, чѣмъ въ Россіи. Въ школахъ наказанія гораздо чаще и грубѣе. Обхожденіе съ бѣдными и неимущими доходитъ до публичной продажи... Это высокая культура...

Во имя государственной и общечеловѣческой справедливости финляндцы въ Россіи должны быть подведены подъ одинъ знаменатель со всѣми подданными: въ Финляндіи всѣ русскіе подданные должны пользоваться равными правами,—въ Финляндіи долженъ быть введенъ государственный русскій языкъ въ школы, суды и всѣ государственныя учрежденія,—въ Финляндіи должна быть введена общегосударственная воинская служба,—въ Финляндіи должна быть русская государственная монета,—въ Финляндіи должна быть одна съ Россіей таможня,—въ Финляндіи должны быть

одни съ Руссіей суды, — въ Финляндіи должны быть одни и тѣ же налоги, что въ Россіи. И когда все сіе совершится, тогда только финляндцы получатъ равныя права съ русскими въ Россіи,— до тѣхъ же поръ имъ должны быть поставлены всевозможныя препоны и ограниченія.

Никто не тронетъ ихъ роднаго языка, ихъ вѣры, ихъ правовъ и обычаевъ, ихъ культуры, если они будутъ считать ее для себя достаточной.

Вообще о мелкихъ соподчиненныхъ національхъ нужно сказать то, что сказалъ Д. И. Менделѣевъ: «если исторически ослабѣвшія народности, подобныя армянамъ, могутъ разсчитывать на будущее развитіе, то только при одномъ условіи, чтобы они не только мирно уживались со своими ближайшими сосѣдями, но и *твердо держались тѣхъ русскихъ началъ, которыя даютъ имъ защиту* отъ рядомъ живущихъ съ ними ихъ давнихъ враговъ, сломившихъ ихъ когда-то временно существовавшую независимость».

Что касается *мелкихъ инородцевъ, не имѣющихъ ни своей литературы, ни своей даже письменности, ни азбуки, ни исторіи, ни культуры, то они не имѣютъ права на отдѣльное существованіе и должны слиться съ русскою національностью и быть поглощены державною господствующею народностью русскою, пользуясь, разумѣется, всѣми ея правами.*

Здѣсь же умѣстно будетъ сказать о переселеніи въ Россію: вновь селиться на Кавказѣ мо-

гутъ исключительно одни русскіе и никакимъ другимъ народностямъ абсолютно не должно быть мѣста для поселенія.

Всякъ, кто добровольно переселился въ Россію съ цѣлію пользоваться ея благами, кто бы онъ ни былъ, долженъ оставить свою прежнюю національность за границею Россіи, въ Россіи же онъ долженъ стать русскимъ,—въ противномъ случаѣ ему нѣтъ мѣста въ Россіи. Объ этомъ должны подумать наши нѣмцы колонисты...

Позволю себѣ сказать здѣсь слово объ отношеніи *подвластныхъ Россіи народовъ къ другимъ такимъ же.* Въ настоящее время мы видимъ непозволительное и недопустимое явленіе. Одни второстепенныя народности позволяютъ себѣ вліять и ассимилировать другія болѣе слабыя народности. Такъ, поляки давятъ русскихъ, литвиновъ, бѣлоруссовъ и проч. и стремятся ихъ ополячить. Финны офиниваютъ корелъ, лопарей и проч. Армяне стремятся то же сдѣлать на Кавказѣ... Такое явленіе абсолютно недопустимо. *Только одна державная нація имѣетъ право на поглощеніе соподчиненныхъ ей некультурныхъ и національно слабыхъ народностей.* Вина администраціи русской, что она до сихъ поръ позволяла такія дѣянія. Русскіе не должны стѣсняться никакими жертвами, затратами, лицами и средствами въ дѣлѣ ассимиляціи мелкихъ народностей. Дальнѣйшее позволеніе офинивать корелъ, лопарей и проч. финнами должно въ будущемъ разсматриваться какъ

преступленіе со стороны русской администраціи.

Насколько мы руссифицируемъ подвластныхъ намъ иностранцевъ — показываетъ слѣдующій фактъ:

Рѣчь идетъ о бурятскихъ школахъ. Преосвященный Веніаминъ, извѣстный въ свое время дѣятель въ Сибири, доказываетъ, что Буряты-міряне были глубоко равнодушны къ монгольской грамотѣ, обученіе которой «распоряженіемъ русскаго начальства» введено въ общественныя школы при степныхъ думахъ. Но заботы начальства объ укрѣпленіи «инородческаго духа» этимъ не ограничились.

Изъ этихъ школъ нѣкоторые воспитанники изъ язычниковъ поступали въ иркутскую и казанскую гимназіи и потомъ даже въ университеты. И въ гимназіяхъ и въ университетахъ имъ, какъ инородцамъ, оказывалось особенное вниманіе, было даже предписано отъ министерства народнаго просвѣщенія казанской гимназіи не крестить ихъ, чтобы удержать отъ перехода въ русскую національность, а для исполненія мнимыхъ религіозныхъ требъ при нихъ находился лама на казенномъ содержаніи. При выпускѣ въ удостоеніи ученыхъ степеней имъ оказывалось снисхожденіе преимущественно передъ Русскими. Все это не могло не побуждать ихъ дорожить своею національностью, ради которой они пользовались такимъ вниманіемъ. По возвращеніи на родину они старались внушить и прочимъ бурятамъ—дорожить своею національностью и не искать перехода въ русскую (чрезъ

принятіе православія). Одинъ изъ такихъ (Бадмаевъ), обучавшійся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Петербургскомъ университетѣ, сталъ собирать сугланы (сходки) Бурятъ съ этою цѣлью, указывалъ на братьевъ-монголовъ, на славное царство Чингисъ-Хана. Ламы вездѣ встрѣчали его съ музыкою и тѣмъ поддерживали въ народѣ мысль о важномъ значеніи его пропаганды. Хотя пропаганда совершалась открыто въ виду русскаго начальства (что еще болѣе могло увѣрить въ пользѣ ея и законности), народъ, повидимому, тупо относился къ этой агитаціи, и, когда Бадмаевъ сталъ распространять въ средѣ его письменныя прокламаціи, онъ самъ представилъ ихъ начальству. Дѣло объ этихъ прокламаціяхъ восходило до третьяго отдѣленія собственной его величества канцеляріи и тѣмъ, повидимому, кончилось. Но мысль поднять бурятскую народность не была оставлена. Депутація 1873 г. была плодомъ этой мысли. Народъ въ ней не принималъ никакого участія, кромѣ развѣ взноса лишняго темнаго побора, и не давалъ никакого приговора. Депутаты отправились въ Петербургъ секретно съ паспортами по частнымъ надобностямъ, слѣдовательно, безъ всякаго законнаго уполномочія отъ бурятскихъ обществъ. Предметомъ ходатайства ихъ было не ограничивать числа ламъ и дацановъ штатомъ и дозволить заводить частныя школы для обученія Бурятъ монгольскому и тибетскому языкамъ. Цѣль обоихъ ходатайствъ—усилить ламство и пробудить націо-

нальное чувство въ бурятахъ, съ принятіемъ православія дѣлающихся Русскими. Какъ вредна эта цѣль и для государства, и для христіанства — понятно само собою (Окраины Россіи).

Въ предѣлахъ Австріи, въ Галиціи и Угорщинѣ стонутъ наши родные братья русскіе подъ игомъ польскимъ и жидовскимъ. Мы являемся только молчаливыми свидѣтелями истязаній, чинимыхъ надъ ними, подъ покровительствомъ законныхъ властей Австріи. Мы молчимъ и при первомъ же словѣ о нашихъ братьяхъ, намъ внушаютъ: «Ахъ, объ этомъ говорить не слѣдуетъ!..» «Ахъ, это осложняетъ международныя отношенія»!.. Международныхъ отношеній у насъ нѣтъ. Таковыя могутъ быть только между людьми равноправными. Мы же, русскіе, держимъ себя въ международномъ отношеніи рабски и хамски. Нѣтъ той ничтожной народности, которая не наносила намъ безнаказанно національнаго оскорбленія. Даже Персія могла насъ оскорбить безнаказанно... Доколѣ, Господи, доколѣ!..

Чтобы тамъ ни говорили наши импотентные мудрецы, а мы должны сказать: доколѣ наши братья будутъ стонать въ Галиціи и Угорщинѣ, мы не имѣемъ права считать себя успокоенными и въ государственномъ отношеніи окончательно устроенными...

Наши братья протестуютъ въ Австрійскомъ парламентѣ противъ попранія ихъ законныхъ правъ

и мы должны поддерживать ихъ всѣми мѣрами. Вотъ ихъ вопль:

«Нынѣшнее королевство Галиція-Лодомерія, бывшее русское галицко-владимірское княжество, присоединенное къ Австрійскому государству на основаніи правъ, принадлежавшихъ венгерской коронѣ, было признано коронной землей подъ названіемъ Червонной Русси Russia Rubra не только международнымъ договоромъ inter suam Majestatem Imperatricem et Reginam Hungariae et Bohemiae et suam Majestatem Regem Rempublicamque Poloniae, но также и высочайшими патентами 11 сентября 1772 г. и 15 ноября 1773 г. Вѣрное латинское названіе Rutheni было передано въ нѣмецкомъ языкѣ выраженіями: Russen, Kleinrussen, которыя были включены во всѣ государственные акты и документы.

Равнымъ образомъ въ университетѣ императора Франца-Іосифа въ Львовѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ была учреждена колегія, въ которой преподаваніе велось на русскомъ языкѣ. Словомъ, государствомъ было признано культурное и національное единство Малороссовъ Галиціи и Буковины съ Русскими и вѣнское правительство до послѣдняго времени поощряло укрѣпленіе этого единства. Послѣ введенія конституціи въ 1867 г. произошла перемѣна. Ожесточенная національно-политическая борьба между галиційскими Малороссами и могущественнымъ польскимъ элементомъ повела къ тому, что развитіе первыхъ уклонилось съ вѣрнаго пути. Преслѣдуемая и угнетаемая за

русскую азбуку и церковныя пѣснопѣнія, часто безосновательно подозрѣваемая, значительная часть малорусской интеллигенціи уклонилась съ историческаго пути культурнаго и національнаго развитія своего народа. Она отказалась отъ русской азбуки и издревле существовавшаго правописанія, не оцѣнила должнымъ образомъ національный характеръ греко-католической автономной церкви, ввела новую азбуку и правописаніе и латинизирующія новшества въ греко-католическій ритуалъ, и въ концѣ концовъ подъ вліяніемъ указанныхъ галиційскихъ факторовъ отказалась отъ своего освященнаго исторіей и традиціей наименованія. Нынѣ признаніе исторически и научно обоснованнаго культурнаго и національнаго единства галиційскихъ Малороссовъ съ русскимъ племенемъ почитается даже измѣной государству. Какъ представители второй по величинѣ малорусской партіи, за которую, несмотря на неслыханныя злоупотребленія, и въ этотъ разъ было подано 146,000 голосовъ, мы протестуемъ противъ систематическаго подавленія Малороссовъ со стороны галиційскихъ Поляковъ и требуемъ для нашего народа скораго осуществленія національной автономіи въ духѣ историческаго государственнаго права и на основаніи конституціи 1867 г. Какъ потомки Малороссовъ, которые высоко ставили идею единства австрійскихъ Малороссовъ съ русскою культурою, которые на поляхъ сраженій Маджженты, Сельферино, Градеца и Кенниггреца жертвовали жизнью за государство

и династію, мы рѣшительнѣйшимъ образомъ протестуемъ противъ того, чтобы наше чисто культурное національное партійное направленіе было лишено дарованнаго законами права на признаніе въ Австріи русскаго литературнаго языка и противъ объявленія насъ безправными въ государствѣ. Мы вступаемъ въ высокую палату съ надеждою на лучшее политическое будущее и съ горячимъ желаніемъ совмѣстной работы на пользу народа, государства и славной династіи».

Нашъ долгъ заступиться за нихъ и бороться открыто съ предателями и измѣнниками родины. Пора Кіевской администраціи открыть глаза на Грушевскихъ и проч. провокаторовъ. Всѣ должны исповѣдывать символъ премьера министра В. Н. Коковцева: у насъ прошло время политики лицъ и наступило время національно-государственной пріемственности.

Вотъ что говоритъ извѣстный намъ дѣятель въ области націонализма, А. И. Савенко [1]). «Австрія дала полякамъ очень почетное порученіе—быть палачами русской Галиціи и поляки съ азартомъ выполняютъ это порученіе. Все русское объявлено въ Львовѣ подъ строгимъ запретомъ... Тяжесть положенія Прикарпатской Руси увеличивается еще благодаря тому, что высшій классъ ея давно измѣнилъ родному народу и ополячился. Народъ остался безъ вождей, безъ русской интеллиген-

[1]) *А. И. Савенко.* По славянскимъ землямъ, 1911.

ціи»... Не тоже ли и у насъ было въ Бѣлоруссіи, Малороссіи и Литвѣ... «Мы цѣною великихъ жертвъ и усилій освободили южныхъ славянъ и ничего не сдѣлали для освобожденія 4 милліоновъ русскихъ... Національная политика прежде всего и главнѣйше всего въ томъ и заключается, чтобы *всю націю* собрать въ одно государство. И пока мы этого не достигли, всѣ наши помыслы должны быть направлены къ этому»...

Братья славяне. Русскій народъ, въ силу прирожденнаго ему чувства *всечеловѣченія,* проливалъ свою кровь вездѣ и всюду, гдѣ только ему указывали на несправедливость и засилье. Русскіе сражались съ французами за интересы Австріи и прославили свое имя съ безсмертнымъ Суворовымъ въ Швейцаріи. Русскіе вели Европейскія войны то за интересы Пруссіи, то за интересы Австріи. Русскіе помогали Австріи смирить возмутившихся ея подданныхъ—венгерцевъ. Русскіе проливали кровь за славянъ Боккн Каттарской, Черногоріи и Греціи и прославили свое имя въ лицѣ адмираловъ Ушакова, Гейдена и др. Русскіе проливали кровь за освобожденіе изъ подъ ига турецкаго грековъ, румынъ сербовъ, болгаръ и т. д. и т. д. Все это хорошо. Все это похвально. Но... такимъ нашимъ заступничествомъ мы добились того, что всѣ эти наши славянскіе братья смотрѣли на насъ, какъ на своихъ обязанныхъ батраковъ. Какъ только кто изобидитъ ихъ, такъ Россія и *должна* ихъ выручать. Если выручитъ—такъ и должно быть. Въ

благодарность тѣже выручепные братушки и лягнутъ эту глупую Россію, какъ это сдѣлали Стамбуловы, Каравеловы и проч шушера... А Боже храни, если русскіе не прійдутъ на помощь... Тутъ уже нѣтъ предѣла издѣвательствамъ, брани и помоямъ по адресу Россіи. И Россія терпитъ. Это глупо,—но вѣрно. Пора этому положить конецъ.

Россія велика, могущественна и сильна. Ея войска стоятъ на высотѣ современнаго величія. Ея военная мощь составляетъ предметъ союзныхъ вождѣленій всѣхъ странъ Европы,—а самое главное — предметъ искреннихъ пожеланій всякаго намъ зла. Всѣ эти наши друзья и союзники боятся насъ и ненавидятъ всѣми силами своихъ испорченныхъ заячьихъ душъ. Они дѣлаютъ видъ, что они презираютъ насъ. Ложь. Трусы не могутъ презирать. Ихъ удѣлъ завидовать и ненавидѣть...

Наша литература первая въ мірѣ. Наше художество и искусство первое въ мірѣ. Наша наука не хуже, какъ въ другихъ странахъ. Наше богатство безпредѣльно. Наше хозяйство на низкой ступени — это правда. Нашъ народъ невѣжественъ—это правда. Но мы будемъ учиться и выучимся. Учиться никогда не стыдно.

А что мы выучимся и скоро выучимся я ни одной минуты не сомнѣваюсь. Желалъ бы я знать дѣло, которое русскіе не «произошли бы» и не превзошли бы. П. А. Столыпинъ былъ совершенно правъ, сказавъ: дайте Россіи отдохнуть 20 лѣтъ и вы увидѣге, что изъ нея выйдетъ...

Гдѣ мы будемъ учиться: у нѣмцевъ или у своихъ братьевъ славянъ—чеховъ,—это безразлично Мы сдѣлали слишкомъ много для славянъ, чтобы чувствовать себя имъ обязанными, если 200—300 нашихъ хозяевъ поучатся хозяйству у нихъ. Рядомъ съ этимъ мы можемъ сейчасъ же сказать—мы въ нихъ не нуждаемся. Ибо если они возмнятъ, что они слишкомъ насъ этимъ обяжутъ, то пускай знаютъ, что мы всегда можемъ обойтиться и безъ нихъ. Мы можемъ учиться у нашихъ образцовыхъ хозяйствахъ, кои въ имѣніяхъ князя Васильчикова, графа Бобринскаго и у многихъ, многихъ другихъ. Мы можемъ учиться и у нѣмцевъ. Наконецъ, если даже мы будемъ учиться и у чеховъ, то вѣдь не даромъ. Вотъ почему я еще разъ повторяю и повторяю смѣло и убѣжденно:

Россія ни въ комъ не нуждается и можетъ существовать одна безъ всякихъ союзниковъ и помощниковъ.

Тѣмъ болѣе мы можемъ сказать, что Россія не нуждается въ помощи и содѣйствіи западныхъ славянъ. Мы жили безъ нихъ, живемъ безъ нихъ и проживемъ безъ нихъ.

Почему-это, однако, у насъ существуетъ убѣжденіе, убѣжденіе твердое и вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ весьма не выгодное, что мы поставлены судьбою для защиты и спасенія нашихъ западныхъ братьевъ-славянъ. Но этого мало. И они почему-то думаютъ, что Россія та дойная корова, которую западные славяне во всѣ дни

невзгоды имѣютъ право сосать. И мы не смѣли отъ этого отказаться. При чемъ достаточно выдоивши, они считаютъ свое дѣло оконченнымъ и могутъ отвернуться отъ насъ, предварительно сплюнувши. Единственною за это благодарностью они признаютъ ослиное ляганье. А Боже храни, если Россія не дастъ возможность себя подоить. Сколько плевковъ, издѣвательствъ и омерзительныхъ ругательствъ на нее посыпется... Разумѣется, все это указываетъ на высокія нравственныя качества нашихъ облагодѣтельствованныхъ сородичей... Эта ихняя добродѣтель дала возможность охарактеризовать ихъ М. О. Меньшикову очень мѣткимъ терминомъ «бѣдной родни», «родни приживалки»... Этотъ терминъ злой, но мѣткій и правдивый. Замѣчательно то, что онъ оправдываетъ себя и въ эволюціи дѣла. Къ такимъ же приживалкамъ по всѣмъ правамъ относилась и Болгарія, по освобожденіи ея отъ турецкаго ига. Но съ тѣхъ поръ какъ она оправилась, съ тѣхъ поръ, какъ она разбогатѣла, съ тѣхъ поръ, какъ она стала независима,—она первая является болѣе или менѣе искреннимъ нашимъ другомъ,—и чувства ея благодарной признательности проявляются на каждомъ шагу. Даромъ, что ея Царь—ненадежный нѣмецъ. Государства живутъ не мѣсяцами и годами и, *я убѣжденъ, что болгарскій народъ никогда не позволитъ себѣ стать въ ряды нашихъ враговъ и пролитъ кровь своихъ братьевъ освободителей.*

Къ остальнымъ же славянамъ терминъ М. О.

Меньшикова очень идетъ. До сихъ поръ было такъ: «нужно было что-нибудь мелкому славянину отъ Россіи—онъ приходитъ и клянчитъ. Выклянчилъ—летитъ и позоритъ того же русскаго»![1]). Иного отношенія, говоритъ М. О. Меньшиковъ [2]), отъ мелко-славянскихъ народцевъ къ Россіи мы и ждать не могли. Со стороны бѣдныхъ родственниковъ никогда не ждите ничего, кромѣ зависти, а если вы еще имѣете глупость облагодѣтельствовать ихъ хоть разъ въ жизни,—то ничего не ждите, кромѣ оскорбленной жадности и желанія, при случаѣ, нагадить вамъ»,

И это совершено вѣрно.

«Бѣдные родственники по отношенію къ родственному богачу держатъ себя подобострастно лишь до тѣхъ поръ, пока онъ щедръ на подачки; а въ душѣ они всегда завидуютъ ему и ненавидятъ» (А. И. Савенко).

«Славянство въ міровомъ значеніи—*это мы, Русскіе* и пока, къ сожалѣнію, никто больше. Остальныя славянскія племена слишкомъ малочисленны, а главное *такъ раздроблены, такъ глупо разъединены и такъ враждебны другъ къ другу*, что политическаго и мірового значенія не имѣютъ вовсе. Большинство зарубежныхъ славянъ состоятъ подъ нѣмецко-венгерско-турецкимъ игомъ и неспособность ихъ свергнуть это иго уже доказана... Вмѣсто того, чтобы разбить пѣмцевъ,

[1]) *Проф. П. И. Ковалевскій.* Славяне и Россія 1911 г.
[2]) *М. О. Меньшиковъ.* Сомнительная родня. 1911 г.

венгровъ и турокъ, западные славяне только и могли, что быть сами разбитыми своими сосѣдями. Причинъ разгрома западнаго славянства много, но общій знаменатель этихъ причинъ—славянская слабость, славянская безхарактерность, и, какъ особенное горькое послѣдствіе безхарактерности, склонность къ разъединенію, взаимной грызнѣ»... Во всякомъ случаѣ, если въ славянахъ возможны какія либо мечты о великодержавной роли, то они немыслимы внѣ Россіи. Это—со стороны національной мощи. Что касается *національной культуры*, то, при всѣхъ своихъ бѣдственныхъ условіяхъ, *Россія идетъ въ этомъ отношеніи впередъ славянства*... Во всѣхъ отношеніяхъ Россія имѣетъ право сказать *славянство—это я*... Не намъ приходится искать у западныхъ славянъ, а имъ у насъ» (М. О. Меньшиковъ).

Хотятъ мелкіе славяне жить съ нами въ единеніи и дружбѣ—хорошо. Мы противъ этого ничего не имѣемъ. Не хотятъ,—не нужно. Они намъ не нужны. Мы безъ нихъ ничего не теряли и не потеряемъ. «Политика Россіи должна быть только національной, а это значитъ, что она должна быть не славянской, а только русской, т. е. политикой національнаго эгоизма. Болѣе того, политика Россіи часто будетъ оказываться антинаціональной, если она будетъ непремѣнно славянской. Наша политика должна быть славянской лишь постольку, поскольку этого требуютъ наши чисто національные интересы».

«Всѣ безъ исключенія славяне думаютъ только о себѣ, только о своихъ собственныхъ интересахъ. Каждый изъ славянскихъ народовъ по своему устраиваетъ свою судьбу. Это ихъ дѣло. Но будемъ же и мы, русскіе, думать только о себѣ, заботиться только о нашихъ русскихъ, національно-государственныхъ интересахъ. Всѣ западные и южные славяне—глубочайшіе націоналисты. Будемъ же и мы въ политикѣ только націоналистами... Національная политика прежде всего и главнѣйше всего въ томъ и заключается, чтобы *всѣ націи собрать въ одно государство*... И если для заключенія между Россіей и Германіей тѣснаго союза придется пожертвовать интересами чеховъ и прочаго западнаго (но не южнаго) славянства, мы, ни на минуту не задумываясь, должны это сдѣлать, какъ дѣлаютъ нынѣ поляки и чехи». (А. И. Савенко).

Дальнѣйшія наши отношенія къ славянамъ должны быть таковы. Россія была, есть и будетъ одна, сама въ себѣ. Политика Великаго Монарха—націоналиста, Александра III,—политика полной свободы отъ всякихъ союзовъ—есть самая великая и разумная политика. Всѣ союзы съ Германіей, Франціей, Англіей и проч. ведутъ только къ тому, что союзныя державы нашими руками загребаютъ жаръ. Когда же мы находимся въ тяжкомъ положеніи, то наши союзники только ухмыляются и въ душѣ радуются. Россія должна быть сама для себя. М. О. Меньшиковъ правъ, говоря,

что нашему національному мотовству пора положить предѣлъ. Пора намъ бросить проливать нашу кровь за братушекъ, въ Китаѣ, Персіи и проч. А вмѣстѣ съ тѣмъ пора намъ умѣть защищать наше національное достоинство и не церемониться разгромленіемъ 30—40 китайскихъ, персидскихъ и проч. поселковъ за каждую русскую голову, погибшую отъ руки китайскихъ и персидскихъ злодѣевъ. Пора намъ привлекать къ отвѣтственности и тѣхъ русскихъ, выжившихъ изъ ума правителей, которые, по своему скудоумію, шлютъ на убой ничтожныя и завѣдомо подлежащія убою русскія войска...

Нашими родными кровными являются обитатели Галичины и Угорщины. За ихъ освобожденіе отъ польскаго и жидовскаго ига мы не только можемъ, но и должны пролить кровь. А еще лучше обмѣнять ихъ на совершенно ненужную злѣйше враждебную Польшу. Ей лучше будетъ подъ покровительствомъ Пруссіи, а наши братья пускай возвратятся къ намъ.

Ближайшими нашими кровными являются остальные славяне. Намъ пріятно быть съ ними въ добрыхъ отношеніяхъ, но проливать нашу кровь за освобожденіе анексированныхъ боснійцевъ и герцеговинцевъ глупо и безсмысленно.

На насъ посыпались громы и молніи за то, что мы не вступили въ бой съ Австріей за анексируемыхъ боснійцевъ и герцеговинцевъ и вооружавшихся сербовъ. А знаютъ ли славяне, кто

насъ поддерживалъ во время японской войны? Кто насъ снабдилъ судами и проч.? Крейсеры, говорятъ, оказались негодными. Это вина не нѣмцевъ, продавшихъ суда намъ,—а тѣхъ русскихъ, которые покупали и принимали ихъ, и имена которыхъ, къ сожалѣнію, остались неизвѣстными...

Желаютъ братья — славяне—чехи, болгары, сербы, черногорцы и проч. съ нами быть въ добрыхъ отношеніяхъ—отлично; но бѣжать къ нимъ съ распростертыми объятіями—глупо. Россія по своему положенію во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ такъ высоко, что славянскіе народы должны заискивать въ ней, уважать и почитать ее, а не мы, русскіе, къ нимъ бѣжать. Особенно пускай Сербія попомнитъ и поразмыслитъ. Съѣздъ славянскихъ журналистовъ въ Бѣлградѣ лѣтомъ 1911 г. Ни одинъ порядочный русскій не долженъ теперь являться въ Сербію безъ того, чтобы Сербія десять разъ искупила свою тяжкую предъумышленную вину, свой наглый поступокъ. Ни одинъ сербъ не смѣетъ явиться въ Россію, пока сербская подлость на съѣздѣ не будетъ искуплена десятирицею.

Съ давнихъ поръ Россія съ распростертыми объятіями принимала всѣхъ переселенцевъ славянъ, армянъ и проч. въ Россію. Довольно. Эта политика должна быть прекращена навсегда. Всѣ эти переселенцы въ Россіи остаются прежними армянами и проч. Этого впредь не должно быть. Кто желаетъ быть въ Россіи, тотъ долженъ *стать* русскимъ. Россія для русскихъ.—Кто не желаетъ

быть русскимъ, тотъ долженъ оставить Россію. Господа евреи, нѣмцы и проч., подумайте.

Еще одно слово. Теперь завелась мода ѣздить съ визитами и на съѣзды къ разнымъ славянамъ. Мило. Нельзя ли, гг. русскіе ораторы, по осторожнѣй говорить отъ имени Россіи,—ибо не осторожныя и вдохновленныя шампанскимъ слова легко могутъ быть опровергнуты трезвыми заявленіями протеста въ газетахъ...

Евреи. Евреи—народность, не завоеванная нами, а сама пришедшая къ намъ,—народность, нами нетерпимая, но которая настойчиво сама навязывается,—народность, отъ которой мы всѣми силами стараемся избавиться, а она руками и ногами держится за Россію и которая тѣмъ не менѣе, съ чрезвычайной яростью требуетъ *равноправія* съ державной націей.

Я—малороссъ. Выросъ съ жидами. Имѣлъ ихъ товарищами дѣтства. Шелъ съ ними въ университетѣ и до нынѣ съ нѣкоторыми въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Я ихъ знаю хорошо и стану говорить вполнѣ безстрастно.

Каждый народъ имѣетъ свою религію по своему духу и вліяетъ на нее своими народными свойствами. Въ религіи народа – его душа. Особенно это характерно для евреевъ. Ихъ священныя книги заключаютъ въ себѣ не только религіозныя истины, но и политическія, и соціальныя и экономическія. Поэтому для лучшей характеристики на-

рода, мы дѣлаемъ маленькія выписки изъ его священныхъ книгъ.

Іегова создалъ міръ, все живущее и человѣка. Но съ первыхъ же шаговъ человѣкъ нарушилъ завѣтъ, положенный Іеговою между нимъ и человѣкомъ. И вотъ Іегова прежде всего *проклинаетъ* землю, которую только что создалъ, и все живущее на ней,—а человѣчество предаетъ во всемъ его будущемъ—наказанію. Проходитъ небольшое время и одинъ изъ сыновей перваго человѣка убиваетъ своего брата. Новое *проклятіе*... «И раскаялся Господь, что создалъ человѣка на землѣ и воскорбѣлъ въ своемъ сердцѣ и сказалъ Господь: истреблю съ лица земли человѣковъ, которыхъ я сотворилъ, отъ человѣковъ до скотовъ, и гадовъ, и птицъ небесныхъ истреблю,—ибо я раскаялся, что создалъ».

Ну понятно истребленіе безпутнаго человѣка,—но за что же истреблять животныхъ и птицъ небесныхъ...

Но человѣчество живетъ. Оно образуетъ даже города, въ которыхъ впрочемъ человѣки творятъ страшныя безобразія и безчинства. Тогда Іегова выводитъ изъ Содома и Гоморры праведнаго Лота съ семействомъ, а городъ уничтожаетъ каменнымъ дождемъ... За что, за содомію?.. А теперь потомки содомійцевъ, и даже изъ жидовъ, безнаказанно являются редакторами газетъ...

Этотъ Іегова изъ всего созданнаго имъ человѣ-

чества выбираетъ излюбленнымъ народомъ евреевъ и имъ отдаетъ весь міръ.

«Ты народъ святой у Господа Бога твоего: тебя избралъ Господь Богъ твой, чтобы ты былъ собственнымъ его народомъ изъ всѣхъ народовъ, которые на землѣ И *не вступай съ ними въ родство;* дочери твоей не отдавай за сына его и дочери его не бери за сына своего... И будетъ Господь изгонять предъ тобою народы сіи мало по малу; не можешь ты истреблять ихъ скоро, чтобы не *умножились противъ тебя полевые звѣри*, но предастъ ихъ тебѣ и они погибнутъ и *предастъ царей ихъ въ руки твои и ты истребишь имя ихъ изъ поднебесной*... Не ѣшьте никакой мертвечины; иноземцу, который служитъ въ жилищахъ твоихъ, отдай ее, пусть онъ ѣстъ ее, или продай ему...

Въ войнахъ съ народомъ, Іегова приказывалъ истреблять не только весь народъ непріятеля до послѣдняго человѣка, но даже весь скотъ его, воловъ, овецъ и проч. Развѣ эта жестокость не напоминаетъ намъ изувѣрствъ, чинимыхъ въ 1905 г. революціонной массой, во главѣ которой стояли жиды—бундисты, когда тысячами отрубали копыта у цѣнныхъ лошадей и десятками тысячъ—ноги у несчастныхъ овецъ...

А вотъ что говоритъ пророкъ Исаія объ Іеговѣ: Ярость Господа Саваоѳа опалитъ всю землю и народъ сдѣлается какъ бы пищею огня. По первому небо и земля сдвинутся съ мѣста своего отъ яро-

сти Господа Саваоѳа въ день пылающаго гнѣва его... Вотъ придетъ день Господа лютый, съ пылающею яростію, чтобы сдѣлать землю пустынною.. Мечъ Господа исполнится кровію, утучнѣютъ туки отъ крови. Третья часть народа умретъ отъ язвы и погибнетъ отъ голода,—третья часть падетъ отъ меча и третью развѣю по всѣмъ вѣтрамъ»...

О какъ жестокъ, какъ несправедливъ, какъ пристрастенъ еврейскій Іегова.

«Темный богъ Израиля, богъ хищничества, вымогательства, наживы, богъ обмана, предательства и всякой лжи и не правды, этотъ темный богъ насилія, злобы и мести идетъ впереди своего «возлюбленнаго» народа и предаетъ насъ жидовскому заклятію и наводитъ на насъ непробудный сонъ, непостижный страхъ. (А. Бурнакинъ).

А вотъ нравственный кодексъ евреевъ. Евреи идутъ изъ Египта. И вотъ Іегова даетъ приказъ. И когда пойдете, то пойдете не съ пустыми руками: каждая женщина выпроситъ у сосѣдки своей и у живущей въ ея домѣ вещей серебряныхъ и вещей золотыхъ и одеждъ и вы нарядите ими и сыновей вашихъ и дочерей вашихъ и *оберете Египетъ*»...

Я не стану дѣлать дальнѣйшихъ выдержекъ. Они всѣмъ извѣстны. Таковъ завѣтъ евреевъ. Такова и душа евреевъ. Иначе быть не можетъ. Религія—душа человѣка.

Не казисты евреи по библіи. Еще худшими они

являются по талмуду—толкованію библіи, гдѣ вполнѣ вылилась практическая душа еврея. Всѣ проявленія жестокости, безчеловѣчности, людоѣдства, человѣконенавистничества выражены здѣсь съ возможной полнотой и со всѣми жизненными случайностями,—а плутовство, обманъ, шантажъ и мошенничество возведены въ высокую нравственную защиту. И эти качества стали такъ у евреевъ прочными и національными, что нынѣ евреи уже не нуждаются и въ талмудѣ. Ихъ талмудъ въ ихъ крови. Вѣдь не талмудъ создалъ евреевъ, а евреи создали талмудъ. Въ талмудѣ выразились національныя душевныя свойства еврея.

Особенно рѣзко въ талмудѣ проявляется человѣконенавистничество и величайшее презрѣніе къ христіанамъ. Одни только евреи люди,—а остальные ихъ рабы и ничтожество.

«По ученію Талмуда, говоритъ о. Пранайтисъ [1]), еврей тѣмъ самымъ, что принадлежитъ къ народу избранному и подвергается обрѣзанію, обладаетъ такимъ достоинствомъ, что никто не можетъ сравниться съ нимъ, даже ангелъ.

Мало того, онъ считается равнымъ самому Богу. «Кто ударитъ израильтянина по щекѣ», говоритъ Ханина, «тотъ даетъ, такъ сказать, пощечину Величію Бога». Еврей всегда нравственъ и чистъ: этому не препятствуютъ никакіе грѣхи, которые не могутъ марать его точно такъ, какъ

[1]) *Пранайтисъ.* Христіанство въ талмудѣ еврейскомъ.

грязь пачкаетъ одну скорлупу орѣха, но не ядро. Одинъ израильтянинъ есть человѣкъ, вся вселенная принадлежитъ ему, все должно служить ему, особливо же «животныя въ человѣческомъ образѣ».

«Еврею повелѣвается гдѣ бы то ни было вредить христіанамъ, или косвенно—не дѣлать имъ добра, или же прямо: грабить имущество и на судѣ показывать противъ христіанъ; еврей не смѣетъ помогать христіанину въ случаѣ, если послѣдній находится въ безвыходномъ положеніи».

«Вся жизнь, все имущество гоя, какъ раба, созданнаго для сыновъ Израиля, находится въ распоряженіи еврея. Жизнь гоя отдана въ руки еврея,—тѣмъ болѣе, конечно, душа и тѣло его—такова раввинская аксіома. Отсюда слѣдуетъ, что еврей имѣетъ полное право безнаказанно отнимать у христіанъ всякое имущество, прибѣгая при этомъ къ всевозможнымъ уловкамъ, обману и плутнямъ».

Обращаясь къ характеристикѣ еврейскаго народа, нельзя не отмѣтить одной особенности его: всѣ народы занимаются добываніемъ плодовъ земли, растеній и животныхъ,—евреи всею массою занимаются извлеченіемъ выгодъ отъ трудовъ человѣческихъ. Еврейскій народъ является какъ бы паразитомъ человѣчества.

По мнѣнію А. Мертваго [1]), время для образованія еврейскаго народа прошло и созданіе своей національной территоріи, даже въ Палестинѣ, не приведетъ къ сохраненію его національной силы.

1) *А. Мертваго.* Нація, народъ, территорія.

Такой организмъ не можетъ существовать, соединяя людей, осуществляющихъ только либеральныя профессіи, а еврейская нація, благодаря своему *высококультурному* уровню не можетъ выдѣлять изъ себя достаточно неудачниковъ, которые бы легли въ основу трудовыхъ силъ государства».

Мнѣ кажется, однако, что неспособность заниматься устойчивымъ трудомъ характеризуетъ далеко не высокую культуру націи, а именно ея вырожденіе, дряблость и измельчаніе. Проявленіемъ высокой культуры націи служатъ: высокій умъ, образцовыя знанія, твердый и благородный характеръ, высокая нравственность. Этого всего у евреевъ именно и нѣтъ. Поэтому я гораздо болѣе склоненъ признать мнѣніе М. О. Меньшикова, Гофштеттера и др., «которые въ еврейской націи принимаютъ именно паразитную націю». Въ отличіе отъ низшихъ кочевниковъ, которые живутъ какъ паразиты своихъ кочующихъ стадъ, евреи живутъ на человѣческихъ племенахъ, эксплоатируя трудъ послѣднихъ и направляя энергію ихъ въ свою пользу»... Евреи были бы совсѣмъ ничтожными, если бы дѣйствовали собственными средствами,—но они всегда пользуются чужимъ трудомъ, чтобы плодами этого труда составить свое благополучіе. И въ этомъ отношеніи евреи никогда не могутъ исправиться. Опыты съ земледѣльческими колоніями на югѣ Россіи показали, что евреи свою землю отдали въ аренду, а сами занялись гешефтмахерствомъ. То, что евреи стремятся теперь закупить землю,

вовсе не значитъ, что евреи намѣрены заняться земледѣльческимъ трудомъ, а только то, что они желаютъ возможно больше извлечь пользы отъ христіанъ, обрабатывающихъ имъ ихъ землю. И въ этомъ случаѣ еврейскій паразитизмъ выражается въ очень яркой степени.

«Типичный еврей—существо особаго человѣческаго типа, именно паразитнаго, и въ силу этого онъ по природѣ существо преступное въ отношеніи тѣхъ обществъ, на тѣлѣ или, вѣрнѣе, въ тѣлѣ которыхъ онъ живетъ», говоритъ М. О. Меньшиковъ [1]).

И дѣствительно исторія евреевъ всѣхъ временъ и странъ показываетъ, что они могутъ жить только паразитно, т. е. высасывая жизнь и блага у другихъ народовъ, среди которыхъ они живутъ.

Съ этой точки зрѣнія евреи—народъ антисоціальный и даже преступный.

«Мы видимъ въ еврействѣ, говоритъ Марксъ, общій современный антисоціальный элементъ, приведенный историческимъ развитіемъ, которому ревностно содѣйствовали евреи, къ его теперешнимъ размѣрамъ, къ тѣмъ размѣрамъ, когда онъ неизбѣжно долженъ исчезнуть... Деньги единственный богъ Израиля и нѣтъ у него бога иного, кромѣ его»... (Гофштеттеръ [3]).

Съ этимъ божкомъ въ рукахъ, евреи и пара-

[1]) *М. О Меньшиковъ.* Еврейская имперія.

[2]) *М. О Меньшиковъ.* Сверхъ народъ.

[3]) *Гофштеттеръ.* Капиталъ и юдаизмъ.

зитствуютъ во всемъ свѣтѣ. Каковы ихъ занятія? Торговля, контрабанда, перекупничество, комиссіонерство, ростовщичество и проч.,—вотъ ихъ занятія. Не подлежитъ сомнѣнію, что финансы—важнѣйшій міровой двигатель. Эти финансы въ рукахъ евреевъ и само правительство въ настоящее время не въ состояніи справиться съ евреями. При помощи денегъ, евреи держатъ въ рукахъ привительство, держатъ въ рукахъ общество, держатъ рабочій классъ. Развращающее дѣйствіе денегъ безпредѣльно и національная наглость и пронырство евреевъ вполнѣ прикрываются подкупами.

Имѣя въ рукахъ деньги, евреи захватили въ свои руки печать, газеты и журналы. Свободныя профессіи, докторская, адвокатская, актерская, оперная и проч.,—все это монополизировано евреями. При помощи денегъ имъ доступны департаменты, канцеляріи губернаторовъ, суды и всѣ прочія учрежденія.

«Пронырливые, льстивые, угодливые, лицемѣрные—они покоряютъ насъ безъ боя, насъ—лѣнивыхъ, зѣвающихъ, податливыхъ, неустойчивыхъ, легковѣрныхъ. Окольными путями, закоулками, всякой неправдой евреи пробираются къ народнымъ сокровищамъ и овладѣваютъ ими. А славянская стихія покорно отступаетъ передъ чарами сіонскаго бѣса. О, эти сіонскія чары: тутъ и подкупъ, и развратъ, и лесть, и порокъ, и ложь, и гордыня, все чѣмъ силенъ врагъ рода человѣческаго, чѣмъ покоряетъ онъ малодушныхъ, без-

вольныхъ и легковѣрныхъ. На сильнаго—раболѣпіемъ, на слабаго—нахальствомъ, на малодушнаго—рублемъ, на мечтателя—посуломъ, на чувствительнаго — похотью — такъ шествуетъ по Руси воинственный Израиль, такъ покоряетъ онъ «нечестивыхъ гоевъ». И вотъ плоды жидовскаго «очарованія».—Торговля, производства, ремесла, наука, литература, исскуства, все народное хозяйство и весь духовный капиталъ —и тѣло и мысль народа— въ кабалѣ, въ откупу, подъ заклятіемъ евреевъ. Въ ихъ рукахъ биржа, банки, магазины, фабрики, заводы,—въ ихъ рукахъ газеты, театръ, книгоиздательства, въ ихъ рукахъ хлѣбъ и деньги, правосудіе и просвѣщеніе, все къ нимъ липнетъ, все ими оскверняется. Еврей—если онъ не росговщикъ, то развратитель, или предатель, или подстрѣкатель, или кровопійца, его путь—обманъ, грабежъ, его оружіе—развратъ и преступленіе. Въ торговлѣ онъ — шантажистъ, на биржѣ — стервятникъ, въ работѣ—падуватель, въ политикѣ—бунтовщикъ и предатель, на судѣ—лжесвидѣгель, въ печати и литературѣ—развратитель, отрицатель, человѣконенавистникъ, въ искусствахъ—опошлитель, осквернитель, низменникъ, въ обиходѣ—нахалъ, въ сношеніяхъ — сводникъ, въ обществѣ — фарисей съ улыбкой на лицѣ и съ камнемъ за пазухой [1]).

При такихъ религіозныхъ, нравственныхъ и практическихъ качествахъ, естественно, еврейство во всей своей массѣ вызвало къ себѣ въ Россіи,

[1]) *А. Бурнакинъ.* Въ плѣну іудейскомъ.

какъ и во всемъ мірѣ и во всѣ времена, всеобщую ненависть, презрѣніе и отвращеніе. Подобныя отношенія выразились въ формѣ погромовъ, погромовъ современныхъ и погромовъ тысячу лѣтъ назадъ. Погромы эти были и въ Испаніи, и въ Италіи, и въ Германіи и во Франціи и въ другихъ странахъ. Были они во времена недостаточнаго просвѣщенія, но были они и въ наши дни. Избіеніе евреевъ въ Венгріи было уже въ XX вѣкѣ. Едва не на дняхъ было избіеніе евреевъ въ Бельгіи и совсѣмъ недавно, о ужасъ, въ Англіи... Въ Америкѣ, гдѣ они своими капиталами оказываютъ огромное вліяніе, ихъ не допускаютъ въ приличныя гостинницы, не принимаютъ въ порядочные клубы и не считаютъ себѣ равными. Ихъ доступъ въ Америку затрудняется почти на равнѣ съ желтою расою. Не терпятъ евреевъ въ Турціи и даже Китай признаетъ евреевъ людьми недобросовѣстными, вносящими въ промышленность и въ торговлю обманъ и подлогъ. Финляндія и Японія въ свои государства евреевъ вовсе не допускаютъ [1]).

Даже украинофилы и тѣ питаютъ къ евреямъ нельзя сказать, чтобы нѣжныя чувства.

Вотъ что разсказываетъ по этому предмету г. Л. Ш—гъ въ органѣ еврейскихъ націоналистовъ «Новый Восходъ».

Я вспоминаю 1905 г. Въ залѣ лесгафтовскихъ

[1]) Объ отношеніи всѣхъ современныхъ народовъ къ евреямъ смотри сочиненія *М. О. Меньшикова.* «Еврейская Имперія» и *Липранди.* Равноправіе и еврейскій вопросъ.

курсовъ собрались на мирный конгрессъ представители народовъ Россіи. Всѣ были преисполнены самымъ пылкимъ энтузіазмомъ братства народовъ... Я случайно очутился среди группы украинофиловъ, когда на каѳедрѣ сіонистскій ораторъ краснорѣчиво доказывалъ, что евреи всюду чуждый элементъ, что для ихъ блага, какъ и для блага ихъ сосѣдей, евреямъ необходима своя территорія. Какъ магически дѣйствовали эти слова на моихъ сосѣдей! И, когда наступилъ перерывъ, милые украинцы съ большимъ подъемомъ заговорили о томъ, какъ правъ былъ сіонистскій ораторъ: вѣдь Украйна только тогда и можетъ быть счастлива, когда она будетъ свободна отъ чуждыхъ элементовъ и станетъ единственнымъ хозяиномъ своей земли. Конечно, пока евреи живутъ среди насъ, они должны имѣть права, но лучше... *если бы они ушли въ Палестину*... Украйна—украинцамъ.»

Кромѣ этихъ грубыхъ мѣръ, мѣръ насилія противъ евреевъ, нами принимаются и другія, болѣе мирныя, но тѣмъ не менѣе дѣйствительныя, мѣры противъ натиска и захвата еврейскаго племени. Въ этомъ отношеніи уже практикуется многими даже въ Россіи, особенно въ Польшѣ, *тихій погромъ*, состоящій во всеобщемъ байкотѣ еврейскихъ товаровъ. Этотъ тихій и законный погромъ настолько силенъ и могущественъ, что заставилъ многихъ евреевъ покинуть Россію и переселиться въ Палестину, Уганду и проч. Особенно силенъ и систематически проводится этотъ тихій по-

громъ въ Польшѣ, гдѣ поляки не стѣсняются выживать своихъ братьевъ поляковъ Моисеева Закона изъ Польши. Вотъ что говоритъ «Glos Warszawsky». «Евреи должны знать, что съ момента, какъ ихъ пребываніе въ гостяхъ стало тяжестью для поляковъ, – кончаются всѣ права на гостепріимство и наступитъ моментъ, когда евреи должны думать, какъ уйти изъ Польши».

Разумѣется, такое невыгодное міровое отношеніе народовъ къ евреямъ не могло не отразиться и на общей массѣ еврейскаго народонаселенія. И такъ стали появляться мысли о томъ, чтобы создать, наконецъ, нѣчто цѣлое, независимое, свое собственное, чтобы дало имъ опору и самостоятельность. Евреямъ понадобилась территорія, дабы составить собственное государство. И стали искать такую территорію. Воззрѣли на Палестину,—воззрѣли на Уганду,—воззрѣли на Аргентину... Но все это не то. Евреи слишкомъ не годны для того, чтобы не понять, что съ переселеніемъ въ свою землю, они лишаются своихъ основныхъ кровососныхъ паразитныхъ свойствъ. Имъ прійдется эксплоатировать самихъ себя. А они знаютъ хорошо, что не бываетъ болѣе ужасной и безпощадной борьбы, какъ если жидъ объявитъ жиду войну. Многіе прежніе міровые судьи мнѣ говорили, что на судѣ въ тяжбѣ легко примирить русскаго съ русскимъ, русскаго съ жидомъ,—но жида съ жидомъ—никогда. Разумѣется, перспектива — грызть другъ

другу горло имъ не улыбалась, а потому всѣ эти сіонизмы — явленіе дутое и безплодное.

Тогда евреи стали разрабатывать такое положеніе, чтобы найти себѣ территорію вмѣстѣ съ рабами, отъ которыхъ они могли бы, будучи господами, легко высасывать себѣ деньги и кровь. Для этого нужно выбрать особено податливую мягкую и стойкую народную массу. Какая же народность въ этомъ отношеніи можетъ быть наиболѣе подходящей, какъ не славянская. И вотъ теперь евреи стали заводить такіе территоріальные очаги: въ Галиціи, Венгріи, Бессарабіи, Былыни, Подоліи, Бѣлоруссіи и проч. Скупая земли за безцѣнокъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ дешевыхъ безземельныхъ бѣлыхъ негровъ, которымъ они отдаютъ землю въ аренду и захватываютъ нетолько всѣ соки,—но и душу.

Такой захватъ евреями земли грозитъ намъ въ будущемъ великою опасностью и мы русскіе самымъ серьезнымъ образомъ должны обратить вниманіе на этотъ захватъ земли и, помимо воспрепятствованія законнымъ путемъ этому захвату,— установить строжайшую отвѣтственность губернаторовъ, допускающихъ обходъ законовъ въ этомъ отношеніи. Въ противномъ случаѣ мы можемъ скоро увидѣть въ своемъ государствѣ новое государство.

Но этого всего мало. Евреи добиваются иного. Для нихъ важно добиться двухъ положеній: равноправія въ Россіи и свободы въѣзда въ Россію ев-

реямъ другихъ странъ. При достиженіи того и другого, можно быть увѣреннымъ, Россія станетъ мѣстомъ сосредоточія евреевъ всего міра и превратится въ рабскую страну самыхъ жестокихъ и безчеловѣчныхъ эксплоататоровъ.

И такъ, что такое евреи теперь. Это масса народонаселенія, мечтающая, что она избранный народъ божій, а потому не смѣшивающаяся съ другими народами и недопускающая другихъ народовъ въ себя. Все, что не еврей, подло, низко, гадко, хотя всякій еврей, безъ исключенія, сознаетъ, что онъ самъ собою представляетъ нѣчто подлое, отвратительное, презираемое,—а потому часто стремится прикрыть и защитить себя именемъ инородца. Всѣ остальные народы въ глазахъ этой избранной массы являются жертвою эксплоатаціи во славу величія и блага избранной націи.

Эта масса по отношенію ко всему окружающему безжалостна, безпощадна, безконечно жестока, безсердечна и презрительна. Человѣконенавистничество, людоѣдство, кровожадность и кровопійство по отношенію къ остальнымъ людямъ безграничны и безпредѣльны. Это освящается ихъ религіей. Это повелѣвается самимъ Іеговою. И это такъ длится давно, что стало плотію и кровію всякаго еврея.

Та же религія евреевъ освящаетъ всякій обманъ, воровство, мошенничество, шантажъ, клевету, ростовщичество и всякія другія гражданскія преступленія во славу имени Израиля. Клятвопре-

ступленіе, лжесвидѣтельство, отказъ отъ прежнихъ показаній—все это дѣтскія забавы въ сравненіи съ прочими мерзкими дѣяніями, оправдываемыми еврейскою этикою. Наглость, безстыдство, дерзость, низость—это основныя черты еврейства, какъ и, во время, самоуниженіе, продажа совѣсти, шпіонажъ, торговля живымъ товаромъ и проч.

Этимъ далеко не исчерпываются всѣ спеціальныя національныя качества евреевъ. Но эти качества—ихъ прирожденныя качества, освященныя ихъ религіей и внушенныя самимъ Іеговою. Мыслимо ли сожительство съ такимъ народомъ? Мыслимо ли равноправіе этой преступной по природѣ массы съ христіанами?

Между тѣмъ въ Россіи болѣе пяти милліоновъ евреевъ Что же намъ съ ними дѣлать?

Наши продавшіеся или легкоумные либералы намъ говорятъ: дайте евреямъ равноправіе и всѣ наши внутреннія и внѣшнія невзгоды прекратятся сами собою. Благо. Войны не будетъ, ибо рабовладѣльцы водворятся мирно въ своихъ штатахъ. Послушайте, что говоритъ по этому поводу человѣкъ очень освѣдомленный и знающій, именно проф. Локоть [1]).

«Объективныя статистическія данныя говорятъ намъ о томъ, что экономическая группировка болѣе или менѣе совпадаетъ съ группировкой національной, — а это служитъ указаніемъ съ одной стороны на то, что борьба національностей въ

[1]) *Проф. Локоть.* Оправданіе націонализма, 28.

большей или меньшей степени связана именно съ экономическимъ моментомъ, имѣетъ подъ собою почву въ неодинаковомъ уровнѣ экономическаго благосостоянія національныхъ группъ, какъ естественныхъ, а не соціально-экономическихъ цѣлыхъ, а съ другой стороны будетъ заставлять насъ самымъ рѣшительнымъ образомъ признавать моментъ національнаго объединенія группъ въ качествѣ одного изъ могучихъ средствъ групповой самозащиты слабѣйшихъ группъ. Было бы *предательствомъ* по отношенію къ слабымъ группамъ, грубѣйшимъ нарушеніемъ принциповъ и интересовъ демократизма и явнымъ потворствомъ крайняго національнаго эгоизма болѣе сильныхъ національныхъ группъ. Скажемъ, если объективныя данныя говорятъ намъ о томъ, что еврейство, какъ національная группа, является въ то же время болѣе сильной экономической группой, а мы подъ флагомъ «равенства» и «равноправія» будемъ настаивать на предоставленіи еврейской группѣ еще большей возможности усиливать свое экономическое господство надъ другими, болѣе слабыми, группами, то это будетъ ни демократично, ни прогрессивно, ни гуманно, а будетъ только въ ущербъ демократіи болѣе слабыхъ группъ... Конечно, для еврейской группы въ цѣломъ «равенство» и «равноправіе» евреевъ будетъ выгодно... но съ точки зрѣнія великорусской, малорусской или бѣлорусской демократіи?.. Мы не можемъ не признать *противодѣйствіе коренныхъ національныхъ группъ*

еврейской въ борьбѣ за государственную власть *въ высшей степени законнымъ и справедливымъ* именно въ силу относительной слабости этихъ группъ, по сравненіи съ еврейской, въ экономическомъ отношеніи».

А вотъ что говоритъ по поводу равноправія евреевъ Ренанъ: До нашихъ дней еврей вкрадывается повсюду, требуя равноправія, но въ дѣйствительности не равноправія онъ хочетъ, ибо сохраняетъ вездѣ свои уставы [1]). Онъ требуетъ тѣхъ же гарантій, которыми пользуются всѣ, и сверхъ того требуетъ исключительныхъ для него законовъ. Онъ хочетъ пользоваться преимуществами націи, не будучи таковой и не принимая участія въ исполненіи національнаго долга. На это ни въ коемъ случаѣ и никогда не можетъ пойти ни одинъ народъ. Націи представляютъ собою военныя учрежденія, мечемъ основанныя и мечемъ живущія; они представляютъ собою крестьянъ и солдатъ. Евреи ни чѣмъ не содѣйствовали ихъ установленію. Тутъ именно и кроется крупное недоразумѣніе, лежащее въ основѣ всѣхъ еврейскихъ притязаній. Иностранецъ, котораго терпятъ, можетъ быть полезенъ странѣ, но при томъ условіи, чтобы онъ не завладѣлъ страною. Несправедливо требовать себѣ одинаковыхъ правъ съ членами семьи, домъ которой не вами выстроенъ, подобно птицамъ, устраивающимся въ чужомъ

---

[1]) *Ренанъ.* Антихристъ.

гнѣздѣ, подобно тѣмъ улиткамъ, которыя забираются въ раковину другой породы».

Такимъ образомъ, помимо всѣхъ прочихъ соображеній, еврейское равноправіе въ Россіи недопустимо и немыслимо изъ чисто экономическихъ соображеній.

Евреи и еврействующіе добиваются теперь другого: если нельзя равноправія, то снимите по крайней мѣрѣ для евреевъ черту осѣдлости. Благо. Легкомысленные люди поэтому и говорятъ: въ самомъ дѣлѣ, отъ чего же и не снять черту осѣдлости? Теперь жиды сидятъ скопомъ на одномъ мѣстѣ и достаточно уже объѣли и выжали изъ несчастныхъ малороссовъ и бѣлоруссовъ крови,— лучше евреевъ разсиропить и тогда они будутъ менѣе опасны и чувствительны для Россіи. Такъ ли? Чѣмъ на большее пространство будутъ раскинуты евреи, тѣмъ больше они используютъ народонаселеніе. Народонаселеніе Россіи, страдавшее прежде въ одной части Россіи, съ разселеніемъ евреевъ, будетъ предметомъ эксплоатаціи все и все и всюду будетъ страдать. Поэтому разселеніе евреевъ по всей Россіи будетъ преступленіемъ по отношенію къ Россіи и явнымъ попустительствомъ къ эксплоатаціи Россіи паразитнымъ народомъ.

Иной вопросъ о томъ: а какъ же быть съ малороссами и бѣлоруссами? Неужели такъ-таки, на вѣчныя времена малороссы и бѣлоруссы обречены на съѣденіе жидовъ?

Пора подумать о справедливости: за что же

несчастные малороссы и бѣлоруссы служатъ почвою для жидовскаго кровопійства. Нужно дать и имъ передохнуть и оправиться отъ съѣдающаго ихъ паразита. Малороссы хотя имѣли Гонту и Желѣзняка; но несчастные бѣлоруссы все время идутъ согнувши выю подъ жидовскимъ ярмомъ. А что же можно сдѣлать для нихъ? Одно изъ двухъ: или евреи Малороссіи и Бѣлоруссіи могутъ найти себѣ исходъ на всѣ четыре стороны, или же пускай переселяются въ Польшу. Польша принесла намъ жидовъ, — Польша успѣла сродниться съ братьями поляками Моисеева закона, Польша давно знаетъ ихъ натуру,—Польша уже успѣла выработать способъ борьбы съ тѣми евреями, которые для нея являются не братьями поляками Моисеева закона, а паразитами ихъ націи.

Кромѣ Польши евреи могутъ найти себѣ исходъ въ Финляндію. Финляндцы полагаютъ, что они представляютъ собою націю высшей культуры. Отлично. И мы согласимся съ этимъ. Поэтому и евреи, какъ лица высшей въ культурномъ отношеніи націи, легко могутъ переселиться въ Финляндію, ибо финнамъ вовсе не страшна будетъ борьба съ евреями, какъ націи, стоящей выше евреевъ.

Въ послѣднее время мы встрѣчаемъ весьма энергичныя жалобы со стороны обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ евреевъ на чрезвычайно частыя несправедливости и ограниченія правъ евреевъ, живущихъ въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, то ограничиваютъ $^0/_0$ поступленія евреевъ въ университеты,

то ограничиваютъ % поступленія на фармацевтическіе курсы, то ограничиваютъ поступленія въ гимназіи и т. д. и т. д. Справедливо ли дѣлать эти ограниченія и назначать процентныя отношенія? Очевидно, раньше евреи имѣли эти права и только впослѣдствіи стали ихъ обижать и ограничивать. Поэтому не лучше ли возстановить тѣ законы, при которыхъ евреи вступили въ Россію и ихъ уже держаться, не ограничивая, но и не расширяя ихъ. Посмотримъ же, каковы были эти законы?

Въ 1114 г. совѣтъ князей собрался въ Выдубичахъ и постановилъ: «выслать жидовъ изъ русской земли со всѣмъ ихъ имуществомъ и впредь непринимать ихъ, а *если они тайно войдутъ, то вольно ихъ убивать и грабить*».

Въ 1727 г. Екатерина I издала такой законъ: «Жидовъ, какъ мужска, такъ и женска полу, которые обрѣтаются на Украйнѣ и въ другихъ Россійскихъ городахъ, всѣхъ выслать вонъ изъ Россіи за рубежъ немедленно и впредь ихъ никакими образы въ Россію не впускать и того предостерегать во всѣхъ мѣстахъ на крѣпко, а при отпускѣ ихъ смотрѣть накрѣпко жъ, чтобы они изъ Россіи за рубежъ червоныхъ золотыхъ и никакихъ Россійскихъ серебряныхъ монетъ и ефимковъ отнюдь не вывозили; а буде у нихъ червонные и ефимки, или какая Россійская явится, и за оные дать имъ мѣдными деньгами».

Въ 1740 г. императрица Елизавета Петровна издала такой законъ: «Какъ то уже по неодно-

кратнымъ предковъ нашихъ указамъ, по всей нашей имперіи жидамъ жить запрещено. Но нынѣ намъ извѣстно учинилось, что оные жиды еще въ нашей имперіи подъ разными видами жительство свое продолжаютъ, отъ чего ни иного какого плода, но токмо нашимъ вѣрноподданнымъ крайняго вреда ожидати должно. А попеже наше матернее намѣреніе есть отъ всѣхъ чаемыхъ нашими вѣрноподданными и всей нашей имперіи случиться могущихъ худыхъ послѣдствій крайне охранять и отвращать, того да всемилостивѣйше повелѣваемъ: изъ всей нашей имперіи, какъ то великороссійскихъ, такъ и то малороссійскихъ городовъ, селъ и деревень всѣхъ мужска и женска пола жидовъ какого бы кто званія и достоинства ни были, со всѣмъ ихъ имѣніемъ немедленно выслать за-границу и впредь оныхъ ни подъ какимъ видомъ въ нашу имперію ни для чего не впускать» [1]).

Вотъ тѣ основные законы, въ силу которыхъ существуютъ на Руси евреи. Оказывается, что они на Руси запрещенный плодъ, контрабанда. А если это такъ, то значитъ они на Руси не имѣютъ ровно никакихъ правъ,—а потому и объ ограниченіи и угнетеніи ихъ говорить не имѣютъ никакого права.

Логическая послѣдовательность требуетъ: во избѣжаніе обвиненій въ нарушеніи ихъ правъ въ Русскомъ государствѣ, примѣнить къ нимъ тотъ законъ, который существовалъ во времена Федора

[1]) *Липранди.* Равноправіе и еврейскій вопросъ.

Алексѣевича и Екатерины I. Тогда по крайней мѣрѣ не будутъ они жаловаться, что ихъ обижаютъ и несправедливо ограничиваютъ ихъ права.

Изъ всего разсмотрѣннаго общій выводъ слѣдующій.

1. Въ религіозномъ отношеніи евреи народность самообольщающаяся, жесточайшая, человѣконенавистническая и людоѣдская, полагающая своимъ идеаломъ господство надъ всѣми народами и безчеловѣчное ихъ истребленіе и истязаніе.

2. Въ нравственномъ отношеніи—высоко-безправственная, оправдывающая всякіе недостойные поступки по отношенію къ лицамъ другой націи.

3. Въ соціальномъ отношеніи евреи народность паразитная и преступная, проявляющая по отношенію къ членамъ всѣхъ другихъ націй всякія низкія преступныя дѣянія, какъ допустимыя и должныя.

Во имя блага державной русской націи, совмѣстное сожительство евреевъ въ Россіи недопустимо и непозволительно.

Но что же съ ними дѣлать?

1. Самое коренное разрѣшеніе вопроса—новый исходъ евреевъ—куда имъ угодно, внѣ Россіи.

2. Менѣе желательный исходъ — ассимиляція ихъ въ Россіи, но съ непремѣннымъ условіемъ — перехода въ православіе.

3. Еще менѣе желательный—исходъ ихъ въ Польшу и Финляндію. Переселеніе ихъ въ Польшу имѣетъ за себя оправданіемъ—братское содруже-

ство этихъ народовъ: поляки-евреи католическаго закона,—евреи-поляки Моисеева закона. Они другъ друга знаютъ давно. Они сражались плечомъ къ плечу противъ ихъ общаго врага—Россіи. Имъ будетъ легче сожительство. Для Финляндіи евреи тоже не будутъ въ тягость. Финны—нація, какъ они думаютъ, высокой культуры, а потому для нихъ не будетъ опасно сожительство съ паразитной націей. Высоко культурная финская нація не позволитъ себя эксплоатировать паразитной еврейской націи.

А. А. Столыпинъ предлагаетъ еще одну мѣру: изысканіе научнымъ путемъ мѣръ вымиранія этой паразитной и вредной для міра народности. Будущее покажетъ—насколько онъ правъ.

Достойно вниманія засѣданіе Государственной Думы 2 ноября 1911 г. Въ этомъ засѣданіи, обсуждавшемъ вопросъ о равноправіи русскихъ въ Финляндіи, между прочимъ П. Н. Крупенскій внесъ важное предложеніе о *допущеніи евреевъ въ Финляндію* на правахъ евреевъ въ чертѣ осѣдлости въ Россіи. Это предложеніе встрѣтило жесточайшій отпоръ со стороны всѣхъ партій. Положительнымъ рѣшеніемъ Дума допустила бы по отношенію къ Финляндіи «насильщину», «жестокое оскорбленіе чувства брезгливости финскаго народа», «прививку яда», «издѣвательство надъ человѣчествомъ», «зло», «наглое издѣвательство», «величайшее зло»...

И такъ для Финляндіи евреи являются суще-

ствомъ со всѣми вышеуказанными качествами. Ну а для Россіи «всѣ эти качества терпимы», допустимы? Нельзя ли хоть капельку подумать о несчастной Бѣлоруссіи, которая стонетъ подъ еврейскимъ игомъ...

Предложеніе П. Н. Крупенскаго было не фарсъ, а гражданскій подвигъ, указавшій на возможный «исходъ» еврейскаго ига и хотя нѣкоторое облегченіе отъ него для русскаго народа. Такъ поняли и серьезные члены Государственной Думы предложеніе П. Н. Крупенскаго

Такъ ч. д. Червинскій между прочимъ заявилъ, что «задача каждаго государства эмансипироваться отъ евреевъ, а не устраивать еврейское равноправіе»,—а членъ г. д. Воейковъ 2 думаетъ, что «нужно ограниченіе правъ евреевъ въ Финляндіи и распространеніе его на всю Россію».

Такимъ образомъ предложеніе П. Н. Крупенскаго въ Думѣ было понято, но не было поднято. Будемъ надѣяться, что П. Н. Крупенскій выждетъ и дождется момента, когда его аналогичное предложеніе еврейскаго «исхода» встрѣтитъ въ Государственной Думѣ больше гражданскаго мужества и большей заботливости о благѣ державной націи, находящейся въ предѣлахъ своей державы въ плѣну у своей паразитной подчиненной народности.

V.

Основы русскаго національнаго.

Въ основѣ исповѣданія русской національной партіи лежатъ слѣдующія три положенія: *самодержавіе, православіе и русское единодержавіе.* На первый взглядъ эти три положенія, особенно же первое, кажутся нѣсколько отсталыми и устарѣлыми. Однако, эти положенія взяты были не случайно и не по капризу, а на основаніи историческихъ данныхъ.

Весьма знаменательно, что верховоды изъ жидовъ и другихъ инородцевъ въ тяжелые годы 1904—1906, на митинговыхъ собраніяхъ, въ своихъ рѣчахъ обдавали полнымъ презрѣніемъ исторію Россіи, ея прошлое, ея характеръ. Мало того, митинговые ораторы изъ жидовъ грязью забрасывали исторію Россіи и во весь голосъ кричали, что исторія—это анахронизмъ.—Это дѣлалось не даромъ. Нигилизмъ 900-хъ годовъ былъ злостнѣе нигилизма шестидесятыхъ годовъ. Новѣйшіе нигилисты изъ жидовъ отлично знали исторію Россіи и важное ея значеніе въ государственной жизни и потому усердно поливали ее своими зловонными помоями. Нигилисты же изъ армянъ дѣлали это

по своей глупости. Это было Панургово стадо въ рукахъ жидовъ.

Между тѣмъ исторія Россіи имѣетъ весьма поучительное значеніе въ ея настоящихъ историческихъ судьбахъ. И кто хоть немного потрудится освѣжить ее въ своемъ умѣ и немножко подумать, тотъ ясно увидитъ, что *самодержавіе, православіе и недѣлимость имперіи* не пустые звуки и не проявленіе захватнаго деспотизма и насилія, а всецѣло и по существу вытекаютъ изъ свойствъ и характера самой націи и основываются на историческихъ судьбахъ ея.

Эти три основныхъ положенія бытія русскаго государства исповѣдывались еще во времена Московской Руси. Современникъ царя Алексѣя Михайловича, Юрій Крижаничъ утверждаетъ слѣдующія основы государства: вѣра православная, самовладство совершенно (самодержавіе), нераздѣльность кралевства и обереженіе отъ чужевладства, запертіе рубежевъ и недопущеніе празнующаго и бездѣльнаго житія. Исключивъ нынѣ устарѣвшіе два послѣдніе пункта, мы и имѣемъ три основныхъ пункта нашей національной партіи: самодержавіе, православіе и единодержавіе.

Тотъ же Крижаничъ полагалъ, что *самодержавіе*—это философскій камень, который вылечиваетъ всѣ политическія болѣзни. Этотъ камень есть только у Россіи; поэтому если какой нибудь народъ страдаетъ, какъ Польша, неизлечимой политической болѣзнью, для него единственное сред-

ство спасенія—союзъ съ Россіей... «У ляховъ, и у чеховъ, и у задунайскихъ словенцевъ, сія рѣчь *господарь* знаменуетъ домовнаго отца и всякій огецъ. или челяди и дому господинъ, хочь богатъ, хочь убогъ, словеть тамо *господарь*. А русскій языкъ, не простыхъ людей, но владателевъ зоветъ господарями. И тѣмъ ея ознаняетъ, еже, что есть челядный отецъ или господарь во своему дому, то долженъ быть краль во своемъ кралеству» [1]). Поэтому русскіе такъ довѣрчиво и относятся къ своимъ царямъ,—но въ тоже время требуютъ, чтобы они также внимательно заботились о своемъ народѣ, какъ отецъ о своей семьѣ.

Прежде всего начнемъ съ *самодержавія*. Наши предки скифы, сарматы и славяне были храбры, воинственны и отважны, тѣмъ не менѣе они платили дань, въ одномъ мѣстѣ варягамъ, а въ другомъ—жидкамъ—хозарамъ. Почему? Потому что они были страшно свободолюбивы, не любили никому подчиняться, *жили разрозненно и проявляли склонность къ ссорамъ*. Древніе греческіе и арабскіе писатели прямо указываютъ, что славяне были-бы непобѣдимы, если бы не ихъ взаимная разрозненность и склонность къ разъединенію.

Греческіе писатели Прокопій и Маврикій утверждаютъ, что славяне питаютъ *необыкновенную любовь къ свободѣ*. По мнѣнію Шлецера [2]), древніе славяне имѣли отъ природы пламенную лю-

[1]) В. Э. Вальденбергъ, Юрій Крижаничъ 181.

[2]) *Шлецеръ*. Несторъ, т. II, стр. 294.

бовь къ свободѣ. Маврикій говоритъ: славяне никакой власти не терпятъ и другъ къ другу питаютъ ненависть, — отъ того не знаютъ порядка и не сражаются соединенными силами. Между ними постоянно царитъ *раздоръ*. Всѣ они питаютъ другъ къ другу вражду и ни одинъ *не хочетъ повиноваться другому* .. Руководителями ихъ были князьки, которыхъ было много, — и они-то, повидимому, были первою причиною раздоровъ и несогласій, — чѣмъ особенно пользовались греки [1]).

Многія племена славянскія питали древнюю вражду другъ къ другу, чему служитъ доказательствомъ презрительный отзывъ Нестора о древлянахъ, вятичахъ и пр. Это чувство было общее всѣмъ племенамъ и, по всей вѣроятности, было взаимнымъ (С. А. Хомяковъ [2]). Тоже утверждаетъ и А. Д. Нечволодовъ [3]).

И дѣйствительно, разрозненность славянъ губила нашихъ предковъ, губитъ и потомковъ — даже до сего дня.

Сербы и болгары были освобождены отъ турецкаго ига, — и что они сдѣлали? Прежде всего бросились другъ на друга и стали рѣзать другъ друга! За что же Россія проливала кровь своихъ дѣтей? Поляки, какъ въ австрійскомъ, такъ и въ германскомъ парламентахъ являются самыми ярыми врагами всѣхъ славянъ... Поляки и мазепинцы не-

---

[1]) *И. Забѣлинъ*. Исторія русской жизни. т. I. стр. 479.

[2]) *С. А. Хомяковъ*. Сочиненія, т. I. стр. 232.

[3]) *А. Д. Нечволодовъ*. Исторія Россіи, 1911.

истово пожираютъ въ Австріи маленькую частицу несчастныхъ русскихъ галичанъ и угорцевъ.—А какое чувство благодарности у этихъ славянъ за сдѣланное имъ русскими добро,—то лучше всего показываютъ поступки болгарскихъ стамбуловцевъ и каравеловцевъ по отношенію къ Россіи за пролитую кровь сотенъ тысячъ ея сыновъ за свободу Болгаріи .. А чего стоятъ безстыдныя выходки Милана Обреновича по отошенію къ Россіи... А лучше ли былъ гнусный поступокъ сербовъ на съѣздѣ славянскихъ журналистовъ въ Бѣлградѣ лѣтомъ 1911 г...

Если такъ низка психологія современныхъ западныхъ славянъ, то, къ нашему счастію, психологія восточныхъ, русскихъ современныхъ славянъ иная. Имъ свойственны: благодушіе, всепрощеніе, милосердіе, состраданіе и самопожертвованіе. Во многихъ случаяхъ эти черты доходятъ до крайностей, даже унижающихъ, а не возвышающихъ. Изъ христіанской любви къ ближнему русскій народъ шелъ на спасеніе порабощенныхъ славянъ, зная завѣдомо, какую онъ за то отъ нихъ получитъ благодарность. Вотъ что говоритъ нашъ великій психологъ-романистъ Достоевскій

«Народъ не забылъ свою великую идею, свое православное дѣло», не забылъ въ теченіе двухвѣкового рабства, мрачнаго невѣжества... а православіе и православное дѣло вовсе не какое-нибудь fanatisme religieux, а это именно есть прогрессъ человѣчества и всеочеловѣченіе человѣче-

1) *Достоевскій.* Сочиненія, т. X, стр. 295.

ское такъ именно понимается русскимъ народомъ, ведущимъ все отъ Христа, воплощающимъ все будущее свое во храмѣ и Христіанской истинѣ и не могущимъ представить себя безъ Христа...

Мы дивимся какъ русскій народъ не забылъ въ крѣпостномъ рабствѣ, въ невѣжествѣ и угнетеніи своего великаго «православнаго дѣла», не озвѣрѣлъ окончательно и не сталъ мрачнымъ замкнутымъ эгоистомъ... Но, вѣроятно, таково свойство его... подниматься духомъ въ страданіи, укрѣпляться духомъ въ политическомъ угнетеніи и среди рабства и униженія соединяться въ любви и христіанской истинѣ. Вотъ потому то, что народъ самъ былъ угнетенъ и перенесъ многовѣковую крестную ношу, потому то онъ и не забылъ своего «православнаго дѣла» и страдающихъ братьевъ своихъ и поднялся и духомъ и сердцемъ съ совершенною готовностью помочь всячески угнетеннымъ славянамъ»...

Итакъ одними изъ выдающихся чертъ характера восточныхъ славянъ являются: *свободолюбіе*, *разрозненность и склонность къ враждѣ*. Много этому способствовало и то, что восточное славянство жило разрозненно, отдѣльными родами, разбросанными по всему лицу великой русской земли. Много способствовало и то, что славянская земля, что славянскій народъ былъ слишкомъ великъ и, въ силу своей мощи и величія, слишкомъ *самонадѣянъ*, *безпеченъ*, *небреженъ* къ общему дѣлу и *слишкомъ благодушенъ*. Только когда грянетъ

громъ, стрясется великая бѣда надъ всѣми, тогда онъ объединялся и тогда уже становился сильнымъ, мощнымъ и страшнымъ. А обычно каждый жилъ своимъ родомъ и ни кому не было никакого дѣла до всего народа.

Интереснѣе всего, что сами древніе славяне понимали и сознавали свой этотъ недостатокъ—разрозненность, свободолюбіе, личную независимость и склонность къ ссорѣ и враждѣ,—видѣли свою немощь и бѣду въ этомъ и иногда даже пытались поправить дѣло.

Такою историческою попыткою является призваніе новгородцами славянскихъ варяговъ Руси на княженіе (П. И. Ковалевскій [1]). Вотъ что по этому поводу говоритъ лѣтописецъ: «Въ 862 г. новгородцы изгнаша варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами въ себѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, бысть въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся»... Вотъ какое было самоуправленіе у нашихъ предковъ. Подумали, подумали новгородцы и рѣшили достать себѣ правителя извнѣ. «Поищемъ себѣ княже, иже бы володѣлъ нами и судилъ *по праву*»... Послали пословъ къ балтійскимъ славянамъ вендамъ или славянскимъ варягамъ и заявили имъ по правдѣ: «Земля наша велика и обильна, *лишь порядка въ ней нѣтъ*, придите володѣть и управлять нами».

Прошло достаточно времени. Скончался Рюрикъ, не стало и Олега. Игорь былъ замученъ

[1]) *Проф. П. И. Ковалевскій.* Исторія Россіи.

древлянами. Царила Ольга. И вотъ она объѣзжала государство. Прибыла въ Новгородъ и что же она тамъ нашла? Населеніе жило хорошо и богато, но ее поразили раздоры между собою разныхъ «концовъ» этого города: непримиримые и драчливые. (Т. П. Мятлева).

И такъ неспособность къ разумному государственному самоуправленію являлась органическою славянскою чертою. Не тоже ли намъ показываетъ исторія Польши, Чехіи и проч. Какъ только государственная власть попадала въ руки народа, такъ сейчасъ начиналась государственная суматоха, смятеніе и безпорядочность,—сила, мощь и величіе славянскаго государства падали и народъ спѣшилъ подъ чужую мощную руку и искалъ себѣ порядка въ самодержавіи. Это особенно рѣзко сказалось въ наше смутное время самозванщины.

Такимъ образомъ единая *самодержавная власть въ Россіи вытекаетъ прямо изъ характера національныхъ свойствъ русскаго народа. Изъ органической неспособности славянъ къ объединенію самихъ въ себѣ и самоуправленію и является естественнымъ послѣдствіемъ и исходомъ изъ печальнаго національнаго бытія и существованія. Самодержавіе въ Россіи является такимъ образомъ органическою національною потребностью, безъ которой Россія существовать не можетъ. Въ Русскомъ самодержавіи зиждется цѣлость, крѣпость, мощь и величіе Россіи.* Порукою тому является исторія Россіи.

Призванные новгородцами «князья составили связь между областями, — дружина поддерживала ее, духовенство составляло святости закона» (С. А Хомяковъ [1]). Пришли славяно-варяжскіе князья. Объединили русскихъ славянъ и стали самодержавно править. И вотъ тѣ же славяне, которые до сихъ поръ платили дань жидкамъ-хозарамъ, подъ скипетромъ самодержавія, создали великій народъ, а о хазарахъ осталось только одно воспоминаніе. Самодержавіе, сплотивъ разрозненныя части Руси, создало силу и мощь государства. Самодержавные Святославъ, Владиміръ, Ярославъ— создали величіе Кіевской Руси. . Но вотъ настало время удѣльнаго княженія. Настала государственная розпь и взаимная вражда. Настало раздробленіе и паденіе власти и самодержавія. Россія падала и пала подъ ударомъ татарской орды... Самъ народъ, опять разбитый и разъединенный, не могъ вновь встать и окрѣпнуть. Мелкіе князья напоминали собою ссорившихся князьковъ доваряжскаго періода; они препирались другъ съ другомъ и только ослабляли Россію. Пришедшіе монголы поработили Россію не потому, что наши предки были мало воинственны, не храбры и не способны къ войнѣ, а именно потому, что Россія была разбита на мелкія части и владѣтели этихъ частей не желали помочь другъ другу, объединиться и составить единое, цѣлое, мощное. Не было самодержавія и

[1]) *С. А Хомяковъ.* Сочиненія, т. I, стр. 224

создать его сразу было невозможно. Такое самодержавіе стало создаваться только мало по малу и строителями самодержавія и собирателями Руси явились Московскіе князья. Постепенно они собирали вмѣстѣ разбитое, разбросанное и разстроенное и создали великое, цѣлое — Московскую Русь; и это все достигалось путемъ созиданія и усиленія самодержавія и единодержавія при содѣйствіи православія... Такъ созидалось и создалось самодержавіе...

Въ моментъ самозванства пала верховная самодержавная власть, — пало и величіе Россіи. Ее терзали, ее попирали и поляки, и шведы, и южные варяги-казаки,— и тотъ только ее не обижалъ, кто не хотѣлъ. Опять понялъ народъ, что земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ. Безъ самодержавнаго царя быть ему нельзя. И избрали они себѣ царя самодержавнаго, царя православнаго, царя, обладающаго на то наслѣдственнымъ правомъ, помазанника Божія по наслѣдственному праву. «Въ страшное время междуцарствія, Русское государство было спасено самимъ народомъ, который сдѣлался, такъ сказать, хозяиномъ положенія и рѣшителемъ судебъ Россіи. Если бы онъ извѣрился въ самодержавіи и пожелалъ разбить цѣлость Русской земли и полноту верховной власти, то, конечно, никто бы ему не могъ препятствовать... Но ученіе православной вѣры глубоко проникло въ нашъ семейный и общественный бытъ. Подъ его вліяніемъ сложились и вошли въ Русскую жизнь идеалы родительнаго единодержа-

вія въ семьѣ и единодержавія въ государствѣ. По ученію нашей церкви и по сознанію православнаго народа, царь есть избранникъ Божій, чтобы быть отцомъ и вождемъ народа» [1]).

Съ воцаренія Дома Романовыхъ на Руси ведется не только конечное объединеніе разрозненныхъ отдѣльныхъ частей Русской Земли, но и присоединеніе сосѣднихъ націй, нужныхъ ей для ея величія, мощи и славы. Началось созиданіе Россійской Имперіи.

Наибольшей силы и напряженія достигло самодержавіе при Великомъ Петрѣ, — и наибольшей славы и величія достигла Россія именно при Великомъ Петрѣ. Велико было самодержавіе и Екатерины II и величіе Россіи тогда же было велико. Мощно было самодержавіе при Александрѣ III и Россія въ этотъ моментъ достигла наибольшаго внутренняго благосостоянія и благоденствія.

Никто не станетъ сравнивать и приравнивать Кіевской Руси къ Московскому государству и Московскаго государства къ Россійской имперіи. Эти три степени Россіи обязаны тремъ фазисамъ состоянія самодержавія. При этомъ важно отмѣтить и то, что всякій разъ съ паденіемъ самодержавія падала и Россія. Намъ могутъ указать, что при Іоаннѣ Грозномъ самодержавіе достигло патологическихъ границъ деспотизма, что самодержавіе тогда приняло патологическую форму, причемъ, однако, Россія не возвысилась, а пала, — но то

[1]) *И. П. Корниловъ.* Задачи русскаго просвѣщенія, стр. 262.

такъ было именно потому, что патологическій деспотизмъ и есть одно изъ проявленія паденія, а не возвышенія самодержавія.

Всякое нарушеніе самодержавія немедленно влечетъ за собою подрывъ благосостоянія націи и крѣпости государства. Враги нашей родины, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе, прекрасно знаютъ это и всѣми способами стараются извратить историческіе факты нашего прошлаго и подорвать въ глазахъ, особенно легковѣрныхъ, русскихъ величіе и значеніе этого принципа въ насъ самихъ.

Но народъ и по опыту и по инстинкту сознаетъ силу и мощь самодержавія и потому самъ народъ, напр. въ смутное время, даже безчинствующіе kazaki, требовали избранія царя, царя самодержавнаго, царя православнаго, царя единодержавнаго, ибо самодержавіе, православіе и единодержавіе нераздѣльны, поддерживаютъ другъ друга и взаимно дополняютъ. *Государственное самодержавіе въ томъ видѣ, какъ оно утвердилось въ Россіи, возможно только у православныхъ народовъ и немыслимо во всей полнотѣ у католиковъ, ибо у послѣднихъ оно сталкивается съ церковнымъ самодержавіемъ Римскихъ папъ, верховная власть которыхъ, по религіознымъ вѣрованіямъ католиковъ, выше всѣхъ земныхъ властей.* Фанатизируемыя папскимъ духовенствомъ, католическія массы вѣруютъ, что ихъ «святой отецъ», папа, есть намѣстникъ Іисуса Христа, глава всѣхъ вѣрующихъ христіанъ, владѣющій ключами рая и

ада, прощающій грѣхи всѣхъ живыхъ и умершихъ и предающій вѣчнымъ мученіямъ всѣхъ непокоряющихся его волѣ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла, подданные государя, по приказанію папы, безусловно слушаются своего государя-папы и будутъ исполнять приказаніе папы. Естественно, что истинное самодержавіе въ такихъ случаяхъ немыслимо.

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ, что *русскій народъ* по своимъ *національнымъ свойствамъ своеобразенъ и отличенъ отъ другихъ западныхъ народовъ*. Въ силу своей разрозненности и неспособности къ единенію и самоуправленію, русскій народъ не можетъ государственно существовать безъ самодержавія. Только при самодержавіи, дѣйствующемъ отъ имени народа и въ интересахъ величія, славы и могущества русскаго народа, русское государство можетъ проявлять силу, мощь и величіе. Почему слѣдуетъ естественный выводъ, что *русское самодержавіе вытекаетъ изъ свойствъ самой Русской націи* и является его органическою потребностью. Отнять въ государственномъ строѣ Россіи самодержавіе — значитъ: поставить ее въ антинаціональныя условія бытія, противныя его существу. Вотъ почему и націоналисты не устанавливаютъ самодержавіе, ибо оно въ этомъ не нуждается, а указываютъ на то, что самодержавіе составляетъ сущность и основу бытія Русскаго государства и нарушенія этой основы повело бы, если не къ гибели, то къ великимъ

потрясеніямъ и разрухѣ его. Національная партія самодержавіе ставитъ не цѣлью и не задачею своей пропаганды, ибо то было бы выше ея силъ и пожеланій, а только лишь отмѣчаетъ, что самодержавіе, православіе и единодержавіе суть основы бытія Русскаго государства и національная партія во всѣхъ дѣяніяхъ исходитъ изъ этихъ трехъ положеній, какъ основныхъ свойствъ и качествъ Русской націи.

II.

Православіе. Религія—прирожденное свойство духа признанія и исповѣданія чего-то Высшаго, чего-то отвлеченнаго, внѣ насъ существующаго, но слишкомъ намъ близкаго, насъ выполняющаго и возвышающаго. Эта способность во многомъ обусловливается воспитаніемъ и колеблется въ связи съ его содержаніемъ и направленіемъ, но по существу она прирождена и составляетъ свойство и особенность нашего существа. Атеизмъ или отрицаніе божества не есть отрицаніе религіи. Помимо религіи божественной можетъ быть религія естественная, политическая и соціальная. Чистый атеизмъ—абсурдъ.

Всѣ люди на свѣтѣ очень похожи другъ на друга, но всѣ они имѣютъ и свои отличительныя, личныя и индивидуальныя особенности. Такія отличительныя личныя черты бываютъ, какъ физическія, такъ и духовныя, религіозныя. Эти индивидуальныя отличительныя черты обычно стоятъ

въ наличной связи и соотвѣтствіи съ физическими особенностями организаціи человѣка. Что примѣнимо къ отдѣльному лицу, то въ такой же мѣрѣ можетъ быть примѣнимо и къ болѣе крупной единицѣ—націи.

Изъ всѣхъ религій въ цивилизованномъ мірѣ главнѣйшую роль въ настоящее время играетъ христіанство. Догмы Христа—возлюбиши ближняго твоего... легли въ основу стремленій и помышленій современнаго человѣчества. Эта любовь Христа покорила себѣ сердца современнаго человѣчества и нашла себѣ примиреніе съ современно-научнымъ принципомъ—борьбой за существованіе въ словахъ Христа: Воздадите Кесарево Кесареви,аБожія Богови.

Въ жизни церкви Христовой явились, однако, обстоятельства, которыя рѣзко раскололи ее на двѣ части или на два исповѣданія: православное и католическое. Одна вѣтвь Христовой Церкви пошла по одному пути, другая—по другому. Одна проповѣдывала именно первую половину формулы Христа «Божія—Богови», а другая постаралась захватить и кесарево Первая разработывала, воспѣвала проповѣдь любви, милосердія, всепрощенія, состраданія и самопожертвованія,—а другая, исходя изъ положенія «рѣшить и вязать», начала стремиться къ кесаревому и достигла положенія не только «вязанія», но и «велѣнія». Первая церковь была церквію христіанской *любви,* а вторая - *воинствующею.*

«Православная церковь, говоритъ И. П. Кор-

шіловъ [1]), есть учрежденіе чисто церковное. Римская же церковь, утратившая свой первоначальный строго церковный характеръ и принявшая форму папизма, есть учрежденіе церковно-политическое».

Церковно-католическая власть не совмѣстима съ самодержавіемъ, тогда какъ православіе и самодержавіе только дополняютъ другъ друга. «Что вредно православію, сказалъ извѣстный литовскій епископъ Іосифъ Сѣмашко, то вредно и Россіи».

«Папская власть не признаетъ полнаго свѣтскаго единовластія, говоритъ И. П. Карниловъ, и непремѣнно рядомъ съ нимъ и даже выше его ставитъ себя. Папизмъ имѣетъ глубокое вліяніе на семейную и общественную жизнь и на нравственную сторону воспитанія, внося духъ фанатизма, вражды и нетерпимости къ православной церкви и другимъ христіанскимъ исповѣдникамъ... Католическое духовенство позволяетъ себѣ нерѣдко противодѣйствовать верховной государственной власти и даже, злоупотребляя вліяніемъ на умы и совѣсти своей паствы, возстановляетъ ее противъ свѣтскаго правительства... Клерикалы, іезуиты, ультрамонтаны, паписты повсемѣстно разсѣянные и организованные въ сильныя политическія отрицательныя партіи повсюду враждуютъ съ государственною властію и Христіанскими церквами, непризнающими папскаго главенствaа...

Благодаря ученію Православной церкви, въ ис-

---

[1]) *Ив. П. Корниловъ.* Задачи Русскаго Просвѣщенія.

торіи Русскаго народа не было ни религіозныхъ войнъ, ни борьбы свѣтской власти съ духовною за преобладаніе». Самодержавіе и православіе въ Россіи идутъ рука объ руку и поддерживаютъ другъ друга». Съ ослабленіемъ въ народныхъ массахъ Православной вѣры будетъ непремѣнно ослабѣвать авторитетъ Царскаго самодержавія и отцовской власти и начнется разложеніе древнихъ государственныхъ и семейныхъ основъ и постепенная замѣна ихъ другими. Русская государственная власть и передовые Россійскіе люди, которые дорожатъ судьбою своего отечества, счастьемъ и самобытностію своего народа, должны прежде всего быть вѣрными служителями Православной церкви и поддерживать властью, словомъ и примѣромъ эти жизненныя, религіозныя и нравственныя основы, на которыхъ утверждены Русское государство и русская семья... Латинское духовенство, отличающееся религіозною нетерпимостью, воспитываетъ это качество въ народахъ, исповѣдующихъ папизмъ... Если бы поляки исповѣдывали не папизмъ, а православіе, то историческая судьба Польши была бы иная».

«Церковь католическая смотрѣла на себя, какъ на царство Божіе, говоритъ проф. П. Н. Ардашевъ,[1])—которое на землѣ должно воплотиться во всемірную монархію во главѣ съ папой, по отношенію къ которому всѣ націи должны были стать

[1]) Проф. П. Н. Ардашевъ, Націонализмъ на западѣ.

подданными, всѣ свѣтскіе государи—вассалами, въ смыслѣ подданныхъ феодальныхъ отношеній. Дѣло шло объ осуществленіи не одного лишь моральнаго, духовнаго единства на почвѣ единой вѣры, но также и единства матеріальнаго, свѣтскаго, путемъ подчиненія всѣхъ мірскихъ властей единой верхной власти, власти «папы»... Папа Григорій VII не только подчинилъ себѣ французскихъ итальянскихъ государей,—но даже добрался до Кіевскаго Переяслава Ярославовича съ предложеніе признать себя вассаломъ св. престола, да «заслужитъ постоянное представительство верховнаго апостола передъ Богомъ».

Такимъ образомъ католическая церковь являлась церквью объединяющею, но не національною, а космополитическою, при чемъ тотъ космополитизмъ касался не только духа церкви народовъ, но и ихъ матеріальнаго благосостоянія, ибо папы брали дань съ королей. . Эдуардъ III англійскій первый воспротивился этому матеріальному и политическому подчиненію главѣ католической церкви, пересталъ платить дань папѣ и основалъ автономную національную церковь Англіи.

Въ XIV в. Филиппъ Красивый вмѣстѣ съ представителемъ французской націи точно также проявляютъ протестъ противъ средневѣковаго папскаго космополитизма и составляютъ національную обособленность и въ церкви, при чемъ націонализмъ былъ главнымъ противникомъ космополитизма.

Въ XIV же вѣкѣ Виклефъ является первымъ противникомъ католическаго космополитизма на національной почвѣ въ Германіи; а въ XV в. такое же движеніе идетъ въ Чехіи. Особенно же рѣзкій протестъ противъ католицизма въ Германіи возникъ при Лютерѣ, при чемъ произведенная имъ церковная реформа стала чисто національною и созданное лютеранство или протестантизмъ воплотился почти исключительно въ нѣмецкую религію.

И такъ воинственный политикующій католическій космополитизмъ въ Европѣ потерпѣлъ жестокое крушеніе и крушеніе то создано пробудившимися національными правленіями, и созданные тогда новые оттѣнки религій стали чисто національными религіями.

Воинствующій католицизмъ, не ограничивалъ поля своей дѣятельности Западною Европою,—напротивъ, онъ сначала возникновенія Россіи и до послѣднихъ дней 1911 года не покидалъ своихъ настойчивыхъ и энергичнѣйшихъ попытокъ завоевать славянскій востокъ. Этому стремленію его въ славянствѣ много способствуетъ и то, что именно въ славянахъ Польши и русской Галиціи онъ нашелъ наиболѣе покорныхъ ему рабовъ. Еще при Владимірѣ Св. папы старались навязать Россіи католицизмъ, но очень неудачно. Затѣмъ такое-же тяготѣніе папства проявилось при Романѣ Галицкомъ, при первомъ нашествіи монголовъ, Даніилѣ, даже при Іоаннѣ Грозномъ, а особенно въ смутное время междуцарствія (1589—1630 гг.).

Вотъ этапы поступательнаго движенія папства въ Россіи отъ Владиміра Св. до Іоанна IV. 1) При Владимірѣ Св., когда онъ захотѣлъ ввести въ русской землѣ христіанство. 2) При сынѣ Владиміра Святополкѣ: Святополкъ былъ женатъ на дочери польскаго короля Болеслава Храбраго, который возстановлялъ его противъ отца и при этомъ стремился къ введенію въ Россіи католичества. 3) Въ 1075 г. князь Изяславъ самъ обратился къ римскому папѣ Григорію VII за помощью, при чемъ папа сталъ обращаться въ Россію, какъ бы полновластный владыка: онъ обратился къ Святославу съ заявленіемъ, что беретъ русскую землю подъ свое покровительство и назначаетъ Изяслава великимъ княземъ,—но это заявленіе имѣло такое значеніе, какъ послѣднія вмѣшательства профессоровъ германскихъ и англійскихъ университетовъ въ финскія дѣла въ Россіи. 4) Роману Галицкому папа Иннокентій III прислалъ проповѣдника Бернарда Клервосскаго, обѣщая ему королевскій престолъ и мечъ Петра, 5) Въ 1218 г. при Коломанѣ лагинское духовенство приняло изъ Галича православнаго епископа и духовенство и стало царить въ Галиціи,—но царствію его наступилъ скорый конецъ. 6) Въ 1158 году папа Александръ III попросилъ у князя Полоцкаго позволеніе обратить въ латинство язычниковъ ливовъ и, получивъ разрѣшеніе, крестилъ. 7) Въ 1270 году по повѣленію папы образовался крестовый походъ изъ знатныхъ рыцарей, воиновъ и многочисленныхъ

искателей приключеній въ Швеціи. Его велъ Ярлъ Биргеръ въ сопровожденіи мѣстныхъ епископовъ и множества духовныхъ лицъ противъ язычниковъ финовъ и православныхъ русскихъ. 8) Въ 1242 году Ливонскіе рыцари съ цѣлью распространенія латинства пошли на Новгородскія земли и были жестоко наказаны Александромъ Невскимъ на Ледовомъ побоищѣ». 9) Въ 1246 году латинскій монахъ Плано-Карпини отъ имени папы Иннокентія IV предложилъ Василько Романовичу принять латинство, но всѣ его старанія остались тщетными. 10) Въ 1250 году Иннокентій IV прислалъ письмо Александру Невскому и Новгородцамъ, требуя ихъ перехода въ католичество, при чемъ Карпини утверждалъ, что покойный отецъ Александра, будучи въ ордѣ, рѣшилъ принять католичество и не исполнилъ своего рѣшенія только потому, что умеръ дорогою въ Россію. На это посолъ получилъ отвѣтъ: «Слышите, посланцы нечестіи и прелестницы преокаянныя! Отъ Адама и до потопа, и отъ потопа до раздѣленія языковъ, и отъ раздѣленія языковъ до начала Авраамля, и отъ Авраамля до пріитія Израиля сквозь Черное море, и отъ начала царствія Соломона до Августя царя, и отъ начала Августы и до Рождества Христова, и до страстей и до воскресенія Его, и отъ воскресенія Его и на небеси восшествія и до царствованія Великаго Константина, и до перваго собора, и до седьмого собора: сія вся свѣдаемъ добрѣ, а отъ васъ ученія не принимаемъ»... 11) Въ 1253 г. Иннокентій IV

проповѣдываетъ новый крестовый походъ епископамъ и духовенству, при чемъ презрительно смѣшиваетъ русскихъ и татаръ. Этотъ походъ былъ, однако, для латынянъ неудаченъ: Сынъ Александра Невскаго Василій предводительствовалъ псковитянами и новгородцами, разбилъ рыцарей и опустошилъ ихъ страну. 12) Въ 1256 году новый походъ шведовъ и датчанъ на новгородскія земли,— но и здѣсь послѣдовала латынцевъ неудача: Александръ не только разбилъ ихъ, но и завоевалъ Финляндію. 13) Иннокентій VI старается склонить Даніила Галицкаго на принятіе католичества,—но все его предпріятіе Даніиломъ разрушается. 14) Въ 1341 году Шведскій король Магнусъ пошелъ крестовымъ походомъ на русскихъ язычниковъ. Захвативъ Орѣшокъ онъ не избилъ всѣхъ жителей только потому, что тѣ приняли католичество и обязались и другихъ жителей страны обратить въ эту вѣру. Но новгородцы взяли обратно Орѣшокъ и жестоко отмстили шведамъ. Такъ папскія попытки возобновлялись и при слѣдующихъ царяхъ до Іоанна Грознаго включительно, — особенно же въ смутное время. Въ царствованіе Дома Романовыхъ католицизмъ и особенно іезуитизмъ дѣйствуетъ подпольно, подлогами и мошенническимъ образомъ, въ родѣ ксендза Варцинскаго, Ледоховскаго и проч.

Папы дѣйствовали съ большимъ натискомъ и жестокими пріемами іезуитовъ (цѣль оправдываетъ средства) и черезъ поляковъ, и черезъ венгерцевъ,

и черезъ литовцевъ, и при помощи ливонскихъ рыцарей и даже при содѣйствіи Свейскаго короля. Пріемы папскихъ апостоловъ, въ родѣ ксендза Варцинскаго въ Москвѣ въ наши годы, не отличались духомъ любви и милосердія, а напротивъ очень часто духомъ ненависти, жестокости, кровожадности, какъ это было во времена Гонты, Гайдамакъ и проч., а также нынѣ въ русской Галиціи,—а также нерѣдко сопровождались подлогами и обманами, какъ это продѣлалъ ксендзъ Варцинскій... И это проповѣдь ученія Христа...

И тѣмъ не менѣе католицизмъ воинствующій не завоевалъ земли русскихъ славянъ и не завоюетъ. Онъ даже не побѣдилъ той горсточки русскихъ, которые въ Галиціи стонутъ подъ игомъ окатоличенныхъ поляковъ, венгерцевъ, нѣмцевъ и даже жидовъ. Почему же такой неуспѣхъ данъ на долю католицизма въ странѣ русскихъ славянъ?

Очевидно въ Римѣ успѣхъ католицизма обусловливался не натискомъ пропаганды, а характеромъ народа, которому онъ проповѣдуется. Ибо если даже въ то или другое время насильственная проповѣдь католицизма и будетъ имѣть успѣхъ въ народѣ къ тому не предрасположенномъ, то прійдетъ время, когда этотъ насильственно окатоличенный народъ опамятуется, прійдетъ въ себя и съ ожесточеніемъ скинетъ иго насильственно ему навязанное. Такъ было въ Англіи, такъ было въ Германіи, такъ было и въ Богеміи. Католицизмъ силенъ тамъ, гдѣ онъ въ духѣ и характерѣ на-

рода. Католицизмъ силенъ былъ въ Италіи, въ Испаніи, во Франціи. Но и здѣсь трудно сказать, что больше дѣйствовало: католицизмъ ли, нашедшій себѣ почву въ романской рассѣ, или даровитая романская расса, нашедшая себѣ формулу въ католицизмѣ. И я убѣжденъ въ послѣднемъ. Еще до христіанства древній Римъ, Римъ цезарей проявилъ всемірное господство. Цезари — воплощеніе міровой власти, власти, обладающей міромъ. Военная власть цезарей пала. Грубый цезаризмъ палъ,— но его мѣсто занялъ цезаризмъ духовный. Цезари оплогились въ папѣ и обладаніе міромъ во второмъ Римѣ перешло въ папскія руки въ формѣ католицизма. Былъ цезарь — цезарь и сталъ цезарь — папа. Вскорѣ итальянскій католицизмъ сталъ слабѣть и его мѣсто заняла вторая вѣтвь романской рассы въ формѣ папы Наполеона I съ третьимъ Римомъ въ Парижѣ. Этотъ папизмъ также ослабѣлъ и смѣшался четвертымъ Римомъ съ папою — французскимъ соціализмомъ. Естественно, что такой папизмъ не мыслимъ при другомъ самодержавіи. И когда явилось самодержавіе Наполеона I, то папизмъ палъ предъ нимъ и воплотился въ его власти Нынѣ власть французскаго и итальянскаго соціализма стремится создать новый Римъ, новый католицизмъ, новый папизмъ, новую міровую власть. Но и эта власть окажется безсильною и немощною, ибо она основывается на исключительныхъ національныхъ чертахъ и насиліи. И эта грубая міровая власть должна будетъ

смириться передъ великою всечеловѣческою любовью и самопожертвованіемъ славянскаго русскаго мірового обладанія.

Каждый человѣкъ стремится къ тому, что ему симпатично и что его привлекаетъ. Одни люди по своей натурѣ мягки, сердечны, уступчивы,—другіе, напротивъ, воинственны, повелительны и склонны къ господству. Что говорится объ отдѣльныхъ людяхъ, то можно сказать и о націяхъ. Эти особенности націй послужили основою къ тяготѣнію къ той или другой вѣрѣ. Романскіе народы, въ которыхъ почти равномѣрно царятъ и возвышенныя чувства и блестящее мышленіе, увлеклись и воплотили въ себѣ католическую религію и вошли въ сферу воздѣйствія воинствующей церкви Хладнокровная, преимущественно холодно, логически отвлеченно-мыслящая германская нація увлеклась другимъ—холоднымъ протестантизмомъ. Въ немъ она нашла удовлетвореніе стремленіямъ холоднаго разсудка къ господству, преобладанію и неуступчивости.

Славянская раса мягкая, нѣжная, сантиментальная, съ возвышеннымъ чувствомъ и благородными мыслями—нашла себѣ удовлетвореніе въ *православной церкви.* Она всѣми своими силами увлеклась любовью, состраданіемъ, милосердіемъ, самопожертвованіемъ и всепрощеніемъ ученія Христа. Припомнимъ наши кровопролитныя войны за свободу Греціи, Румыніи, Сербіи, Болгаріи. А затѣмъ наше всепрощеніе вполнѣ примири-

лось и съ греческою безпошлинною коринкою и ея тяготѣнiемъ къ лагерю нашихъ враговъ,—и съ присоединенiемъ Румынiи къ тройственному союзу, и съ Миланомъ Обреновичемъ и съ Караведовыми и Стамбуловыми. Русская нацiя находитъ себѣ удовлетворенiе не во внѣшней благодарности, а въ самой себѣ, въ своей религiи, въ своемъ сознанiи исполненнаго нравственнаго братскаго долга. Это чувство мало понятно не славянской или точнѣе не русской нацiи...

Православiе есть та нравственная формула, въ которой душа русскаго находитъ себѣ удовлетворенiе, —и само уже *православiе въ дальнѣйшемъ утверждаетъ и укрѣпляетъ прирожденныя, присущiя нацiи черты* Да впрочемъ, это черты не одной только русской національности, но и всей славянской нацiи. Въ православiи нашли себѣ удовлетворенiе и болгары, и сербы и черногорцы. Чехи же довольствовались католицизмомъ и создали нѣчто болѣе имъ присущее, гусизмъ. И только поляки вовлечены воинствующею церковью. А нашли ли они тамъ удовлетворенiе? Не въ неудовлетворенности ли этой чуткой, отзывчивой и сантиментальной нацiи воинствующею церковью лежитъ то, что они безпрерывно мятутся и переживаютъ не религiю вѣры, а религiю политики... И лучшiе изъ поляковъ много прозрѣваютъ въ этомъ. Недавно Немоевскiй, разсматривая Холмскiй вопросъ, совершенно справедливо замѣтилъ: для кого мы здѣсь больше работаемъ — для себя или

для папы? Совершенно правильно. Тутъ больше преслѣдуется кесарево, нежели Божіе. И можно отъ всей души пожелать, да скорѣе поляки прозрѣютъ и пойдутъ по пути, болѣе близкому ихъ духу, маріавитизму.

Православію и русской націи свойственны: мягкость доброта, сочувствіе, сострадание, любовь, милосердіе, самопожертвованіе и всепрощеніе,—тѣ же черты свойственны полякамъ,—а ихъ жестокость, агрессивность и безсердечіе — черты не ихъ націи, а воинствующаго католицизма,—все равно какъ безмѣрный эгоизмъ и эгоцентризмъ, безсердечіе, человѣконенавистничество, безграничная эксплоатація, безнравственные принципы и злодѣйство евреевъ развились у нихъ подъ вліяніемъ ихъ бога со всѣми вышеуказанными свойствами.

Прежде чѣмъ принять христіанскую православную вѣру самому и Русскому народу, Владиміръ Св. изучилъ тщательно всѣ остальныя христіанскія и нехристіанскія религіи и, только по достаточномъ обсужденіи ихъ достоинствъ и соотвѣтствія народному духу и характеру, принялъ ту, которая явилась наиболѣе подходящею. Онъ выбралъ православную. И не ошибся. «Наша старая Русь, говоритъ С. А. Хомяковъ[1]), создана самимъ христіанствомъ. Таково сознаніе Нестора, таково сознаніе Св. Илларіона и др.». Не безъинтересно и то, что православіе принято Русскимъ безъ вся-

[1]) *С. А. Хомяковъ.* Сочиненія, т. I, стр. 231.

каго принужденія и не потребовало насилія и жестокихъ мѣръ, какъ это было въ Германіи и др. мѣстахъ. «Церковь создала единство Русской земли и дала прочность случайности Олегова дѣла».

Православіе, никогда неискавшее и недобивавшееся въ государствѣ власти и господства, всегда шло въ уровень съ судьбою народа и не рѣдко служило русскому народу на великую пользу. Въ моменты удѣльнаго періода, когда народъ страдалъ отъ междуусобицъ князей,—еще больше въ періодъ монгольскаго ига православная религія служила единственнымъ утѣшеніемъ и отрадою для сградальца русскаго народа. Еще большую и важнѣйшую пользу для государства принесло православіе въ тяжелое «Смутное время Россіи», когда государство не имѣло главы и было раздираемо внѣшними врагами и внутренними смутьянами. Троице-Сергіева Лавра явилась спасительницей Россіи. Она защищала не только свои святыни, но и всю Русскую землю. Всѣ натиски поляковъ на эту твердыню разбивались какъ о каменную скалу. Незабвеннымъ для русскихъ останется также и имя Авраамія Палицына. Если для насъ дороги имена князя Пожарскаго и Минина, то рядомъ съ ними мы должны поставить и славное имя Авраамія Палицына.

Православная религія въ минуты невзгодъ въ нашемъ отечествѣ нерѣдко служила не только опорою и щитомъ, но и живительнымъ источникомъ національныхъ началъ и движеній.

«Греческое вѣроисповѣданіе, говоритъ А. С. Пушкинъ [1]), отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ. Въ Россіи вліяніе духовенства столь же было благотворно, сколь пагубно въ земляхъ римско-католическихъ. Тамъ оно, признавая главою своего папу, составляло особое общество, независимое отъ гражданскихъ законовъ, и вѣчно налагало суевѣрныя преграды просвѣщенію».

Духовенство, говоритъ С. А. Хомяковъ, обращаясь къ христіанскому чувству народнаго единства, постоянно стремилось къ единенію подъ духовною рукою Москвы. Епископы, иноки, пустынники обращали все свое вниманіе и всю силу своихъ убѣжденій къ этой цѣли и какъ ни темно было понятіе въ значительной части народа о вѣрѣ, въ немъ было то христіанское смиреніе, которое любило голосъ своихъ пастырей и охотно слѣдовало ихъ призыву (стр. 237).

Кирѣевскій [2]) говоритъ: «управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, церковь православная никогда не имѣла притязанія насильственно управлять ихъ волею или пріобрѣтать себѣ власть свѣтски-правительственную». «Она никогда не только не искала насильственнаго управленія надъ людьми, говоритъ Хомяковъ, но и не могла его искать, ибо для такого управленія она должна была бы отдѣ-

---

[1]) *А. С. Пушкинъ.* Сочиненія, стр. 614.

[2]) *Кирѣевскій* О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ Россіи.

литься отъ людей, т. е. отъ своихъ членовъ, отъ самой себя». По мнѣнію Киреевскаго, «Церковь всегда оставалась внѣ государства и его мірскихъ отношеній, высоко надъ ними, какъ недосягаемый свѣтлый идеалъ, къ которому они должны стремиться и который не смѣшивается съ ихъ земными пружинами».

«Большая часть сельскихъ міровъ приняла христіанство безъ всякаго отношенія къ его святости, *но ихъ кроткіе нравы и семейно-общественный бытъ* согласуясь съ его требованіями, *освятили его благодатнымъ вліяніемъ* и *проникли его духомъ*. Сознаніе этого проникновенія выражаютъ они въ томъ, что не знаютъ другого имени, кромѣ имени *христіане* (крестьяне) и, обращаясь къ своему собранію, привѣтствуютъ его словами «православные». Подъ благословеніемъ чистаго закона развились общественныя добродѣтели, которыми и до сихъ поръ удивляются даже иноземцы, нѣсколько безпристрастные, и которымъ, можетъ быть, ничего подобнаго не представляла еще исторія міра. Благородное смиреніе, кротость, соединенная съ крѣпостью духа, неистощимое терпѣніе, способность къ самопожертвованію, правда на общемъ судѣ и глубокое почтеніе къ нему, твердость семейныхъ узъ и вѣрность преданію—подаютъ всѣмъ народамъ утѣшительный примѣръ и великій урокъ, достойный подражанія».

«Вся исторія нашего просвѣщенія связана тѣсно съ обителями и монастырями. Высшее духовенство

любило науку и художество... Монастыри, собирая богатыя книгохранилища, тогда еще рѣдкія во всей Европѣ, служили разсадниками всякаго знанія».

Если принять православіе нравственно высоко, то и здѣсь могутъ быть увлеченія и крайности, къ которымъ мы должны относиться съ должною осторожностью и разумною критикою. Такимъ увлеченіемъ является, напр., крайнее ученіе Л. Н. Толстого, вылившееся въ его проповѣди о непротивленіи злу ..

Все сказанное мною имѣетъ великое національное значеніе въ Россіи. *Православіе должно имѣть всѣ преимущества господствующей религіи не потому только, что она есть религія державной русской націи, а потому, что православіе есть религія національная, эта религія существа русской націи, почему какъ религія національная, она и должна являться религіей государственной, религіей державной.* При всей нашей вѣротерпимости мы должны стойко и незыблемо отстаивать положеніе: *всѣ религіи въ Россіи имѣютъ право на исповѣданіе и проповѣдь въ предѣлахъ своей церкви*, если эти религіи не являются вредными для человѣчества и государства, — и *одно православіе*, какъ религія державной націи и національная, *имѣетъ право на открытую пропаганду во всемъ государствѣ*, какъ выраженіе національныхъ свойствъ державной націи.

III.

Единодержавіе или недѣлимость земли русской Третье положеніе русскаго національнзма *единодержавіе* состоитъ въ исповѣданіи той идеи, что Русская земля ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть ни раздѣлена, ни уменьшена въ объемѣ, ни расчленена на составныя части, изъ которыхъ она произошла. Она можетъ быть увеличена въ объемѣ. Къ ней могутъ быть произведены приращенія—но уменьшеніе недопустимо и немыслимо. Точно также немыслимо расчлененіе ея на отдѣльныя части въ видѣ штатовъ, автономій, федерацій и проч. Всякій сепаратизмъ и всякія подраздѣленія—праздныя, глупыя и преступныя мечтанія. *Россія есть недѣлимое и нерушимое цѣлое и въ ней мыслимо только лишь единодержавіе.*

Нынѣшній составъ государства и нынѣшнюю территорію земли Русской мы получили отъ нашихъ предковъ русскихъ. На завоеваніе этого пространства и этихъ народовъ Россіей пролито море крови ея вѣрныхъ сыновъ. Милліарды денегъ были истрачены на всѣ войны, которыми Русское государство строилось. Масса заботъ, масса стараній, безмѣрныя нравственныя страданія бывшихъ на полѣ битвы, были затрачены нашими предками. Болѣе тысячи лѣтъ *русскій народъ* созидалъ Россію, покоряя сосѣднія народности и включая ихъ въ составъ

своего государства. Историческая работа русскаго государства заключалась въ дѣйствіи *его центральной силы*, при чемъ политическая власть распространялась изнутри на наружныя окраинныя части. Эти окраины подчинялись мощи *русскаго народа*. Рядомъ съ этимъ культура *русскаго народа* сообщалась возсоединеннымъ народамъ и тѣмъ самымъ уподобляла ихъ русскимъ и вводила ихъ въ составъ единаго цѣлаго. Россія не только покоряла, но и уподобляла, ассимилировала эти народности. Русскій народъ есть создатель и собиратель Руси. Въ Россіи русскій народъ является господствующею и державною націей. Только русскій народъ и онъ одинъ имѣетъ *право* разсуждать о состояніи Россіи и на немъ лежитъ *великій долгъ* охранять цѣлокупность и несокрушимость земли русской, полученной имъ по завѣту и кровію его предковъ. И кто смѣетъ думать о расщепленіи земли русской?.. Все это даетъ намъ завѣтъ хранить и укрѣплять пріобрѣтенное нашими предками. И мы не смѣемъ рѣшиться отдѣлить и отщепить завоеванное отъ цѣлаго и единаго нашей родины. Тѣмъ болѣе цѣнны и важны для насъ единство, единодержавіе, цѣльность и недѣлимость Россіи, что почти всѣ эти завоеванія сдѣланы съ цѣлію огражденія окраинъ государства отъ хищническихъ набѣговъ сосѣдей, или съ цѣлію охраны государства отъ внѣшнихъ враговъ. Отщепленіе той или другой части государства ведетъ къ ослабленію

мощи нашей родины, или къ уменьшенію ея защитъ отъ внѣшнихъ посягательствъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе, особенно же въ 1904—1906 гг. очень энергично и нагло злословили у насъ объ автономіи и поляки, и финны, и эсты, и латыши, и армяне, и грузины, и якуты, и чукчи и многіе, многіе другіе. Заговорили объ автономіи даже евреи,—не остались безъ претензіи цыгане. Всю Россію ихъ языки распластали на части и превратилась она въ федерацію, или въ нѣчто собирательное.

Эта сепаратистическая дерзость была такъ нагла, что сначала ей даже почти не возражали. Tempora mutantur—и нынѣ эти сепаратисты присмирѣли.

Я позволю привести нѣсколько мнѣній, которыя съ достаточною ясностью доказываютъ права объединенія и недѣлимости земли русской. Вотъ что пишетъ въ *1795 г. Императрица Екатерина II* по поводу замѣтки прусскаго министра Герцберга: «Этого дурака, Герцберга, стоитъ побить; онъ столько же знаетъ исторію, сколько мой попугай. Онъ смѣетъ говорить, что Россія не имѣла никакого права овладѣть Полоцкомъ. Ему слѣдовало бы сказать, что она не заявляла своего древнѣйшаго права на Полоцкъ, который еще Владиміромъ I данъ былъ въ удѣлъ своему старшему сыну Изяславу, родоначальнику князей Полоцкихъ. Литву онъ отдалъ другому сыну своему Святославу, не имѣвшему потомства... Въ 1386 году, пятый сынъ Ольгерда, Ягеллонъ или Іаковъ, при-

нявъ латинскую вѣру и женившись на Ядвигѣ, королевѣ польской, сдѣлался польскимъ королемъ. Онъ и соединилъ Литву съ Польшей. Этого не знаетъ глупый и невѣжественный министръ. Этотъ самоувѣренный неучъ и тутъ тяжелъ, какъ Померанскій быкъ, и не подозрѣваетъ, что не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ всѣ дѣла во всѣхъ судахъ въ XVII столѣтіи производились на русскомъ языкѣ, что въ литовскихъ архивахъ всѣ акты писаны русскими буквами на русскомъ языкѣ, что годы обозначались отъ сотворенія міра по греческому церковному счисленію и непремѣнно съ показаніемъ греческихъ церковныхъ индиктовъ. Это доказываетъ, что въ XVII в. греческая вѣра нетолько въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ была господствующей и что ее исповѣдывали князья и великіе князья. Всѣ церкви, въ особенности соборы, строились такъ, что ихъ алтари были обращены на востокъ, по обычаю Восточной Церкви»... (Письма Екатерины II). Дальше она продолжаетъ: «При раздѣлѣ Польши я не получила ни одного вершка Польской земли, но взяла то, что сами поляки называли и называютъ Червонною Русью, т. е. воеводства Кіевское, Подолію, Волынь съ ея столичнымъ городомъ Владиміромъ, основаннымъ Владиміромъ I въ 992 г. Что касается Литвы и Самогитіи, то онѣ никогда не были Польшею .. Продажные, испорченные легкомысленные, вздорные, деспоты, прожектеры, предоставляющіе свои имѣнія въ управленіе евреямъ, которые сосутъ кровь

изъ подданныхъ и платятъ за то очень мало,— вотъ вамъ живой портретъ поляка»... Вотъ прекрасный отвѣтъ сепаратистамъ по поводу чаяній и помышленій польскихъ.

Достойно также вниманія письмо нашего славнаго историка Карамзина Императору Александру I по поводу отдѣленія той же Польши [1]). (Стр. 26).

Не менѣе правдивый голосъ въ томъ же родѣ принадлежитъ и другому вѣрноподанному по поводу того же предмета, К. П. Побѣдоносцеву: (Императоръ Александръ) «мечталъ о востановленіи Польши, не зная исторіи, которая сказала бы ему, что царство Польское означаетъ рабство и угнетеніе для всего русскаго народа». Вотъ что писалъ по этому поводу прусакъ Гарденбергъ лорду Кастиври: «Чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что мы должны уступить на счетъ политическаго вопроса потому, что я здѣсь вижу гораздо большія выгоды, чѣмъ опасность для спокойствія Европы вообще и для сосѣдей Россіи въ особенности. Сила Россіи скорѣе ослабѣетъ, чѣмъ увеличится отъ этого новаго польскаго королевства, подъ скипетромъ одного съ нею государя находящагося. Собственно Россія потеряетъ области весьма значительныя и плодоносныя. Соединенныя съ герцогствомъ Варшавскимъ, онѣ получатъ конституцію, совершенно отличную и гораздо болѣе либеральную, чѣмъ конституція импе-

---

[1]) *Князь Н. П. Мещерскій.* Старина и новизна, 1897.

ріи. Поляки будутъ пользоваться привиллегіями, какихъ нѣтъ у русскихъ. Скоро духъ націй станетъ въ совершенной оппозиціи, зависть между ними помѣшаетъ единству, родятся всякаго рода затрудненія, императоръ россійскій и вмѣстѣ король польскій будетъ гораздо менѣе страшенъ, чѣмъ государь имперіи Россійской, присоединяющій къ Россіи большую часть Польши, которую у ней оспариваютъ какъ провинцію .. Однимъ словомъ, въ моемъ умѣ образовалось самое глубокое убѣжденіе, что, препятствуя императору возстановлять королевство Польское подъ своимъ скипетромъ, мы работаемъ противъ нашего собственнаго интереса».

С. А. Хомяковъ [1]) говоритъ слѣдующее: «Россія принесла въ свое великое лоно много разныхъ племенъ, финновъ прибалтійскихъ, приволжскихъ татаръ, сибирскихъ тунгузовъ, бурятъ и проч.,— по имя, бытіе и значеніе получила она отъ русскаго народа (т. е. отъ членовъ Великой, Малой и Бѣлой Руси). Остальные должны съ ней слиться вполнѣ: разумные, если поймутъ эту необходимость,—великіе, если соединятся съ этою великою личностью,—ничтожные, если вздумаютъ удерживать свою мелкую самобытность. Русское просвѣщеніе—жизнь Россіи».

Позволю себѣ сдѣлать еще одну выдержку и при томъ довольно объемистую, въ виду большой важности лица, написавшаго эти строки.

[1]) *С. А. Хомяковъ.* Сочиненія, т. I. стр. 27.

«Народы подвластные большому государству и происходящіе не отъ господствующаго въ ономъ, но отъ другихъ племенъ, желаютъ всегда для себя независимости и отдѣльнаго политическаго существованія: утверждаясь на правѣ составлять особыя государства и называя оное *правомъ народности*. Съ другой же стороны стремится всякое большое государство къ установленію границъ, крѣпкихъ мѣстнымъ положеніемъ и сильныхъ естественными оплотами, а вмѣстѣ съ тѣмъ стремится и къ тому, чтобы силы маленькихъ народовъ, его окружающихъ, умножая силы собственныя его, а не силы какого либо другого, сосѣдственнаго большаго государства: основывая сіе стремленіе и стараніе на правѣ безопасности и называя оное *правомъ благоудобства*.

Перевѣсъ на сторону права народности или на сторону права благоудобства долженъ опредѣляться третьимъ правиломъ или третьимъ соображеніемъ, состоящимъ въ томъ, что право народности существуетъ истинно для тѣхъ только народовъ, которые, пользуясь онымъ, имѣютъ возможность оное сохранить, и что право благоудобства принимается въ соображеніе для утвержденія безопасности, а не для какого либо тщеславнаго распространенія предѣловъ государства. Такимъ образомъ племена подвластные большому государству, не могущія по своей слабости пользоваться самостоятельною политическою независимостью и долженствующія, слѣдовательно, непремѣнно состоять

подъ властью или покровительствомъ котораго либо изъ бывшихъ сосѣдственныхъ государствъ, не могутъ ограждаться правомъ народности, ибо оно есть для нихъ мнимое и не существующее. Къ тому же маленькіе народы, между большими находящіеся, служатъ всегдашнимъ поприщемъ военнымъ дѣйствіямъ, разореніямъ и гибельнымъ бѣдствіямъ всякаго рода. А посему полезнѣе для нихъ самихъ, когда они соединятся духомъ и обществомъ съ большимъ государствомъ и совершенно сольютъ свою народность съ народностью господствующаго народа, составляя съ нимъ только одинъ народъ и переставая безпечно мечтать о дѣлѣ невозможномъ и несбыточномъ...

Финляндія, Эстляндія, Лифляндія, Курляндія, Бессарабія, Крымъ, Грузія, весь Кавказъ, земли киргизовъ, всѣ народы Сибирскіе и разныя другія племена, внутри государства обитающія, никогда не пользовались и никогда пользоваться не могутъ самостоятельною независимостью и всегда принадлежали или самой Россіи, или же, по временамъ, если не Россіи, то Швеціи, Даніи, Пруссіи и вообще какому нибудь сильному государству. Да и на будущія времена, по слабости своей, никогда не могутъ составлять особыхъ государствъ; а посему и подлежатъ всѣ они праву благоудобства, *долженствуя* при томъ *навѣки отрѣчься отъ права отдѣльной народности.* Вслѣдствіе сего подводятся всѣ вышеназванныя страны со всѣми племенами, въ нихъ обитающими, подъ право бла-

гоудобства для Россіи, и объявляются, въ удовлетвореніе оному и на основаніи онаго, на вѣчныя времена оставаться имѣющими въ составѣ Россійскаго государства.

Государства бываютъ или нераздѣлимыя или федеративныя. *Россія есть государство единое и нераздѣлимое.* Нераздѣлимыми называются тѣ, въ коихъ всѣ части или области, государство составляющія, одну общую Верховную Власть, одинъ образъ правленія, одни законы имѣютъ и признаютъ и въ коихъ ни одна область не имѣетъ права частно для себя издавать законы и постановленія. Федеративными же называются тѣ государства, въ коихъ области, ихъ составляющія, хотя и признаютъ общую надъ собой Верховную власть и обязываются совокупно дѣйствовать во всѣхъ отношеніяхъ внѣшнихъ, но при всемъ томъ право свое сохраняютъ законы дѣлать и постановленія издавать для собственнаго своего внутренняго гражданскаго и политическаго образованія и устраивать свое правленіе по частному своему усмотрѣнію. До какой степени федеративное образованіе государства было бы для Россіи пагубно, стоитъ только вспомнить, изъ какихъ разнородныхъ частей сіе огромное государство составлено. Области его не только различными учрежденіями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсѣмъ различными языками говорятъ, совсѣмъ различныя вѣры исповѣдуютъ; жители оныхъ различное происхожденіе

имѣютъ, къ различнымъ державамъ нѣкогда принадлежали; а потому ежели сію разнородность еще болѣе усилить черезъ федеративное образованіе государства, то легко предвидѣть можно, что сіи разнородныя области скоро отъ коренной Россіи тогда отложатся, и она скоро тогда потеряетъ не только свое могущество, величіе, славу, но даже можетъ быть и бытіе свое между большими или главными государствами. Она тогда снова испытаетъ всѣ бѣдствія и весь неизъяснимый вредъ, нанесенный древней Россіи удѣльною системою, которая также не что иное была какъ родъ федеративнаго устройства государства; и потому если какое нибудь другое государство можетъ еще сомнѣваться во вредѣ федеративнаго устройства, то Россія уже никакъ сего сомнѣнія раздѣлять не можетъ; она горькими опытами и долголѣтними бѣдствіями жестоко заплатила за свою ошибку въ прежнемъ ея государственномъ образованіи. А посему, соединяя всѣ сіи обстоятельства въ общее соображеніе, постановляется кореннымъ закономъ Россійскаго государства, что всякая мысль о федеративномъ для него устройствѣ отвергается совершенно, яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло. Избѣгать надлежитъ всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно къ такому устройству государства вести бы могло.

Вслѣдствіе всего здѣсь сказаннаго объявляется Россійское государство единымъ и нераздѣльнымъ,

отвергающимъ при томъ совершенно всякое федеративное образованіе, устройство и существованіе государства».

Обращаясь къ отдѣльнымъ частямъ Имперіи, авторъ даетъ такое назначеніе. Для западныхъ и юго-западныхъ губерній, Литвы и Бѣлоруссіи: «Присоединивъ оныя опять къ своему составу, возвратила Россія древнее свое достояніе, тѣмъ болѣе для нея близкое, что колыбелью Россійскаго государства могутъ быть почтены: въ сѣверной сторонѣ Новгородъ съ окружающими его губерніями, а въ южной сторонѣ Кіевъ съ губерніями Черниговскою, Кіевскою, Полтавкою, Подольскою и Волынскою — симъ древнѣйшимъ средоточіемъ Россійскаго государства. Изъ сего явствуетъ, что никакого истиннаго различія не существуетъ между разрядами, коренной русскій народъ составляющими и что малые оттѣнки замѣченные должны быть слиты въ одну общую форму. А посему и постановляется правиломъ, чтобы всѣхъ жителей, населяющихъ губерніи Витебскую, Могилевскую, Черниговскую, Полтавскую, Курскую, Харьковскую, Кіевскую, Подольскую и Волынскую истинными россіянами почитать и отъ сихъ послѣднихъ никакими особыми названіями не отдѣлять... Когда въ прошедшемъ столѣтіи часть Финляндіи была Россіею пріобрѣтена (то писалось въ 20-хъ гг. прошлаго столѣтія), тогда введены были въ оную законы, правленіе и языкъ россійскій, такъ что народъ, въ оной обитающій, въ скоромъ времени по-

чти совсѣмъ обрусѣлъ. Съ пріобрѣтеніемъ остальной Финляндіи въ нынѣшнемъ (прошломъ) столѣтій была старая Финляндія къ новой присоединена и обѣимъ дарованы законы и правленіе особое отъ прочихъ областей Россійскихъ. Присоединяя къ сему соображенію рѣшительное отверженіе всякаго федеративнаго устройства и непремѣнное введеніе политической единообразности, обязывается Верховное правленіе *ввести во всѣ части Финляндіи тѣ законы и тотъ образъ правленія, которые для самихъ губерній россійскихъ предоставляются.* Что же касается до *языка*, то *надлежитъ ввести въ Финляндію россійскій языкъ*, устраивая нужныя для сего училища и принимая другія къ той же цѣли ведущія мѣры, по усмотрѣнію Верховнаго правленія... *Латыши, эсты, литва и ляхи должны быть поставлены въ тѣ же условія, какъ и жители остальнаго государства*». Интересно замѣчаніе автора относительно колонистовъ: «обратить старательное вниманіе на введеніе между ними русскаго языка... и на предбудущее время не составлять изъ нихъ новыхъ особыхъ волостей, но вводить ихъ въ составъ русскихъ волостей, уже существующихъ, дабы они удобнѣе и скорѣе могли обрусѣть». Относительно евреевъ: «Тѣсная между евреями связь даетъ имъ средства большія суммы накоплять или собирать для общихъ ихъ потребностей, особенно для склоненія разныхъ начальствъ къ лихоимству и ко всякаго рода злоупотребленіямъ,

для нихъ, евреевъ, полезныхъ... По причинѣ же большого ихъ числа не можетъ честная торговля всѣмъ доставлять достаточное пропитаніе и потому нѣтъ тѣхъ обмановъ и фальшивыхъ дѣйствій, коихъ бы они себѣ не позволяли, въ чемъ имъ раввины еще болѣе способствуютъ, говоря, что обманывать христіанъ не есть преступленіе... посему разоряютъ они ужаснымъ образомъ край, гдѣ жительствуютъ. Принимая всѣ сіи обстоятельства въ полное соображеніе, явнымъ образомъ усмотрѣть можно, что *евреи составляютъ въ государствѣ свое собственное, совсѣмъ отдѣльное, государство и при томъ нынѣ въ Россіи пользуются большими правами, нежели сами христіане... Такой порядокъ вещей не можетъ далѣе длиться*... Ежели Россія не выгоняетъ евреевъ, то тѣмъ болѣе не должны они ставить себя въ непріязненныя отношенія къ христіанамъ .. Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что *безпрестанно должно непремѣнную цѣль имѣть въ виду*, чтобы *составить изъ всѣхъ населяющихъ Россію племенъ только одинъ народъ и всѣ различные оттѣнки въ одну общую массу слить такъ, чтобы обитатели цѣлаго пространства россійскаго государства всѣ были русскіе*... А для сего потребно, чтобы на цѣломъ пространствѣ россійскаго государства господствовалъ одинъ только языкъ россійскій и чтобы нынѣ существующее различіе въ названіяхъ народовъ и племенъ исчезли и чтобы всѣ сіи различныя имена были уничтожены и вездѣ

въ общее названіе русскихъ воедино слиты, чтобы одни и тѣ же законы, одинъ и тотъ же образъ управленія по всѣмъ частямъ Россіи существовалъ и тѣмъ самымъ въ политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ вся Россія на цѣломъ своемъ пространствѣ, являла бы видъ *единородства, единообразія и единомыслія*».

Какъ вы, читатель, думаете, кто бы это писалъ? Несомнѣнно, человѣкъ начала прошлаго столѣтія. Несомнѣнно, человѣкъ властный и повелѣвавшій... Все это писалъ глава революціонеровъ декабристовъ, П. И. Пестель, повѣшенный за свой заговоръ,—и писалъ онъ въ Наказѣ для Верховнаго правительства, которое заговорщики имѣли въ виду ввести. Этотъ наказъ подъ именемъ «Русской Правды», изданъ въ 1906 году еврейской фирмой «Культура», какъ Поученіе для дѣйствовавшихъ тогда послѣдователей революціонной партіи. Я рѣшительно ничего не имѣю противъ того, чтобы современные русскіе революціонеры усвоили эти мудрыя слова П. И. Пестеля [1]).

Таковы были наши революціонеры начала XIX в. Не таковы они въ началѣ XX в. Почему? Революціонеры начала XIX в. имѣли передъ собою примѣромъ Францію. Французская и русская революція XX в. различны какъ по формѣ, такъ и по существу.

Французскій революціонный конвентъ безпощадно казнилъ смертію всѣхъ желавшихъ раздѣ-

[1]) *П. И. Пестель.* Русская Правда, 1906.

ленія Франціи на областныя автономіи, всѣхъ стремившихся устроить ее на федеративномъ началѣ, т. е. уничтожить государственное единство. Съ начала и до конца основнымъ лозунгомъ французской революціи было—*единая Франція*. Когда явилась опасность иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, когда, подъ видомъ подавленія революціонной смуты, сосѣднія государства задумали воспользоваться ею для корыстныхъ цѣлей, французскіе революціонеры возстали за неприкосновенность и цѣлость Франціи и энергично призывали на защиту отечества весь народъ, воодушевляя его своими рѣчами.

У насъ мы видѣли и видимъ совершенно противоположное. Русскіе революціонеры воспользовались войной на дальнемъ востокѣ для своихъ разрушительныхъ цѣлей, радовались пораженіямъ Россіи, рукоплескали японскимъ побѣдамъ, находились въ сношеніяхъ съ японцами, получали отъ нихъ деньги на революцію и всячески помогали имъ, смущали Русскій народъ, препятствовали правительству отстоять цѣлость, честь и достоинство Россіи и злодѣйски не дали довести войну до конца. Лозунгомъ нашей революціи является не единая Россія, а наоборотъ—разграбленіе и уничтоженіе Россіи, созданной тысячелѣтней работой русскихъ царей и русскаго народа, обращеніе одной половины ея въ систему инородческихъ автономій и въ подчиненіе еврейско-инородческому игу другой половины. Въ противоположность французскимъ,

россійскіе революціонеры казнятъ строго всѣхъ стоящихъ за единство и цѣлость Россіи, всѣхъ стоящихъ за русскую національность. Они объявили своимъ лозунгомъ войну съ бюрократіей. Но и изъ бюрократіи отъ бомбъ и браунинговъ революціонеровъ погибли и погибаютъ только исключительно русскіе по духу люди. Ни одинъ изъ русскихъ измѣнниковъ—бюрократовъ и изъ инородцевъ, которыми кишитъ наша бюрократія, не подвергся казни революціонеровъ.

И это вполнѣ понятно, потому что наша россійская революція не русская, а анти-русская, инородческая,—потому что революція эта есть ни что иное, какъ бунтъ инородчества, во главѣ съ еврействомъ, противъ Россіи и русскаго народа, какъ внутреннихъ ея «двенадесяти языковъ» противъ ея національнаго, т. е. государственнаго единства и цѣлости (А. П. Липранди [1]).

Все вышеизложенное укрѣпляетъ насъ въ незыблемомъ положеніи: Россія должна быть единою и нераздѣльною. Во главѣ государства долженъ стоять Русскій народъ во всѣхъ его трехъ развѣтвленіяхъ. Тѣ изъ инородцевъ, кои имѣютъ культурное право на самостоятельное существованіе, въ такой только мѣрѣ могутъ стать равноправными, въ какой мѣрѣ они станутъ русскими. Народности съ низшей культурой должны слиться съ русскими и тогда они получатъ всѣ права русскихъ гражданъ.

Наши права на господство въ русскомъ госу-

[1]) *А. Липранди.* Равноправіе и еврейскій вопросъ.

дарствѣ будутъ—*права крови*. Державная господствующая нація достигла такого своего состоянія путемъ пролитія моря крови своихъ дѣтей и потери сотенъ тысячъ своихъ гражданъ. Данную территорію и всякую соподчиненную націю она получила путемъ упорной борьбы. Если бы она не побѣдила, то была бы побѣждена и ея судьба была бы таже, въ какой пребываютъ соподчиненныя націи. Затѣмъ — *права историческаго бытія*, Русскій народъ не имѣетъ права забывать свою историческую судьбу и долженъ отстаивать свое положеніе и назначеніе. *Права имущественныя*, ибо Россія затратила милліарды на свое строительство, проценты которыхъ она платитъ и нынѣ. Далѣе — право *самосохраненія* своего цѣлаго, своей мощи, своей силы, своего единства, своего бытія. Право—*культурнаго бытія* и культурнаго превосходства надъ прочими націями. Въ этомъ отношеніи даже патентованный кадетъ, Петръ Струве, отдаетъ Россіи должное. Выдѣляя Польшу и Финляндію, по долгу службы, онъ говоритъ, что «кромѣ Финляндіи и Польши, пріобщеніе къ русской культурѣ означаетъ подъемъ на высшую степень»[1]). Наконецъ, *право побѣдителя* и *право собственности*: кто не сохраняетъ, тотъ *теряетъ*.

IV.

Да позволено будетъ остановиться на одной невыгодной особенности характера русскаго народа.

[1]) *Петръ Струве*. Patriotica, 301.

Русскіе отличаются застѣнчивостью, добродушіемъ, снисходительностью, кроткостью и смиреніемъ. Все это добродѣтели. Но С. А. Хомяковъ [1]) правъ, говоря: «Всякая добродѣтель имѣетъ свою крайность, въ которой она становится нѣсколько похожей на порокъ. Мы впадаемъ иногда и въ ту крайность, которая, безъ сомнѣнія, лучше самохвальства; но всегаки не заслуживаетъ похвалы и унижаетъ насъ въ глазахъ западныхъ народовъ. Наша сила внушаетъ зависть. Собственно признаніе въ духовномъ и умственномъ безсиліи лишаетъ насъ уваженія,— вотъ объясненіе всѣхъ (злостныхъ) отзывовъ запада о насъ. Неуваженіе къ нравственному и духовному историческому закону унижаетъ неизбѣжно нашъ народъ въ глазахъ другихъ народовъ. Намъ случается впадать въ эту крайность» Достоевскій идетъ даже дальше. Онъ отмѣчаетъ въ русскомъ человѣкѣ самоосужденіе и самоумаленіе и даже признаетъ ту черту не заслуживающею порицанія. Л. Н. Толстой самопожертвованіе доводитъ до непротивленія злу... Все это быть можетъ и симпатично въ теоріи, но въ практикѣ политической жизни державнаго народа кротость, смиреніе и самопожертвованіе часто бываютъ не только излишни, но и вредны.

Такъ и въ вопросѣ господства русской націи въ предѣлахъ Русскаго государства сплошь и рядомъ мы являемся излишне уступчивыми и из-

---

1) *С. Хомяковъ.* Сочиненія. т. I, стр. 8.

лишне кроткими. Сказавъ, что «Россія для русскихъ», мы сейчасъ же стараемся смягчить ту фразу тысячами оговорокъ, которыя нерѣдко низводятъ основную мысль къ нулю.

Нѣтъ, въ дѣлѣ единодержавія мы должны точно и опредѣленно сказать и стоять на томъ: Россія едина и недѣлима. Всѣ составныя части ея не есть отдѣльныя части, а нераздѣльныя части единаго тѣла и нѣтъ между этими частями никакихъ границъ. *Русская нація есть единая державная и господствующая нація и только она одна имѣетъ право господства въ государствѣ.* Всякій инородецъ тогда только сможетъ пользоваться всѣми правами русскаго, когда онъ станетъ поистинѣ духомъ русскимъ человѣкомъ. Всѣ русскіе и инородцы, помышляющіе злое Русскому государству, не имѣютъ права на пользованіе правами русскаго гражданина.

Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ мнѣніемъ М. О. Меньшикова [1]), который говоритъ слѣдующее: «Самое имя національнаго обязываетъ заботиться о возстановленіи націи во всемъ значеніи ея титула, а этотъ титулъ, какъ царственный, противоположенъ понятію о рабствѣ. Подобно другимъ независимымъ народамъ, русскій народъ именуетъ себя государственнымъ, а государствованіе есть полнота свободы. Не съ цѣлью умаленія, а съ цѣлью укрѣпленія величества на-

---

[1]) *М. О. Меньшиковъ.* Отвѣтъ на выстрѣлъ.

роднаго націоналисты настаиваютъ на законномъ укрѣпленіи свободы, ибо беззаконіе — одинаково вверху или внизу—есть прежде всего слабость».

«У насъ, русскихъ, есть двѣ страшныя силы, говоритъ Достоевскій, стоящія выше всѣхъ остальныхъ во всемъ мірѣ,—это всецѣлость и духовная нераздѣлимость милліоновъ народа нашего и тѣснѣйшее единеніе его съ монархами». Мы укажемъ на третью силу, еще болѣе укрѣпляющую первыя двѣ—православіе.

«Задача Россіи на окраинахъ, говоритъ А. П. Липранди [1]) не въ томъ, чтобы всегда быть на готовѣ къ подавленію мятежныхъ вспышекъ инородческаго сепаратизма, а въ томъ, чтобы именно этого не требовалось,—ergo—чтобы, какъ показывала Екатерина II, «изчезла грань инонародія и области русскія были русскими не однимъ именемъ, а душою и сердцемъ». Это и есть окраинная инородческая политика, которой Россія искони держалась и единственно которая отвѣчаетъ смыслу ея исторіи и государственности, ограждая права и значенія русскаго народа.

И обезпечивая ея единство и цѣлостность отнюдь не обозначаютъ собою «угнетенія» инородцевъ, вообще умаленія въ чемъ бы ни было ихъ благополучія. Это не означаетъ вовсе, что финны, латыши, литовцы, поляки, армяне, грузины, та-

---

[1]) *А. П. Липранди.* Инородческій вопросъ и наши окраины.

тары и т. д. должны стать русскими. Это означаетъ лишь, что *всѣ части Россіи суть Россія*, ergo—не могутъ быть Швеціей, Ливоніей, Литвой, Польшей, Арменіей, Грузіей», и т. д. «Русская національность, говоритъ М. Н. Катковъ, не требуетъ, чтобы всѣ живущія на ея территоріи народы были одного племенного происхожденія, чтобы всѣ они были одной вѣры. Но нельзя допустить, чтобы къ намъ приходили завоеватели съ притязаніями на власть, съ презрѣніемъ къ народу, принявшему ихъ въ свои нѣдра. Какого бы ни были происхожденія русскіе граждане, они не должны имѣть иного отечества, кромѣ Россіи. Нельзя требовать, чтобы всѣ были ревностными русскими патріотами, но должно, чтобы русскіе подданные не имѣли иного патріотизма, кромѣ русскаго. Государственное единство допускаетъ широкій просторъ для всякаго разнообразія, но оно не можетъ терпѣть никакихъ государствъ въ государствѣ, не можетъ допустить, чтобы какія бы то ни были части страны могли организоваться въ смыслѣ особыхъ политическихъ національностей. Единое государство, значитъ единая нація».

V.

Національная партія и благо народа. Русскій языкъ, несомнѣнно весьма богатый, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ еще недостатки и требуетъ дальнѣйшей разработки и совер-

шенствованія. Доказательствомъ тому служатъ иностранныя слова и нынѣ употребляемыя въ русской рѣчи и русской литературѣ,—и при томъ такія слова, безъ которыхъ мы никакъ не можемъ обойтись. За примѣромъ не далеко ходить. Мы употребляемъ слова «нація», «національный», «національнализировать» и проч. Эти слова безспорно не русскія и въ русскомъ языкѣ вы не найдете словъ, которыя въ точности могли бы ихъ замѣнить.

Возьмемъ слово «нація». Какое русское слово его можетъ замѣнить? Народъ?.. Нѣтъ. Слово народъ или шире, или уже слова «нація». Говорятъ: «русскій народъ». Прежде всего подъ этотъ терминъ подходятъ всѣ жители Россіи, состоящіе болѣе, чѣмъ изъ 150 національностей. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи слово народъ будетъ шире понятія о «націи». Съ другой стороны «народъ» обозначаетъ простую массу народонаселенія, противопоставляемую второй части понятія о націи — аристократіи. Въ такомъ случаѣ понятіе «народъ» значительно уже понятія о націи.

Мы надѣемся, наступитъ время, когда русскіе создадутъ свое собственное слово, которое замѣнитъ собою слово «нація»,—а до тѣхъ поръ приходится пользоваться этими словами.

Всякая нація дѣлится на двѣ неравныя части: народъ и аристократію. Народъ: земледѣльцы, рабочіе, мелкіе и средніе землевладѣльцы, городская мелкая и средняя буржуазія (мѣщанство, ремесленники и проч.), громадное большинство сель-

скаго и городского духовенства и значительная часть служилой и вольнопрофессіональной интеллигенціи. Это—масса государства, которая составляетъ его жизненную силу, его почву, его энергію, его геній. Это тѣ люди, которые почти исключительно даютъ войско. Это тѣ люди, которые даютъ государству хлѣбъ. Это тѣ люди, на которыхъ держатся фабрики и заводы. Это тѣ люди, которые даютъ государству доходъ и средства.

Аристократія дѣлится на три отдѣла: аристократія ума—высшее духовенство, ученые, профессора, министры, журналисты, писатели, художники и проч.,—аристократія рода—княжескія фамиліи, дворянство и проч., — аристократія финансовая—крупное купечество, промышленники, фабриканты, заводчики, крупные землевладѣльцы, финансисты и проч.

Ну, а аристократія развѣ не изъ народа? Очень даже изъ народа, хотя часто забываешь объ этомъ. И если бы народъ не пополнялъ, не обновлялъ ее, то она давно бы уже выродилась. Если высшія сословія и интеллигенція — соль земли, то простой народъ есть хлѣбъ ея. Сама интеллигенція и высшія сословія плоть отъ плоти и кровь отъ крови народа. Это тотъ же народъ, но только культивированный и вышлифованный, при чемъ и своей шлифовкой онъ обязанъ поту и крови того же народа. А если эта отборная частица народа получила свое бытіе отъ народа, то и она должна отдать свою жизнь народу, чтобы извлечь его изъ

темноты, душевнаго мрака, бѣдноты и несчастной доли,—и поднять его до себя. Ибо этотъ народъ много много выстрадалъ и нерѣдко по нашей винѣ... «Россія для русскихъ,—но и русскіе для Россіи»...

Говорятъ, закрѣпощеніе русскаго народа началось со временъ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича. На дѣлѣ оно началось отъ начала Руси. Императоръ Петръ I желалъ надлежаще устроить государство, дать ему мощь и величіе, вмѣстѣ съ тѣмъ значительно отягчилъ положеніе простого народа усиленіемъ крѣпостничества. При его преемникахъ эта тягота была усилена и значительно расширена. Екатерина II приказала уничтожить унизительное званіе раба, но это не помѣшало ей, какъ говоритъ Пушкинъ, закрѣпостить милліоны вольныхъ малороссовъ и прочихъ. Императоръ Александръ II далъ свободу крестьянамъ. До тѣхъ поръ крестьяне были равны со всѣми людьми только передъ Богомъ. Александръ II сравнялъ ихъ съ остальными гражданами и передъ закономъ. Александръ III посвятилъ свою жизнь устройству жизни этихъ несчастныхъ и по праву можетъ назваться царемъ крестьянъ и даже больше *царемъ - націоналистомъ*, нежели царемъ-миротворцемъ. Только Императоръ Николай II далъ народу права гражданства и призвалъ его, наравнѣ со всѣми сословіями, къ участію въ законодательствѣ и закономѣрной дѣятельности государства, оставаясь, по національнымъ свойствамъ народа Самодержавнымъ царемъ.

Тѣмъ не менѣе и нынѣ нашъ народъ остается темнымъ, бѣднымъ, невѣжественнымъ, то совершенно безправнымъ, то дерзкимъ нарушителемъ, неумѣющимъ даже работать. Кто научитъ его уму-разуму, тотъ его возьметъ въ руки и поведетъ за собою.

Во всѣ времена и во всѣхъ государствахъ интеллигенція всегда брала бѣдный людъ и непросвѣщенный народъ подъ свою защиту и покровительство. Было и у насъ тоже. Но лѣтъ 25—30 назадъ русская либеральная интеллигенція забыла о своемъ народѣ. Иногда, на словахъ, она являлась какъ бы его печальникомъ, но на дѣлѣ это было не такъ. На дѣлѣ она взяла подъ свое покровительство quasi-тѣснимыхъ и угнетенныхъ инородцевъ. Съ пѣною у рта и съ горячностью, часто наемною и достойной лучшей участи, она защищаетъ тѣснящихъ русскій народъ жидовъ, поляковъ, финновъ и проч. Причиною тому служитъ то обстоятельство, что русское государство, вопреки интересамъ своего державнаго народа, даетъ высшее образованіе непропорціонально большему числу инородцевъ передъ своими дѣтьми. Эти вскормленные на средства, трудъ и потъ русскаго народа инородцы, пробравшись въ кружекъ интеллигенціи, захватили прессу, воздѣйствуютъ и направляютъ русскую интеллигенцію и проявляютъ вліяніе даже на ходъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ. Это соціальное уродство. Это общественная ненормальность. Это государственное

преступленіе. Но это фактъ. Русская либеральная интеллигенція идетъ противъ интересовъ русскаго народа. Если это такъ въ большинствѣ, то меньшая часть интеллигенціи—національная партія—должна взять на себя великую и священную обязанность защиты интересовъ русскаго народа. Это ея доля. Національная партія должна стать не только *національною,* но и *національно-демократическою.* Если многіе изъ интеллигентовъ не пожелали стать націоналистами, какъ это мы видимъ теперь, то народъ создастъ свою интеллигенцію и съ презрѣніемъ отнесется къ тѣмъ, кто пренебрегаетъ своимъ дѣломъ. Всякъ, кто получилъ образованіе, обезпеченіе и благосостояніе на народныя средства обязанъ отплатить за это своему народу. И всякъ, кто пренебрегаетъ своимъ народомъ и своимъ долгомъ по отношенію къ нему, является безчестнымъ по отношенію къ народу.

Какъ же національная партія можетъ служить своему народу? Прежде всего она должна изучить его нужды, его природныя богатства, его условія жизни,—а за тѣмъ научить народъ пользоваться этими природными богатствами на благо и благоденствіе этого народа. Если національная партія съумѣетъ разрѣшить эту задачу, то тогда за этой партіей пойдутъ не только православные, но и католики и магометане,—и русскіе и поляки, и армяне и татары,—только не жиды! Жиды останутся всегда сами собою.

Съ другой стороны и національная партія тог-

да только будетъ національною, когда она будетъ народною. Она будетъ заключать въ себѣ не только одну интеллигентную часть націи, но объединитъ въ себѣ интиллигенцію и народъ—основу націи,—а также и другія національности. Она по всей справедливости будетъ партіей государственной. Таково ея будущее и такою она можетъ стать,—но при одномъ условіи: *съ народомъ, черезъ народъ и для народа.*

Всякая политическая партія, желающая въ государствѣ преобладанія и господства, должна поставить своими задачами и цѣлями такія положенія, которыя удовлетворяли бы запросы если не всего государства, то во всякомъ случаѣ большинства. Если же задачи и цѣли партіи не удовлетворяютъ потребностямъ державнаго народа, то всуе трудятся зиждущіе... Возьмемъ для примѣра кадетскую партію, ея задачи и цѣли: защита сепаратизма, равноправіе и покровительство еврейству, обѣщаніе разныхъ свободъ, граничащихъ съ разнузданностью. Поставивши такой флагъ, партія обезпечена. Къ ней примкнутъ евреи, всѣ сепаратисты, всѣ либеральничающіе чиновники и даже комерсанты, воспитанные въ безвѣріи, національномъ безразличіи, презрительномъ отношеніи къ родинѣ и нравственномъ анархизмѣ. Партія готова. Партія довольно вліятельная и стойкая. Что за важность, что она возбуждаетъ сомнѣніе, недовѣріе и презрѣніе честныхъ людей. Эта партія жизненна, ибо въ Россіи найдутся измѣнники своей

родинѣ и русскому народу. И будетъ это до тѣхъ поръ, пока русскимъ народомъ не будутъ приняты мѣры къ уничтоженію современнаго ненормальнаго положенія государственной жизни.

Русскій народъ долженъ принадлежать къ русской національной партіи. И это будетъ на самомъ дѣлѣ, если эта партія не будетъ сонною и поставитъ на своемъ флагѣ жизненные интересы *русскаго народа* и будетъ во главѣ имѣть людей, заслуживающихъ довѣріе и умѣющихъ оправдать обѣщаніе. Придетъ время, когда и инородцы познаютъ важность этихъ интересовъ и незлобіе русскаго народа и сольются съ нимъ въ одну государственную партію.

Главную основу государства, его мощь и силу составляетъ простой русскій народъ, народъ-крестьянинъ, народъ-труженикъ. Его то интересы и должны стоять на первомъ планѣ въ программѣ дѣятельности русской національной партіи.

Въ числѣ первыхъ и важнѣйшихъ вопросовъ въ программѣ русской національной партіи должно стоять надлежащее воспитаніе и образованіе народа. Разумѣется, въ основу воспитанія должны быть поставлены три основныхъ положенія русскаго націонализма православіе, самодержавіе и недѣлимость земли русской. Это— мани, факелъ, фаресъ .. Это – аксіома, вытекающая изъ существа русскаго народа.

Объ этомъ и толковать излишне. Во главѣ русской народной школы должны быть поставлены

русскіе люди. Преподаваніе всюду должно быть на языкѣ державнаго народа, на русскомъ. Русскій языкъ долженъ быть всюду введенъ на судѣ и дѣлопроизводствѣ. Первыми и важнѣйшими предметами преподаванія въ школѣ должны быть: Евангеліе, родиновѣдѣніе, исторія Россіи, исторія всѣхъ народностей, населяющихъ Россію и литература своего народа. Всѣ эти истины должны неукоснительно соблюдаться министерствомъ просвѣщенія и всякія уклоненія въ данномъ направленіи жестоко караться. Государственная Дума должна строжайше слѣдить за закономѣрнымъ выполненіемъ даннаго положенія

Всѣ эти требованія настолько важны и непоколебимы, что о нихъ говорить много не стоитъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НАЦІОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

I.

Русскій народъ.

Приступая къ изложенію предположенія—какимъ должно быть воспитаніе и образованіе *дѣтей русскаго народа*, я считаю необходимымъ хотя въ краткихъ чертахъ указать на особенность души русскаго народа, дабы тѣмъ отмѣтить какія стороны жизни нужно особенно поощрять и развивать въ школахъ для русскихъ людей и какія нужно сдерживать и даже тормозить.

Великимъ психологомъ русскаго народа и историкомъ его душевныхъ качествъ является Ѳ. М. Достоевскій и я съ большою охотою буду его цитировать въ данномъ отдѣлѣ.

Вотъ что онъ говоритъ о душѣ Русскаго человѣка: «Въ русскомъ человѣкѣ изъ простонародья нужно умѣть отличать красоту его отъ наноснаго варварства. Обстоятельствами всей почти русской исторіи народъ нашъ до того былъ преданъ разврату и до того былъ развращаемъ, соблазняемъ и постоянно мучимъ, что еще удивительно, какъ онъ дожилъ, сохранивъ человѣческій образъ, а не то, что сохранивъ красоту его. Но онъ сохранилъ и

красоту своего образа.. *простодушіе и честность*, *искренность и широкій всеоткрытый умъ*, *чистоту*, *кротость*, *незлобіе*,—въ противоположность всему измышленному, фальшивому, напосному и рабски заимствованному,—а все это въ самомъ привлекательномъ, гармоничномъ соединеніи» [1])...

Русскій народъ, въ своемъ цѣломъ, дѣлится на двѣ весьма неравныя части: интеллигенцію и простой народъ. Я мало ошибусь, если скажу, что количество простого темнаго народа, та масса, которую мы привыкли называть *народомъ*, въ десять двадцать разъ превосходитъ ту частицу, которую составляетъ интеллигенція, часть народа образованную, просвѣщенную и пользующуюся благами науки, искусства и благоденствія. Сущность и основу націи даетъ именно народъ, его масса, ибо интеллигенція или просвѣщенная часть русскаго народа болѣе чѣмъ на половину состоитъ изъ инородцевъ не русской націи. Поэтому простой народъ даетъ характерныя черты, опредѣляющія націю. И если мы хотимъ дать большую или меньшую характеристику душевныхъ свойствъ русской націи, то мы должны имѣть въ виду именно преимущественно народную массу и только отчасти и съ осторожностью ея интеллигенцію.

«Русская нація необыкновенное явленіе, говоритъ Ѳ. М. Достоевскій,—въ исторіи всего человѣчества. Характеръ русскаго народа до того не

---

[1]) *Ѳ. М. Достоевскій.* Сочиненія. т. X, ч. I, стр. 50.

похожъ на характеръ всѣхъ современныхъ европейскихъ народовъ, что европейцы до сихъ поръ не понимаютъ его и понимаютъ въ немъ все обратно. Всѣ европейцы идутъ къ одной и той же цѣли... Но всѣ разъединяются между собою почвенными интересами, исключительными другъ къ другу до непримиримости и все болѣе и болѣе расходятся по разнымъ путямъ. Идея общечеловѣчности все болѣе и болѣе стирается между ними. *Въ русскомъ характерѣ* замѣчается рѣзкое отличіе отъ европейскаго, рѣзкая особенность,—*въ немъ по преимуществу выступаетъ способность высоко-синтетическая, способность всемірности, всечеловѣчности.* Въ русскомъ человѣкѣ *нѣтъ европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Онъ со всѣми уживается и во все втягивается. Онъ сочувствуетъ всему человѣческому, безъ различія націи, крови и почвы.* Онъ находитъ и немедленно допускаетъ разумность во всемъ, въ чемъ хоть сколько нибудь есть общечеловѣческаго интереса. *У него инстинктъ общечеловѣчности.* Онъ инстинктомъ угадываетъ общечеловѣческую черту, даже въ самыхъ рѣзкихъ исключительностяхъ другихъ народовъ, тотъ часъ же соглашается, примиряетъ ихъ въ своей идеѣ, находитъ имъ мѣсто въ своемъ умозаключеніи и нерѣдко *открываетъ точку соединенія и примиренія* въ совершенно противоположныхъ, соперническихъ идеяхъ, двухъ различныхъ европейскихъ націй,—идеяхъ, которыя сами собою, у себя дома, еще до сихъ поръ у себя, къ

несчастію, не находятъ способа примириться, а можетъ быть никогда и не примирятся.

Мы должны преклониться предъ народомъ и ждать отъ него всего, и мысли, и образа; преклониться передъ *правдой* народной и признать ее за правду.

Обращаясь къ нашимъ предкамъ, скифамъ, сарматамъ и славянамъ, мы видимъ, что они были *воинственны, храбры, безстрашны и неотразимы*, но такими они являлись не въ силу алчности и побужденія къ грабежу, а просто изъ молодечества и прирожденной отваги. «Не для добычи и не для власти стремятся они къ завоевываніямъ, говоритъ Хомяковъ [1]). Не требуютъ они ни золота, ни земли, ни рабовъ. Власть ихъ кротка, оброки легки. Они ищутъ *побѣды не для плодовъ ея*, а для того, *чтобы побѣжденные признали ихъ превосходство въ бояхъ*. И эту *жажду славы, рыцарскую, безкорыстную* встрѣчаемъ мы при самыхъ первыхъ началахъ исторіи въ племени, котораго грубые нравы не озарились еще ни слабѣйшимъ лучемъ просвѣщенія».

При такомъ безкорыстномъ стремленіи къ побѣдѣ и славѣ, Русскій народъ отличается вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенною *скрытностью* и даже излишней *стыдливостью*. Онъ не станетъ важничать и бахвалиться, а скорѣе станетъ себя осуждать. «Мы не отвергаемъ способности самоосуж-

1) Хомяковъ. Сочиненія т. I, стр. 77.

денія, любимъ ее и признаемъ ее за лучшую сторону русской природы. За ея особенность, за то, что ея на Западѣ нѣтъ» (Достоевскій). Сознавая въ себѣ силу и мощь, у насъ нѣтъ *щепетильности* и *обидчивости*. *Мы вѣруемъ въ силу русскаго народа* не менѣе, чѣмъ кто бы то ни было». Вмѣстѣ съ тѣмъ «въ русскомъ человѣкѣ видна самая *пылкая* способность *самой здоровой надъ собой критики*, самаго *трезваго на себя взгляда* и *отсутствіе всякаго самовозвышенія*, вредящаго свободѣ дѣйствія.

Русскому чужды насиліе, наглость и нахальство. Онъ долго бываетъ сдержанъ и остороженъ; но когда онъ сознаетъ свою силу и рѣшится на дѣйствіе, то удержу его *рѣшимости* нѣтъ предѣла. «Въ лицѣ Петра I мы видимъ примѣръ того, на что можетъ рѣшиться русскій человѣкъ, когда онъ выживетъ въ себѣ полное убѣжденіе и почувствуетъ, что пора пришла, а въ немъ самомъ созрѣли и сказались новыя силы. И страшно, до какой степени свободенъ духомъ человѣкъ русскій, до какой степени сильна его воля»!..

Въ силу историческихъ обстоятельствъ, русскіе на много отстали въ своихъ знаніяхъ отъ Запада,—въ силу тѣхъ же обстоятельствъ русскій народъ несъ великую тяготу рабства. И то и другое поставило русскихъ въ фальшивое положеніе по отношенію къ иностранцамъ. Русскій какъ бы стѣсняется и съ одной стороны держитъ себя слишкомъ сдержанно и приниженно, а съ другой —

боится показаться ниже, чѣмъ онъ есть. Это вынуждаетъ его казаться инымъ, толкаетъ на лесть и заставляетъ молчать, когда ему говорятъ не лестныя слова о немъ и его родинѣ.

Нѣтъ слова, въ это время онъ самъ себя стыдится и осуждаетъ, но у него не хватаетъ силы духа защитить свое личное достоинство и честь своей родины. *Гражданское самосознаніе и сознаніе своего достоинства у насъ слишкомъ еще низки*, что является естественно послѣдствіемъ нашего многовѣкового рабства. Это влечетъ за собою естественно *недостаточное уваженіе въ другомъ человѣкѣ человѣка. Недостаточное исполненіе своего долга* и даже *недостаточное уваженіе къ чужой собственности*. Многовѣковые сатрапы и многовѣковые рабы дали потомковъ съ атрофированными чувствами долга и собственности одни потому, что имѣли рабовъ, всецѣло имъ принадлежавшихъ, другіе потому, что были рабами и составляли чужую собственность.

Въ силу особенности природы русскаго славянина къ широкому человѣколюбію и въ силу многовѣкового рабства съ его великою физическою и душевною тяготою, русскій народъ, живущій своимъ православіемъ и находящій въ его любви и самопожертвованіи свое единственное утѣшеніе,—и воспиталъ въ себѣ чувство безпредѣльной любви къ ближнему и самопожертвованію. На этомъ основывается его русскій міровой рухъ на освобожденіе православныхъ братьевъ славянъ отъ турецкаго ига.

Самъ зная по себѣ, что значитъ рабство онъ всей душей несъ свои копѣйки и себя самого въ жертву для спасенія православныхъ рабовъ въ Турціи. И не оскорбляли его стамбуловцы, каравеловцы, Обреновичи и другіе освобожденные отъ рабства русскою кровію, но оставшіеся рабами и хамами въ душѣ,—ибо русскій народъ проявилъ свою *любовь и самопожертвованіе* не ради благодарности, а по своему внутреннему православному дѣлу.

По мнѣнію Достоевскаго, «нашъ народъ *тихъ и разуменъ*». Это значитъ, что ко всякому жизненному явленію онъ относится вполнѣ осмысленно, сознательно и съ наблюденіемъ; но познавъ и усвоивъ то, или другое жизненное явленіе, онъ на него не набрасывается, а выжидаетъ удобнаго случая и даже иногда является только благороднымъ свидѣтелемъ, не принимая дѣятельнаго участія.

Англичанинъ Берингъ, основательно изучившій Россію и русскій народъ, въ своей книгѣ «Русскій народъ» очень хорошо опредѣляетъ его характеръ. Славянскій типъ, по его мнѣнію, является понятіемъ діаметрально противоположнымъ понятію варварства. Славяне *миролюбивы, уступчивы, пластичны*. Они отличаются *большою остротою ума* и подражательными способностями, — за то имъ не достаетъ оригинальности и иниціативы (очевидно, Берингъ мало наблюдалъ русскихъ славянъ). Въ славянскомъ характерѣ замѣчается *мало воли*, но *много идейности и чувства*... Русскіе крестьянъ

яне *менѣе* всего отличаются *грубостью* (brutality),— но за то часто авторъ наблюдалъ *мягкость* и *доброту* русскаго народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по Берингу, нѣтъ второго народа, который былъ бы способенъ въ такой высокой степени *на короткое*, но *очень большое напряженіе и усиліе* и вмѣстѣ съ тѣмъ *вполнѣ непривычнаго* и *приспособленнаго къ регулярной напряженной работѣ*. Берингъ устанавливаетъ, что русскій способенъ «дать немного *болѣе, чѣмъ тахітит усилія и напряженія*». *Постоянная усидчивая и систематическая работа русскому характеру не свойственна*. Поэтому между русскими вы найдете очень многихъ, которыхъ *знанія весьма разнообразны* и разносторонни, но *поверхностны*. Важно и то, что если между русскими найдется достойный спеціалистъ, то онъ какъ бы *стыдится, что онъ знаетъ только свое дѣло*, и не знаетъ всего остальнаго... Отсутствіе воли влечетъ за собою *недостатокъ нравственной дисциплины*... Вмѣстѣ съ этимъ русскіе отличаются *удивительнымъ богатствомъ умственной жизни:* они необычайно легко приспособляются къ самымъ новымъ и неожиданнымъ для нихъ обстоятельствамъ. Поэтому едва ли другія націи сравняются съ русскими въ пониманіи другихъ націй. Богатство умственной жизни присуще не только русской интеллигенціи, но и крестьянству, при чемъ послѣдніе способны *на самый разнообразный трудъ*. По

Берингу, русскіе должны быть великолѣпные колонизаторы.

Весьма яркимъ и характернымъ проявленіемъ характера русскаго человѣка—это его склонность къ *великодушію* и при томъ къ *великодушію* даже съ самопожертвованіемъ даже жизнью, *безъ рисовки*, безъ фигурированья, безъ расчета на то, чтобы это даже стало извѣстно другимъ,—не говоря уже о томъ, что это дѣлается *безъ всякаго расчета на благодарность и отплату.* Таковы геройскіе подвиги Архипа Осипова, Ѳомы Данилова и многихъ, многихъ нашихъ нижнихъ чиновъ и простыхъ людей. Это, такъ сказать,—эмблема Россіи, всей Россіи, всей нашей родной Россіи, подлинный образъ ея, говоритъ Достоевскій... Даръ великодушія есть даръ вѣчный, стихійный даръ, родившійся вмѣстѣ съ народомъ и тѣмъ болѣе чтимый, если и въ продолженіе вѣковъ рабства, тяготы и нищеты, онъ всетаки уцѣлѣлъ неповрежденнымъ въ сердцѣ этого народа»... Въ своемъ великодушіи русскій человѣкъ все это дѣлаетъ и проявляетъ просто, твердо, не требуя *ни награды, ни похвалы, собою не красуясь:* во что вѣрую, то и исповѣдую... Совершенно *безкорыстно*...

Принимая во вниманіе высшія качества душевныхъ ствойствъ русскихъ славянъ, наши великіе русскіе мыслители предсказываютъ нашему народу великое будущее.

«Всякій великій народъ вѣритъ и долженъ вѣрить, если только хочетъ быть долго живъ, что

въ немъ то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобы стоять во главѣ народовъ, пріобщить ихъ всѣхъ къ себѣ воедино и вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли всѣмъ имъ предназначенной». Такъ мыслилъ древній Римъ, такъ мыслила Франція, такъ мыслила Германія. Та же судьба и нашей родины.

«Грядущее покажетъ, кому предоставлено стать впереди всего движенія, говоритъ Хомяковъ,—но если есть какая нибудь истина въ братствѣ человѣческомъ, если чувство любви, правды и добра не призракъ, а сила живая, неумирающая: зародышъ будущей жизни міровой не германецъ, аристократъ и завоеватель,—а славянинъ, труженикъ и разночинецъ призывается къ плодотворому подвигу и великому служенію».

«Кто знаетъ, господа иноземцы, говоритъ Достоевскій,—можетъ быть Россіи именно предназначено ждать, пока вы кончите; тѣмъ временемъ проникнутыя вашей идеей,—понять ваши идеалы, цѣли, характеръ стремленій вашихъ; согласить ваши идеи, возвысить ихъ до общечеловѣческаго значенія и, наконецъ, свободной духомъ, свободной отъ всякихъ постороннихъ, сословныхъ и почвенныхъ интересовъ, двинуться въ новую широкую, еще невѣдомую въ исторіи дѣятельность, начавъ съ того, чѣмъ вы кончите,—и увлечь васъ всѣхъ за собою»...

Уже прежніе наши славянофилы утверждали,

что Россія купно со славянствомъ и во главѣ его, скажетъ величайшее слово всему міру, которое тотъ когда либо слышалъ, и что это слово именно будетъ завѣтомъ *общественнаго единенія*, и уже не въ духѣ личнаго эгоизма, которымъ люди и націи, *искусственно и неестественно единятся* теперь въ своей цивилизаціи, изъ борьбы за существованіе, положительной наукой опредѣляя свободному духу нравственныя границы, въ тоже время роя другъ другу ямы, произнося другъ на друга ложь, хулу и клевету. *Идеаломъ славянофиловъ* было *единеніе въ духѣ истинной широкой любви*, безъ лжи, безъ матеріализма и *на основаніи личнаго великодушнаго примѣра*, который предназначено дать собою русскому народу во главѣ свободнаго всеславянскаго единенія въ Европѣ .. Поэтому, если національная идея русская есть, въ концѣ концовъ, лишь всемірное общечеловѣческое единеніе, то значитъ вся наша выгода въ томъ, чтобы *всѣмъ прекратить всѣ раздоры, до времени стать поскорѣе русскими и націоналистами...* (*Достоевскій*) Стать русскими, значитъ, перестать презирать народъ свой. И какъ только европеецъ увидитъ, что мы начали уважать народъ нашъ и національность нашу, такъ тотчасъ же и онъ начнетъ насъ самихъ уважать... Ставъ самими собою, мы получимъ, наконецъ, обликъ человѣческій, а не обезьяній. Мы получимъ видъ свободнаго существа, а не раба, не лакея, не Потугина; насъ сочтутъ тогда за людей, а не

за международную обшмыгу... Мы убѣдимся тогда, что настоящее соціальное слово несетъ въ себѣ никто иной, какъ *народъ нашъ*, что въ идеѣ его, *въ духѣ его заключается живая потребность всеединенія человѣческаго, всеединенія съ полнымъ уваженіемъ къ національнымъ личностямъ и къ сохраненію ихъ, къ сохраненію полной свободы людей и съ указаніемъ въ чемъ именно эта свобода и заключается — единеніе въ любви гарантированное уже дѣломъ*. живымъ примѣромъ, потребностью на дѣлѣ *истиннаго братства*, а не гильотиной, не милліонами огрубленныхъ головъ.

Общечеловѣчность, какъ одно изъ основныхъ чертъ характера русскаго славянина явно выражается во множествѣ историческихъ фактовъ русскаго бытія. Россія вступается за попранныя права итальянскихъ народовъ революціонирующею Франціей и шлетъ своихъ славныхъ сыновъ на защиту справедливости. Великіе и славные подвиги Суворова и его чудо-богатырей — міровые факты. Россія освобождаетъ отъ турецкаго ига Грецію. Россія спасаетъ Румынію, Россія заступается за попранныя права Австрійскаго императора. Россійскій народъ проливаетъ море крови, теряетъ сотни тысячъ своихъ сыновъ и милліарды денегъ за свободу болгаръ и сербовъ...

Всѣ эти факты утверждаютъ насъ въ мысли и о будущемъ величіи Россіи. Силою своей любви, милосердія, взаимопомощи, состраданія и самопожертвованія, Россія въ будущемъ объединитъ всѣ

подвластныя ей племена и станетъ на дѣлѣ великою и славною Россіей. Она объединитъ всѣ славянскія племена и станетъ всесоединеннымъ единымъ великимъ государствомъ. Она объединитъ и всѣ остальныя племена Европы и станетъ одно великое общечеловѣческое государство. И произведетъ это объединеніе она не оружіемъ, не физическою силою, а силою своего русскаго національнаго генія: силою любви, милосердія, состраданія и самопожертвованія. Сѣмена историческаго прошлаго дадутъ свои плоды въ будущемъ и создадутъ величіе и славу *Единой Россіи.*

Нужно строго отличать «космополитизмъ» и «общечеловѣченіе». Космополитизмъ есть объединеніе человѣчества путемъ поглощенія національностей. Это есть объединеніе путемъ насилія и истребленія слабѣйшаго. Тогда какъ общечеловѣченіе или всечеловѣчество—объединеніе различныхъ націй въ одно цѣлое, съ сохраненіемъ психическаго лица каждой націи, при чемъ въ основѣ объединенія лежитъ миръ, любовь, согласіе и взаимопомощь другъ другу.

Эту нашу мощь, эту нашу силу, это наше величіе всѣ западные и другіе народы видятъ, чувствуютъ,—но не понимаютъ и ненавидятъ Россію. Они ея не знаютъ, но боятся. Они ее не понимаютъ, но судя по себѣ, завидуютъ и ожидаютъ аггрессивности и завоеваній. Они ожидаютъ ея побѣды и своего низверженія и потому боятся и ненавидятъ ее.

Прежде всего мы имѣемъ какое то особенное влеченіе къ инородцамъ и иностранцамъ. Уже Крижаничъ отмѣтилъ эту склонность славянъ къ иностранцамъ и считалъ ее источникомъ многихъ бѣдствій. Онъ называетъ эту склонность чужебѣсіемъ и находитъ «избытно бѣшено вѣрованіе къ инородникамъ».

Мы сами виноваты во многомъ. Прежніе рабы (рабъ не только тотъ, кто служитъ рабомъ, но и тотъ, кто владѣетъ рабами) и отсталые въ знаніяхъ, наши предки не могли не преклониться передъ научнымъ и соціальнымъ величіемъ запада. Вмѣстѣ съ тѣмъ они стыдились своего рабства и невѣжества, молчали предъ издѣвательствомъ надъ ними за глаза и даже сами нерѣдко поддерживали и терпѣли это презрѣніе и издѣвательство. Болѣе умные и честные, по крайней мѣрѣ стыдились себя и своей низости,—но болѣе глупые и съ добавленіемъ хамства, сами приставали къ хору заграничныхъ шакаловъ и не стыдились позорить свою мать-родину и свой народъ.

«Не хотѣли насъ европейцы почесть за своихъ ни за что, ни за какія жервы и ни въ какомъ случаѣ. И чѣмъ больше мы имъ въ угоду презирали нашу національность, тѣмъ больше они презирали насъ самихъ... Они удивлялись тому, какъ это мы, будучи такими татарами, никакъ не можемъ стать русскими; мы же никогда не могли растолковать имъ, что хотимъ быть не русскими, а общечеловѣками... Кончилось тѣмъ, что они прямо обозвали

насъ врагами и *будущими сокрушителями европейской цивилизаціи*... Чтоже намъ дѣлать? *Во-первыхъ и прежде всего стать русскими.* Если общечеловѣчность есть идея національная русская, то *прежде всего надо стать русскими*, т. е. самими собою... Стать русскими значитъ—перестать презирать народъ свой»... И этого нѣмцы и другіе западные народы страшно боятся. Они боятся, что Илья Муромецъ проснется и потому страшно рады всѣмъ нашимъ неудачамъ. Они всѣми силами желаютъ втянуть насъ въ союзъ съ собою, чтобы воспользоваться для себя нашею мощью и тѣмъ самымъ ослабить насъ. Они понимаютъ наши недостатки, наше смиреніе, довѣріе, доброту, состраданіе и самолюбіе и очень удачно играютъ на этихъ струнахъ русской славянской души. Наши враги, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе пользовались закрытыми глазами дремлющаго богатыря и нашептывали ему сладкія, но ложныя рѣчи. Не видя дѣла, онъ вѣрилъ имъ. Слѣдовалъ ихъ лукавымъ дружескимъ совѣтамъ. Шелъ неясно видя впереди. Часто ранилъ себя. А друзья—шакалы и гіены издавали радостный вой...

Но русскій богатырь проснулся. Илья Муромецъ открылъ глаза... Tempora mutanturr et nos mutamur in illis...

Высказавъ и указавъ на добрыя, положительныя стороны характера и свойствъ души русскаго славянскаго племени, нашъ долгъ отмѣтить, отгѣнить еще ярче и правдивѣе отрицательныя

стороны нашихъ братьевъ, дабы надлежащимъ воспитаніемъ возможно было исправить и вытравить то, что наложено нашими условіями жизни и тысячелѣтнимъ рабствомъ.

Уже Крижаничъ отмѣтилъ у славянъ русскихъ: *простоту, безхитростность и довѣрчивость.* Этимъ пользуются другіе народы и различными хитростями и обманами прельщаютъ славянъ... Вмѣшиваютъ насъ въ свои войны, и сами въ наши войны вмѣшиваются, обѣщаютъ намъ помощь, а на дѣлѣ приносятъ пораженіе... Но чаще бываетъ такъ, что они выжидаютъ окончанія военныхъ дѣйствій, а затѣмъ какая нибудь держава выступаетъ посредницей при заключеніи мирнаго договора и разумѣется это посредство оказывается не къ нашей выгодѣ... И это говорили болѣе трехъ сотъ лѣтъ назадъ... Какъ мы безумно и несчастно вѣрны себѣ... Дипломатическія отношенія Россіи съ иностранными государствами ничего не приносятъ ей, кромѣ вреда и униженія.. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Россіей западныя государства не смотрятъ на нее, какъ на равную величину, поэтому не уважаютъ ее,—стремятся не къ обоюдной, а только своей выгодѣ... Если жизненныя потребности Россіи приведутъ въ столкновеніе съ иностранными державами, то слѣдуетъ твердо и открыто выставить свои требованія и въ случаѣ отказа добиться ихъ исполненія вооруженною силою (Крижаничъ)... Становится невѣроятно больно на душѣ, какъ вспомнишь нашу

дипломатію въ Персіи, Китаѣ,—а также Воронцова-Дашкова на Кавказѣ... Боже, доколѣ мы будемъ терпѣть все это...

Живя на безпредѣльной равнинѣ и обладая землею сколько кому было нужно, русскіе славяне селились не вмѣстѣ, не купно, не сплоченными поселками, а родами и каждый изъ этихъ родовъ составлялъ самостоятельную единицу. Старшій въ родѣ глава и повѣлитель. До другихъ родовъ никому нѣтъ дѣла, да и другимъ родамъ до этого нѣтъ дѣла. Русскіе славяне любили свободу и были независимы. Подчиненность и зависимость были для нихъ невыносимы. Они не переносили власти надъ собою. Всякое усиленіе одного рода вызывало сомнѣніе, недовѣріе, зависть и противодѣйствіе въ другихъ родахъ. Нѣтъ слова, въ случаяхъ бѣды, опасности и массовыхъ неудачъ родъ роду помогали, — но въ обычной жизни между родами существовала *рознь, несогласіе, недовѣріе, склонность къ ссорамъ и междоусобицѣ.* Свои не могли властвовать надъ многими родами. Власть постороннихъ какъ бы уничтожала взаимную зависть и могла сдерживать роды въ подчиненіи и повиновеніи, да и то не долго и до тѣхъ поръ, пока эта власть была не слишкомъ крута. Въ противномъ случаѣ отдѣльные роды объединялись, возставали противъ власти и изгоняли ее. Таковы были новгородцы, таковы были кіевляне, таковы были и всѣ русскіе славяне. Бывали случаи, что они сами извнѣ призывали эту власть,

только бы не свой оказался чѣмъ нибудь лучше, чѣмъ нибудь сильнѣе, чѣмъ нибудь превосходительнѣе.

Эта національная рознь свойственна не только русскимъ славянамъ, но и всѣмъ славянамъ, что подтверждается тысячелѣтней исторіей славянскаго народа.

Вотъ съ этой *рознью*, съ этой взаимной враждой, съ этимъ несогласіемъ, завистью и недовѣріемъ намъ нужно бороться всѣми силами и всѣми способами. Путемъ воспитанія мы должны добиться взаимнаго *довѣрія, единенія, душевнаго согласія и совокупнаго дѣйствія во всѣхъ дѣлахъ*. Нужно твердо помнить, что единеніе не только не есть насиліе надъ свободой и независимостью, а напротивъ повышеніе свободы и укрѣпленіе независимости.

Далѣе, тысячелѣтнее рабство во времена Кіевской Руси, удѣльнаго княженія, татарскаго ига и крѣпостного права убило въ народѣ *сознаніе собственнаго достоинства* и поселило чувство *недовѣрія къ себѣ, отсутствіе иниціативы или начинанія, отсутствіе заботъ о будущемъ, безразличіе къ настоящему, отсутствіе интереса и уваженія къ собственности и т. д.*

Естественнымъ послѣдствіемъ отсутствія сознанія собственнаго достоинства является *отсутствіе уваженія въ другомъ человѣкѣ человѣка*. Отсюда слѣдуетъ то грубое, то непочтигельное отношеніе ко всему близкому и окружающему.

Иначе и быть не могло. Рабъ не могъ уважать раба. Они оба были безличны. Рабъ не могъ уважать рабовладѣльца,—онъ его боялся. Рабовладѣлецъ не могъ уважать раба, его собственности. Да едва ли могъ рабовладѣлецъ уважать и рабовладѣльца.

Изъ такого положенія людей между собою вытекаетъ слѣдующее: *отсутствіе сознанія и исполненія своего долга.* къ Богу, ближнему, природѣ и собственности. Этотъ недостатокъ къ огорченію, слишкомъ рѣзко выраженъ не только въ бывшихъ рабахъ, но и бывшихъ рабовладѣльцахъ.

Изъ того же рабства вытекаетъ *отсутствіе чувства собственности*, а послѣднее порождаетъ непониманіе надлежащей работы количествомъ и качествомъ: *лѣнь и недобросовѣстное исполненіе.* Подобное положеніе дѣла вызывало *принужденіе, взысканія, униженія и наказанія.* Съ другой стороны рядомъ съ этимъ существовало *отсутствіе чувства обиды, самолюбія, оскорбленія личности какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ*, а также *заискиваніе, лесть, обманъ, лживость и самоуниженіе.* Къ сожалѣнію эти послѣднія свойства присущи не только простому народу, тысячелѣтнимъ рабамъ, но и образованнымъ русскимъ, прожившимъ среди рабства и вынесшимъ въ прошломъ иго и отчужденіе отъ знанія и умѣнья.

Душевная пустота, отсутствіе чувства собственности, недостатокъ стремленія къ лучшему, апатія, безнадежность породили порокъ—забытья

и исканья наслажденія въ алкоголѣ. Прежде для русскихъ славянъ было «пити—веселіе», теперь пьянство являлось заполненіемъ той пустоты, той безсодержательности, той безнадежности и безсознательности отчаянія, каковыя явились послѣдствіемъ отсутствія въ нихъ всего человѣческаго, всего духовнаго.

Въ послѣднее время обвиняютъ русскій народъ въ *озвѣреніи*, въ склонности къ жестокости, разрушительности и даже убійствамъ. Это неправда. Это невѣрно. Въ моментъ революціоннаго движенія 1905 г. простой народъ дѣйствительно проявилъ и безчеловѣчность, и жестокость и разрушительность. Но это было не его собственное душевное проявленіе, а навѣянное,—это былъ моментъ опьяненія анархіей и алкоголемъ,—а во главѣ этого направленія стояли жестокіе сыны Іеговы. Никогда безъ участія и руководительства злѣйшихъ и человѣконенавистнѣйшихъ сыновъ Іеговы нашъ народъ не дошелъ бы до такого озвѣренія...

Говорятъ, что и теперь парни деревни являются образцовыми варварами, разбойниками и разрушителями. Если это и вѣрно, то только отчасти. Но прежде всего нужно замѣтить, что революціонное время еще не кончилось и наускиваніе поклонниковъ Іеговы, при содѣйствіи нашей заблуждающейся молодежи и многихъ развращенныхъ народныхъ учителей, тоже еще не закончилось. Сѣмена, разсѣваемыя кадетами, даютъ плодъ и будутъ еще нѣкоторое время давать плодъ,—но

пусть эти лжеучители помнятъ, что плодъ этотъ для народа слишкомъ горекъ, народъ имъ этого не забудетъ и проклятіе его падетъ какъ на лжеучителей, такъ и на ихъ потомковъ.

Русскій народъ самъ по себѣ не жестокъ и не изувѣръ. Онъ забитъ, онъ угнетенъ, онъ апатиченъ, онъ не смѣлъ, онъ остороженъ, онъ нерѣшителенъ, онъ безличенъ, онъ недовѣрчивъ,—но это было. А нынѣ русскій народъ просыпается со всѣми своими добрыми русскими славянскими качествами Въ добрый путь!..

II.

Національное воспитаніе.

До настоящаго времени въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія нашихъ дѣтей мы руководствовались тѣмъ, что давали намъ просвѣщенныя государства Европы и Америки. Во многихъ случаяхъ это совершенно правильно и справедливо. Эти страны въ области знанія часто оказываются впереди насъ. Они имѣли возможность больше работать въ этомъ направленіи и имѣютъ за собою большой опытъ. Поэтому весьма естественно, что мы должны присматриваться къ тому, что у нихъ дѣлается, учиться у нихъ и стараться заимствовать у нихъ то, что намъ окажется пригоднымъ и полезнымъ. Но цѣликомъ переносить все ихнее къ намъ едва ли будетъ и разумно и полезно.

Въ дѣлѣ воспитанія и образованія должно считаться съ свойствами и качествами даннаго народа. Русскій народъ совершенно своеобразный и особенный. Поэтому въ дѣлѣ воспитанія дѣтей русскаго народа нужно съ запада заимствовать только

то, что для него полезно. И въ этомъ отношеніи гребуется большая осторожность.

Въ дѣлѣ воспитанія юношества мы должны строжайше руководствоваться особенностями и основными качествами нашей націи,—поощрять то, что мы въ ней находимъ цѣннаго и достойнаго дальнѣйшей культивировки, и бороться и уничтожать то, что является въ націи неудовлетворительнымъ, недостаточнымъ, безполезнымъ и вреднымъ. Одни изъ этихъ свойствъ являются прирожденными, другія—наносными, заимствованными, образованными подъ вліяніемъ жизненныхъ неблагопріятныхъ условій, дѣйствующихъ столѣтіями и тысячелѣтіями. Нѣтъ слова, эти особенности слишкомъ стойки, слишкомъ крѣпки. Но если наслѣдственность является великимъ факторомъ въ дѣлѣ организаціи человѣка, то и воспитаніе не менѣе важно и сильно. И какъ наслѣдственность дѣйствуетъ вѣками и долгимъ временемъ,—то и воспитаніе даетъ благія послѣдствія только при выдержкѣ, настойчивости и систематической послѣдовательности. Почему въ успѣхѣ воспитанія никогда не должно отчаяваться.

Россія представляетъ собою великое государство, въ которомъ господствуетъ великая и многочисленная русская народность и въ которой заключается множество малыхъ и мелкихъ народностей, ей соподчиненныхъ, какъ: польская, финская, армянская, грузинская, татарская и т. д. и т. д.

По отношенію къ русской народности должно

быть принято незыблемымъ и основнымъ положеніемъ слѣдующее: *воспитаніе и образованіе дѣтей гражданъ русской народности должно производиться въ духѣ русской народности и быть чисто русскимъ національнымъ,—образованіе и воспитаніе дѣтей русскихъ гражданъ другихъ культурныхъ народностей, соподчиненныхъ русской народности, должно производиться въ духѣ патріотическомъ, т. е. въ духѣ уваженія и преданности своей родинѣ и той народности, которая составляетъ основу государства; что же касается націй не культурныхъ, какъ лопари, самоѣды, чукчи, юкагири и пр., то они всѣ должны воспринять чисто русское національное воспитаніе и стать нераздѣльною частью русскаго народа.*

Для большаго удобства дальнѣйшаго изложенія, я позволю себѣ говорить отдѣльно о воспитаніи и образованіи.

Воспитать — значитъ внѣдрить въ человѣка извѣстныя душевныя качества, какъ питать, напитать—значитъ ввести въ организмъ и его питательные соки—физическія, матеріальныя вещества.

Воспитать въ національномъ духѣ—значитъ внѣдрить въ человѣка такія душевныя, духовныя и даже физическія свойства, кои присущи и свойственны той или другой народности.

Каждая народность живетъ въ условіяхъ извѣстной природы,—слѣдовательно, прежде всего ея дѣти должны быть такъ воспитаны, чтобы они

смогли легко, свободно и безъ опасности переносить всѣ условія даннаго климата, сѣвера, юга, приморья, горъ и пр.

Далѣе, воспитаніе должно быть въ духѣ той религіи и государственныхъ устоевъ, въ которыхъ живетъ та или другая народность. Воспитаніе должно соотвѣтствовать исторіи, характеру и особенностямъ данной народности.

Воспитаніе бываетъ семейнымъ или домашнимъ, школьнымъ и общественнымъ. Народность, начинающая жить въ своемъ духѣ, какъ напр. русская, должна выяснить всѣ простѣйшіе пріемы воспитанія и домашняго, и школьнаго и общественнаго.

I. *Семейное воспитаніе.* Всякое произвольное дѣйствіе въ началѣ бываетъ вполнѣ сознательнымъ, но затѣмъ, вслѣдствіе повторности, оно можетъ стать настолько привычнымъ, что совершается нами вполнѣ механически и безсознательно. Таковы наши процессы: ходьбы, письма, танцевъ и т. д. То же всецѣло относится и къ душевнымъ движеніямъ и чувствованіямъ. То же должно быть сказано и о семейномъ національномъ воспитаніи. У націй, которыя сознательно только начинаютъ жить, точно устанавливаются формы проявленія національнаго воспитанія, затѣмъ они проводятся въ жизнь, прививаются ко всему обществу и, путемъ повторности изъ поколѣнія въ поколѣніе, становятся столь прочными, что совершаются уже безсознательно, механически, какъ нѣчто должное, какъ нѣчто органическое.

Этого нельзя сказать о русской націи, только вступающей въ фазисъ сознательнаго націонализма. Она находится еще въ этомъ отношеніи въ младенческомъ состояніи и потому въ ней неудивительны проявленія и странныя, и непонятныя и нелѣпыя.

Въ семьѣ, ведя другъ съ другомъ разговоры, мы невольно воздѣйствуемъ другъ на друга, невольно воспитываемъ другъ друга. Такое воспитательное воздѣйствіе въ семьѣ особенно важно по отношенію къ дѣтямъ и членамъ семьи съ неустановившимися національными взглядами.

Я глубоко убѣжденъ, что *всѣ русскіе религіозны*, всѣ искренно исповѣдуютъ православную вѣру, но только это исповѣданіе заключается внутри ихъ самихъ и они ее какъ бы стѣсняются проявить внѣ себя, какъ бы таятъ ее внутри своей души. Это исповѣданіе вѣры не книжника и фарисея, а мытаря. Такое тихое, задушевное исповѣданіе вѣры православной имѣетъ многое за себя, оправдывая тѣмъ русскую славянскую *кротость, смиреніе и искренность*. Но имѣетъ это и противъ себя, особенно въ семейномъ отношеніи. Молодые члены семьи, не видя, или видя рѣдко и слабо исповѣданіе вѣры во внѣшности, могутъ принять это за религіозное малодушіе и безразличіе и сами стануть относиться къ религіи слишкомъ слабо и безразлично. Поэтому важно, чтобы каждый изъ насъ открыто и безъ стѣсненія исповѣдывалъ свое православіе на глазахъ своей семьи и тѣмъ были бы ея примѣромъ и руководителемъ.

Мы всѣ уважаемъ наши православные храмы и благоговѣйно относимся къ нимъ. Но этого мало. Мы должны стремиться къ этому, чтобы составить у себя *церковный приходъ*, чтобы каждый изъ насъ сталъ *дѣятельнымъ членомъ этого прихода*, дабы принимать участіе не только во взаимной общей молитвѣ, но и во взаимномъ общеніи для дѣлъ взаимопомощи, милосердія и состраданія. Въ этомъ приходѣ мы объединимся и положимъ первое начало къ *взаимообщенію* для поддержанія нашихъ общихъ дѣлъ не только духовныхъ, но и мірскихъ. Здѣсь мы можемъ помочь другъ другу въ веденіи хозяйственныхъ дѣлъ, устройствѣ приходскихъ школъ, школъ ремесленныхъ для данной мѣстности, ибо никому не могутъ быть такъ извѣстны семейныя нужды, какъ приходу,—устройствѣ богадѣлень, рабочихъ домовъ, пріютовъ и т. д. Такое единеніе будетъ первымъ воспитательнымъ *противодѣйствіемъ* нашему національному недостатку—*славянской розни*. Единеніе прихода создастъ ту *православную церковь*—собраніе вѣрующихъ, какая была у древнихъ христіанъ и на древней Руси. Это еще болѣе сблизитъ вѣрующихъ братьевъ и положитъ основу образованію истинной православной церкви. Такая церковь не только объединитъ взрослыхъ, но дастъ примѣръ и молодымъ членамъ семьи жить въ мірѣ, согласіи, взаимной любви, поддержкѣ и взаимопомощи и поставитъ противовѣсъ нашему національному разъединенію.

«Внутренняя задача Русской земли, говоритъ Хомяковъ, есть проявленіе общества Христіанскаго православнаго, скрѣпленнаго въ своей вершинѣ закономъ живого единства и *стоящаго на твердыхъ основахъ общины и семьи*».

Создавая церковный приходъ мы не должны стѣсняться и конфузиться внѣшнихъ пріемовъ нашей церкви и всегда быть примѣромъ нашей семьѣ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ во всѣхъ случаяхъ, когда это можетъ быть умѣстнымъ. Если прежнее фарисейство можетъ быть не симпатичнымъ, то и слишкомъ скрытое мытарство можетъ послужить неудобнымъ примѣромъ религіознаго безразличія для молодыхъ членовъ семьи.

Явное и открытое исповѣданіе нашей православной вѣры обязываетъ насъ и къ другому нашему человѣческому и гражданскому долгу: *явному и открытому исповѣдыванію любви и безпредѣльной преданности къ нашему отечеству*.

У насъ, у русскихъ, при существующемъ нынѣ національномъ безразличіи, сплошь и рядомъ бываетъ такъ, что попавшій къ намъ инородецъ, исполненный великой наглости, начинаетъ порицать нашу націю, наши порядки, нравы, обычаи и проч., причемъ исходнымъ пунктомъ для него является одинъ какой-нибудь фактъ, изъ котораго затѣмъ производится слишкомъ смѣлое и неприличное обобщеніе. И мы, изъ любезности и деликатности, не только молчимъ, но даже ему поддакиваемъ, хотя въ душѣ коренно несогласны съ этимъ. При этомъ

мы совершенно забываемъ, что такимъ своимъ отношеніемъ мы сознательно и въ здравомъ умѣ начинаемъ чернить и позорить нашу мать-родину...

Но этого мало. Мы не только сами совершаемъ гнусный фактъ, но мы развращаемъ членовъ своей семьи, своихъ дѣтей. Мы гасимъ въ нихъ уваженіе къ родинѣ и даемъ право и поводъ и имъ относиться къ своей народности и родинѣ легкомысленно и непозволительно дерзко. Мы совершенно не сознаемъ, что это поступокъ съ нашей стороны великой гнусности. Наша любезность и наша вѣжливость переходятъ въ подлость. Мы должны имѣть всегда мужество покойно и рѣшительно дать понять нашему невѣжественному и дерзкому гостю, что его поступокъ нарушаетъ всякіе предѣлы порядочности. И если онъ имѣетъ наглость проявлять дерзость по отношенію къ нашей народности, то и мы должны имѣть еще большую рѣшимость, чтобы его осадить. Это будетъ не мужество и не геройство, а только *нравственный долгъ*. Такой поступокъ будетъ наилучшимъ урокомъ для нашихъ дѣтей и навсегда укоренитъ въ ихъ умѣ и душѣ *долгъ и обязанность смѣло и твердо отстаивать честь и величіе нашего народа и нашей родины.*

Да и помимо такихъ случаевъ *мы должны всегда твердо помнить, что мы—русскіе*, и обязаны относиться ко всему русскому съ уваженіемъ и любовью и не допускать огульныхъ обвиненій и порицаній безъ отпора и надлежащаго отвѣта,

Тогда и наши дѣти научатся любви, уваженію, почтенію и преданности къ родинѣ. Скажутъ, любви нельзя научиться. Да, чувству любви не научишься, но способу проявленія этой любви приходится и должно учиться.

Кто не уважаетъ свей родины, тотъ не уважаетъ себя, тотъ не имѣетъ права на уваженіе къ себѣ со стороны другихъ лицъ.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ строгаго осужденія еще одно печальное явленіе въ нашей жизни. Сплошь и рядомъ мы наблюдаемъ, что люди, такъ называемаго, высшаго общества позволяютъ себѣ публично въ Россіи говорить по-французски, нѣмецки и проч. Почему такъ? Или русскій языкъ есть хамскій языкъ, который они считаютъ допустимымъ только при разговорѣ съ людьми, стоящими ниже себя?.. Еще простительно, если это дѣлаютъ прожигатели жизни, или пустыя барыни,—совершенно непростительно, если это дѣлаютъ люди серьезные, позволяющіе себѣ говорить о націи и національности. Не будетъ ли это просто игра въ націонализмъ? И можно ли въ такомъ случаѣ ожидать успѣха въ дѣлѣ всего родного русскаго? Не должны ли именно эти люди показать примѣръ, что прошлое забыто и мы вступили въ дѣйствительно новую русскую жизнь... Не пора-ли бросить мысль о томъ, что они стоятъ выше суда общественнаго... Тогда только и будетъ толкъ отъ нашего дѣла, когда наше слово и наше дѣло не будутъ расходиться между собою. Гдѣ вы найдете

въ Германіи общественное собраніе, гдѣ бы нѣмцы говорили по французски,—или въ Англіи, гдѣ-бы англичане говорили по французски... Истинный англичанинъ даже внѣ Англіи не станетъ говорить иначе, какъ по англійски. А наши клубы во что обращаются...

Значитъ ли это, что мы должны замалчивать обо всемъ, что въ Россіи дѣлается дурно? Ничуть. Всякій организмъ имѣетъ язвы и болѣзни, но это не значитъ, что онъ разлагается. Его легко исправить и излѣчить,—только не слѣдуетъ скрывать болѣзнь и заглушать ее. Изъ того, что между интендантами оказалось 200—300 воровъ и мошенниковъ, вовсе не слѣдуетъ, что слово интендантъ равнозначно съ казнокрадомъ и взяточникомъ,—и между интендантами есть люди честные, чистые и порядочные. Пусть и дѣти наши знаютъ, что и въ Россіи, какъ и во всякомъ государствѣ, есть люди безчестные, враги своей націи, которые позволяютъ себѣ мошенничать, обкрадывать государственныя и общественныя средства и являются измѣнниками родины и обидчиками бѣднаго люда, солдата. И изъ-за того, что между желѣзнодорожниками множество воровъ и мошенниковъ, вовсе не слѣдуетъ, что всѣ они воры и мошенники, а есть между ними много честныхъ людей. Пусть и это наши дѣти знаютъ, какъ знаютъ и то, что между этими служащими много инородцевъ, которымъ не дорога ни русская народность, ни русское государство,—они даже при этомъ забываютъ

объ обязательномъ для нихъ патріотизмѣ. Разумѣется, подобные случаи должны служить намъ урокомъ не пускать въ русскія дѣла зря инородцевъ, а тѣмъ болѣе большими скопленіями въ одномъ и томъ же учрежденіи.

Но вполнѣ признавая наличность существованія этихъ *общественныхъ язвъ* и давая имъ надлежащую оцѣнку, *не слѣдуетъ* уже *слишкомъ и кричать о нихъ* и не трубить на всѣхъ перекресткахъ, *заглушая то доброе и славное, что даетъ намъ жизнь.* Ибо не рѣдко выходитъ такъ, что мы видимъ только на нашей родинѣ одно худое и слѣпы ко всѣму доброму и славному. Здоровый, мощный и крѣпкій организмъ долженъ быть веселъ, бодръ, исполненъ вѣры и надежды въ будущее, любви къ настоящему и вниманія къ прошлому. Не должно въ прошломъ питаться однимъ неудачнымъ, но оцѣнивать въ немъ и то доброе, что составляетъ обратную сторону медали. Примѣромъ тому служитъ Цусима.

Нѣтъ слова, это больное мѣсто нашей народности. По винѣ небрежности, и можетъ быть того хуже, погибъ нашъ несовершенный флотъ и тысячи бывшихъ на немъ нашихъ братьевъ, моряковъ. Нѣтъ слова, это больная рана нашей народности. Но какъ жалко и еще болѣе больно то, что мы видимъ въ Цусимѣ только одно пораженіе и совершенно замалчиваемъ о величайшемъ геройскомъ подвигѣ этихъ нашихъ славныхъ русскихъ братьевъ-моряковъ, сознательно положив-

шихъ свою жизнь за родину. Вѣдь всѣ они знали, что идутъ на флотѣ негодномъ и на вѣрную смерть. Всѣ они знали, что они не вернутся и не увидятъ свою любимую родину, и при всемъ томъ, не только не было списавшихся съ этой эскадры изъ-за боязни за свою драгоцѣнную жизнь, но были весьма многіе, которые, зная предстоящее будущее, все-таки просились на эту эскадру, бросая свои покойныя и почетныя мѣста, дорогія семейства, дѣтей, женъ. Они славно погибли за свою родину.

Цусима—великій и славный подвигъ, достойный нашей великой родины. Но объ этой геройской Цусимѣ мы молчимъ, а говоримъ о Цусимѣ жалкой и невѣжественной.

Недостойно и непростительно замалчивать доблестные поступки славныхъ сыновъ нашей родины,—но является еще болѣе преступнымъ взводить ложь на государственныя учрежденія родины, извращать правду дѣяній высшихъ ея учрежденій, оставлять это безъ возраженія и лишать возможности сдѣлать это другимъ. А между тѣмъ это у насъ практикуется и практикуется избранниками нашей родины въ нашей Государственной Думѣ. Я не буду говорить о рѣчахъ такихъ депутатовъ, какъ Гегечкори, Чхеидзе и другіе, цѣну рѣчей которыхъ мы всѣ знаемъ. Но бываютъ случаи, когда и люди порядочные дѣлаютъ неправду и не отвергаютъ ее.

Зачѣмъ же напрасно бросать тѣнь на вѣдомство. Вѣдь это вліяетъ на духъ служащихъ... Это

убиваетъ бодрость, энергію, желаніе работать... Это пріемъ лѣвыхъ деморализировать государство... Не такъ мы должны вести наши общественныя и семейныя дѣла...

Особенно возмутительно, не прилично, недостойно и преступно очень часто наблюдаемое при дѣтяхъ, а иногда и вмѣстѣ съ дѣтьми, высмѣиваніе школьныхъ учителей. Такъ могутъ поступать только люди безъ ума и безъ сердца. А такихъ людей ахъ какъ много у насъ?! Прежде всего они забываютъ, что они развращаютъ своихъ же собственныхъ дѣтей. Школа для дѣтей, особенно тѣхъ семействъ, гдѣ воспитаніе падаетъ именно на школу, а не на семью, есть храмъ науки и нравственности. Ее всегда должно ставить высоко въ уваженіи дѣтей. Начальники и преподаватели—это учители добра и нравственности. Къ нимъ мы сами, по долгу совѣсти, чести и любви къ нашимъ дѣтямъ, должны относиться съ уваженіемъ и благодарностью,—тому же учить должны и нашихъ дѣтей. Вѣдь эти люди отдаютъ свою жизнь на воспитаніе нашихъ же дѣтей. Вы скажете — они продаютъ свою жизнь, свою душу... Тѣмъ хуже. Это имъ дается не легко. Нужда ихъ заставляетъ на это дѣло. И не затруднять ихъ жизнь мы должны, а облегчать. Что у нихъ есть недостатки— а мы ангелы? Не забывайте, что они люди, они наши братья, они изъ нашей среды. Если у нихъ есть недостатки, то всѣ эти же недостатки и у насъ. Поэтому осмѣивать учителей и начальныя

школы, особенно при дѣтяхъ неприлично, недостойно и преступно. Осмѣивая учителей, мы осмѣиваемъ передъ дѣтьми себя. Учителя замѣняютъ у дѣтей насъ самихъ. Они дѣлаютъ для нашихъ дѣтей то, что мы должны были бы дѣлать для нихъ. Поэтому нашъ долгъ поддерживать въ нашихъ дѣтяхъ уваженіе, почтеніе и любовь къ преподавателямъ. Унижая ихъ въ глазахъ дѣтей, мы доказываемъ еще худшее положеніе наше, тѣхъ лицъ, кого они замѣщаютъ. Если даже между учителями окажутся люди недостойные (а гдѣ ихъ нѣтъ?), то и тогда мы должны поступать безъ участія и вѣдома дѣтей. На это долженъ быть приходъ. Всѣ родители, дѣти которыхъ подвергаются злостному, или вредному воздѣйствію учителя, должны собраться вмѣстѣ, безусловно безъ вѣдома дѣтей, обсудить дѣло и заявить объ этомъ лицамъ, управляющимъ школою. Нѣтъ той администраціи, которая нынѣ сгала бы потворствовать злу въ школѣ. Бываютъ учителя нетерпимые въ школѣ, политиканствующіе и стремящіеся развратить дѣтей. Это зло немедленно и безъ колебаній должно быть изгнано изъ школы, но дѣти объ этомъ не должны и знать.

Нашъ долгъ поддерживать авторитетъ руководителей и преподавателей школы, ибо они замѣняютъ насъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. Подрывая авторитетъ и значеніе руководителей и наставниковъ школы у дѣтей, тѣмъ самымъ мы не только унижаемъ себя, но и губимъ нашихъ дѣтей.

Вотъ почему, желая воспитать нашихъ дѣтей въ національномъ духѣ, *мы въ своей семьѣ сами должны быть для нихъ примѣромъ уваженія, преданности и любви къ своей родинѣ и ко всѣму родному.*

II. Особенно важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія юношества имѣетъ *школа.* Школою мы должны пользоваться во всей силѣ для проведенія національнаго воспитанія. «Наши желанія и упованія, говоритъ Д. И. Менделѣевъ, которыми опредѣляются всѣ наши дѣйствія, слагаются именно въ школьный періодъ жизни и будутъ они безъ планомѣрныхъ школъ противорѣчивыми, сбивчивыми, разрозненными, эгоистичными и больными... Школа предсгавляетъ громадную силу, опредѣляющую бытъ и судьбу народовъ и государствъ, смотря по основнымъ предметамъ и по принципамъ, вложеннымъ въ систему школьнаго образованія, особенно средняго... Основное направленіе русскаго образованія должно быть жизненнымъ и реальнымъ... Между тѣмъ настоящія дѣла, которыми живетъ народъ и страна, не въ фаворѣ въ нашей школѣ, ни въ литературѣ, а юноши по сейчасъ, на древній манеръ, полагаютъ, что вся суть жизни сводится только на философскія представленія и на слова да мѣропріятія полигическаго свойства... Весьма печально, что русскій реализмъ вовсе не пускается въ школу и не воспитывается... Мы сѣемъ и жнемъ, одолѣвая невзгоды природы, торгуемъ и промышляемъ просто по преданію и смѣт-

къ обыкновенно безъ всякой школьной подготовки, зря». . [1]).

Поэтому *весьма естественно пожеланіе* нашего ученаго, *чтобы въ нашу русскую школу вложено было образованіе, соотвѣтствующее «народному желанію и благу Россіи, понимаемому въ томъ смыслѣ возможно общаго народнаго благоденствія, который заложенъ въ нашей исторіи и долженъ естественно развиваться будущими поколѣніями»*...

Всѣ русскія школы, низшія, среднія и высшія, *должны быть* обязательно строго *національными*.

Въ допетровскія времена всѣ школы находились въ вѣдѣніи церкви и духовенства, а потому были и національны, и религіозны и высоконравственны.

Императоръ Петръ I въ инструкціяхъ Земскимъ

---

1) Во Франціи «L'idée nationale, будить которую призвано образованіе, есть ничто иное, какъ укорененіе въ душѣ французскаго ребенка съ ранняго возраста (6—7 лѣтъ) сознаніе привычки думать и чувствовать, что французская нація—прежде всего... Разсказы и отдѣльные отрывки, составленные въ образцовой формѣ и содержащіе въ себѣ описанія какихъ-нибудь историческихъ событій или біографій должны положить въ дѣтскихъ душахъ зародышъ идеи о Франціи и любви къ ней» (Ив. Чистяковъ. Образованіе народа во Франціи, 1904, стр. 75).

Въ инструкціяхъ учителямъ народныхъ школъ недвусмысленно сказано: «школьнику нужно показать, что только въ націи человѣкъ осуществляетъ свою природу, что только въ ней онъ дѣлается истиннымъ человѣкомъ»..

комиссарамъ и магистраторамъ и въ Духовномъ регламентѣ обращаетъ вниманіе какъ на обученіе полезнымъ знаніямъ, такъ и на религіозное и нравственное просвѣщеніе народа, при чемъ церквамъ и духовенству поручалось слѣдить за этимъ дѣломъ.

Но съ того же времени начинается заведеніе и домашняго воспитанія и образованія преимущественно въ домахъ дворянства и аристократіи. Для этого выписывались воспитатели изъ Франціи, Швейцаріи и проч. Какого рода это были духовные руководители, усматривается изъ Наказа Императрицы Екатерины: «Учители чужестранцы, обучающіе наше юношество въ домахъ, конечно, больше вреда, нежели пользы намъ приносятъ, потому что несравненно большая часть негодныхъ, нежели хорошихъ сюда пріѣзжаютъ... Мадамы, также и мамзели пользуются преимуществами учить и воспитывать наше юношество, безъ одобрительнаго свидѣтельства о своемъ поведеніи, а въ самомъ дѣлѣ многія изъ нихъ не только худого, но и безчестнаго поведенія» ..

Тѣмъ не менѣе и при Петрѣ I и при Екатеринѣ II школы отличались духомъ патріотизма и были строго національны. По требованію И. И. Бецкаго, школа должна была приготовлять для самостоятельной жизни и полезной общественной дѣятельности, людей бодрыхъ духомъ и тѣломъ, любящихъ свой народъ и свое отечество, преданныхъ ученію православной вѣры и вѣрныхъ своей

верховной власти и законному правительству. А такъ какъ воспитаніе питомцевъ въ духѣ православія и любви къ Россіи можетъ быть ввѣрено только людямъ, которые сами глубоко и искренно преданы этимъ основнымъ Русскимъ культурнымъ началамъ, то на такое великое дѣло призывались не иновѣрцы и не иностранцы, но *исключительно русскіе православные люди*.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II произошолъ возвратъ русскихъ областей Бѣлоруссіи и Литвы И вотъ мудрая царица вполнѣ основательно предусмотрѣла, что только школы русскія и православныя могутъ укрѣпить нашихъ братьевъ и въ вѣрѣ православной и въ преданности Родинѣ и престолу. Жизнь скоро оправдала предначертанія Царицы. Населеніе, совращенное прежними владѣтелями, поляками, въ унію и католицизмъ, теперь массами стало переходить вновь въ православіе.

«Съ кончиною Екатерины II и съ воцареніемъ Павла I рѣзко и круто измѣнился весь строй и направленіе государственной политики, говоритъ И. П. Корниловъ [1]),—и русская исключительно національная политика замѣнилась раззорительною для Россіи политикою вмѣшательства въ посторонніе интересы»... И въ западныхъ губерніяхъ взамѣнъ русской культуры и русскаго просвѣщенія и училища на коренной русской землѣ снова стали открываться въ значительномъ числѣ при латин-

[1]) *Ив. П. Корниловъ.* Задачи русскаго просвѣщенія, стр. 7.

скихъ и уніатскихъ монастыряхъ и костелахъ политически враждебныя намъ польскія школы. Особенно же великій вредъ русской школѣ, русскому народу и русскому государству нанесенъ былъ въ царствованіе Императора Александра I, когда всемогущимъ владыкой явился въ дѣлѣ просвѣщенія Адамъ Чарторыйскій.

Оторванная отъ Польши Бѣлоруссія и литовскія губерніи были присоединены къ Россіи, но далеко еще не закрѣплены. Русская власть пошла по дорогѣ обрусенія путемъ введенія русскаго языка и русской школы. Безспорно, это два важныхъ и мощныхъ дѣятеля. Но еще сильнѣйшимъ дѣятелемъ является вѣра. Русскіе, въ силу своей всегдашней вѣротерпимости, не хотѣли производить религіознаго давленія и насилія на совѣсть и исповѣданіе своихъ братьевъ. Совсѣмъ иначе посмотрѣли поляки и во главѣ ихъ Чарторыйскій. Они не постѣснялись и не постыдились произвести самое сильное и самое жестокое давленіе на совѣсть и вѣру бѣлоруссовъ и литовцевъ. Цѣлые легіоны іезуитовъ и другихъ монаховъ были пущены на нашихъ братьевъ и при помощи агрессивной воинствующей церкви и школы съ польскимъ языкомъ они вполнѣ успѣли замутить все то, что сдѣлано было въ царствованіе Екатерины II. Мало того, сторонниками трехъ поляковъ Чарторыйскаго, бывшаго Виленскимъ попечителемъ учебнаго округа, Чацкаго — Харьковскаго округа, и Коллонтая— Кіевскаго округа, русскій край былъ ополяченъ

гораздо, неизмѣримо больше, чѣмъ подъ властью симихъ поляковъ. Министръ просвѣщенія графъ Завадовскій, ярый національстъ при Екатеринѣ, теперь сталъ совершенно послушнымъ рабомъ трехъ поляковъ и всѣхъ помѣщиковъ. Въ западныхъ губерніяхъ безстыдно и безпощадно вводился католицизмъ, польскія школы и польскія воззрѣнія на жизнь,—а въ Россіи космополитизмъ и полный религіозный индиферентизмъ. Такое направленіе было настолько сильно, что даже царствованіе Николая I безсильно было исправить и ослабить общее теченіе. Къ сожалѣнію, царствованіе Александра II въ этотъ отношеніи было скорѣе продолженіемъ направленія Александра I, чѣмъ Николая I и только Александръ III ясно и опредѣленно повелъ чисто русскую національную политику.

Съ этой поры можно было точно и опредѣленно сказать, чего Россія хочетъ и что она преслѣдуетъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія народа.

Теперь незыблемымъ должно быть установлено положеніе, на которое указалъ И. П. Корниловъ. «Школа должна служить своему народу и государству и потому должна быть національною и патріотическою. Она должна утверждать въ своихъ питомцахъ и слушателяхъ твердыя религіозныя вѣрованія и національныя нравственныя убѣжденія, которыми преисполненъ и живетъ Русскій народъ и на которыхъ основанъ весь строй его многовѣковой религіозной семейной и государственной жизни. Всякое русское дѣло, особенно воспи-

таніе дѣтей—надо дѣлать надежными русскими руками и не очень полагаться на услуги, иногда самостоятельныхъ, чужихъ людей». Естественно, какъ отъ католическаго патера нельзя ожидать безпристрастнаго сужденія о православной вѣрѣ, такъ и отъ человѣка равнодушнаго къ судьбѣ русскаго народа и государства нельзя ожидать, чтобы онъ съ воодушевленіемъ и искренностью воспитывалъ во ввѣренныхъ ему дѣтяхъ любовь къ Россіи и вѣрность православію и самодержавію—этимъ кореннымъ русскимъ началамъ для него совершенно чуждымъ и непонятнымъ. Это доказали нѣмцы въ Эльзасѣ и Лотарингіи, русскіе въ Бѣлоруссіи и Литвѣ при Екатеринѣ II и поляки такъ же при Александрѣ I. Все это указываетъ какое важное значеніе имѣютъ національность и вѣроисповѣданіе при выборѣ педагогическаго персонала, и какъ необходимо для единодушной и согласной дѣятельности и для неуклоннаго русскаго направленія воспитанія, чтобы начальники и наставники въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ были люди преданные и вѣрные Россіи и ея историческимъ основамъ. Оберегая цѣлость и нераздѣльность государства, Русское правительство усердно должно прежде всего оберегать основную государственную силу т. е. Русскій православный народъ, и устранять то, что вредитъ его благосостоянію и нравственности, и что ослабляетъ его и унижаетъ передъ иновѣрцами и инородцами. Православный русскій народъ есть тотъ могучій организмъ, силами

котораго создалась Россія и поддерживается ея единство и могущество.

Школьное воспитаніе національнымъ должно быть въ физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ.

а) *Физическое національное воспитаніе.* Въ этомъ отношеніи Россія предоставляетъ весьма широкій кругъ дѣятельности. Физическое воспитаніе должно состоять въ томъ, чтобы организмы дѣтей съ дѣтства развивались крѣпкими, мощными гибкими и ловкими, способными удачно противодѣйствовать всѣмъ неблагопріятнымъ воздѣйствіямъ природы страны. Природа Россіи, какъ мы знаемъ, слишкомъ разнообразна. Она представляетъ всѣ климатическія разновидности отъ полюса до тропиковъ и отъ востока до запада. Поэтому дѣтскіе организмы нужно воспитывать такъ, чтобы они прежде всего были крѣпкими и мощными. Въ этомъ отношеніи весьма важную и серьезную роль должна играть *гимнастика* и, по моему, лучше всего *военная гимнастика*, насколько она примѣнима въ дѣтскомъ возрастѣ.

Военная гимнастика, кромѣ физическаго воздѣйствія, *будетъ въ дѣтяхъ съ ранняго дѣтства воспитывать военный духъ, уваженіе къ военному званію и желаніе отличиться въ данномъ направленіи* и послужить—на славу и благо своей родины. Такое воспитаніе помимо нравственнаго вліянія, важно и въ практическомъ отношеніи. Оно съ дѣтства пріучитъ людей ко всѣмъ внѣшнимъ

пріемамъ, облегчитъ имъ прохожденіе воинской службы, а при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ даже и сократить этотъ срокъ. Но мнѣ скажутъ: въ этой гимнастикѣ нѣтъ ничего національнаго, нѣтъ ничего народнаго? Я съ этимъ несогласенъ. Въ военной гимнастикѣ будетъ выраженъ *прирожденный русскимъ воинственный духъ*. Вспомнимъ нашихъ предковъ славянъ, ходившихъ на Царьградъ и на Кавказъ... Вспомнимъ нашихъ рыцарей—запорожцевъ, въ своихъ утлыхъ ладьяхъ всегда бывшихъ грозою всему черноморскому побережью. Вспомнимъ Ермака Тимофѣевича, давшаго намъ Сибирь... Хомяковъ говоритъ: «Не было у запорожцевъ ни кораблей, ни возможности строить корабли. На легкихъ челнокахъ, часто на однодеревкахъ и душегубкахъ, пускались они въ бурное море, изсгари страшное мореплавателямъ, и тысячами налетали на берега вѣчныхъ враговъ имени христіанскаго... Отъ Батума до Царьграда гремѣла ихъ гроза. Трапезундъ, Синопъ и самые замки Боспора дрожали передъ ними. Турецкіе флоты, смѣло гулявшіе по Средиземному морю и нерѣдко грозившіе берегамъ Франціи, Италіи и Испаніи, прятались въ пристани передъ лодками запорожцевъ. Не изъ хвастовства, но по истинной правдѣ говоримъ мы: свидѣтелями намъ самыя Турецкія лѣтописи и еще теперь незабытыя преданія. Не было въ цѣлой Европѣ ни одного народа, который могъ бы похвастаться такими дивными подвигами мужества на моряхъ,—и опять безъ

хвастовства можемъ сказать, что люди отважные ни чѣмъ не уступаютъ своимъ южнымъ братьямъ». И много другихъ было славныхъ походовъ русскихъ воиновъ, составившихъ силу, славу, честь и мощь Россіи, припоминаются нами и даютъ намъ право и возлагаютъ на насъ обязанности воспитывать и нашихъ дѣтей физически и нравственно въ воинственномъ духѣ. Нашъ историкъ Карамзинъ говоритъ слѣдующее: «Слава была колыбелью русскаго народа,—а побѣда вѣстницею бытія его. Римская исторія узнала, что есть славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки Византійскіе говорили о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ничто не могло противиться и которые отличались отъ другихъ сѣверныхъ народовъ не только своею храбростью, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ... Мужество есть важное свойство души; народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою»...

Вотъ почему я полагаю, что военная гимнастика для русскихъ есть вполнѣ національный методъ воспитанія по духу, почему эта гимнастика должна быть введена во всѣхъ низшихъ народныхъ и среднихъ школахъ Россіи. Къ окончанію срока ученія въ народныхъ школахъ она должна быть усвоена вполнѣ, чтобы уходящія изъ школы дѣти составляли свои взводы, а совмѣстно съ другими дѣтьми деревни—роты, батальоны и полки. *Военныя упражненія должны практиковаться и послѣ школы даже до періода отбытія воинской*

службы, неправильно названной воинской повинностью. Такія учрежденія, не имѣя въ себѣ никакихъ отрицательныхъ сторонъ, создадутъ Россіи развитыхъ, крѣпкихъ, мощныхъ, красивыхъ и ловкихъ молодыхъ людей и славно воспитанныхъ солдатъ, для которыхъ военная служба будетъ состоять только въ изученіи спеціальныхъ военныхъ пріемовъ. Даровыхъ же учителей по селамъ, въ лицѣ отставныхъ солдатъ, особенно бывшихъ на войнѣ, можно найти сколько угодно. Этому способу воспитанія я придаю очень большое значеніе. Но въ настоящее время, въ формѣ «потѣшныхъ», мы имѣемъ уже осуществленіе приводимой мною мысли. Только это—начало и начало, еще весьма не прочно установленное. Потѣшные стали у насъ «въ модѣ» прежде всего потому, что это учрежденіе покровительствуется Верховною Властью. Это учрежденіе у насъ существуетъ на началахъ вольнаго дарового труда. Въ дальнѣйшемъ это учрежденіе должно стать органическимъ, неотъемлемою частью всякаго воспитанія и, какъ таковое, основываться не на началахъ благотворительности, а на началахъ обязательности и государственности.

«Учителя и наставники всей русской молодежи, говоритъ нашъ морякъ, А. Бѣломоръ [1]), поголовно должны преслѣдовать одну главнѣйшую задачу своего великаго дѣла—воспитать въ русскихъ людяхъ всѣхъ сословій страстную и несокрушимую

[1]) *А. Бѣломоръ.* Портъ-Артурская эскадра наканунѣ гибели 1908.

волю доказать въ новомъ, неизбѣжномъ столкновеніи съ Японіей на азіатскомъ континентѣ, непреодолимость русской мощи... Главнѣшее условіе свободы гражданъ —сознаніе совмѣстно всѣхъ и каждаго отдѣльно своего гражданскаго долга передъ родиной. А первый долгъ—защита родины до послѣдняго издыханія всѣми возможными матеріальными и духовными средствами. Въ вооруженной арміи, въ возсозданномъ флотѣ, въ ихъ силѣ и крѣпости тлѣетъ искра истинной свободы русскаго народа»...

Рядомъ съ обученіемъ учениковъ строю, должно учить ихъ и *стрѣльбѣ*. Въ послѣднее время на стрѣльбу въ цѣль, какъ воспитательное средство, въ Англіи, Германіи, Японіи и пр. обращено особое вниманіе И это весьма естественно почему,—оно развиваетъ не только мѣткость глаза, но и мускульное чувство рукъ и организма и готовитъ дѣльныхъ воиновъ.

А вотъ что говоритъ полковникъ Полторацкій [1]) о Швеціи. Ученики всѣхъ 4 классовъ гимназіи каждую осень въ теченіе нѣсколькихъ недѣль занимаются подъ руководствомъ офицеровъ строевыми упражненіями, а весь годъ *систематически упражняются въ стрѣльбѣ* изъ ружей Маузера 6,5 калибра. Шведская гимнастика, твердо поставленная во всѣхъ безъ исключенія шведскихъ учебныхъ заведеніяхъ,—низшихъ, среднихъ и высшихъ, кромѣ благотворнаго вліянія на физическое развитіе,

[1]) *А. Полтовацкій.* Шведская военная гимнастика. 1909.

является прекраснымъ дисциплинирующимъ средствомъ, такъ какъ требуетъ строжайшаго порядка на урокахъ и *безукоризненной точности начальныхъ положеній* передъ каждымъ движеніемъ, *самыхъ движеній и окончательныхъ положеній*. . А такъ какъ на всѣхъ урокахъ шведской гимнастики поминутно приходится строиться, равняться, становиться смирно, расчитываться на ряды, смыкаться и т. д. и все это дѣлается отчетливо и быстро по военнымъ командамъ, то всѣ шведы съ раннихъ лѣтъ въ сущности проходятъ на урокахъ гимнастики превосходную школу первоначальнаго фронтоваго обученія и по своей дисциплинѣ и выправкѣ въ общемъ значительно превосходятъ нашихъ кадетъ.

Добавивъ къ этому широкое развитіе въ Швеціи спорта, особенно зимняго, нельзя не сознаться, что въ своей *гражданской* школьной молодежи Швеція имѣетъ прекраснѣйшій матеріалъ для выработки будущихъ офицеровъ. Всѣ эти молодые люди приходятъ въ армію дисциплинированными, физически развитыми и закаленными и умѣющими стрѣлять, а по своей научной подготовкѣ не оставляющими желать ничего лучшаго.

Не менѣе, если не болѣе важно въ школѣ въ воспитательномъ отношеніи и *ручной трудъ*, *ручныя работы*.

На съѣздѣ по вопросу «о нравственномъ воспитаніи» въ Англіи въ 1909 г. было высказано, что *ручной трудъ* у шведовъ занимаетъ въ школѣ

видное мѣсто въ ряду предметовъ, воспитывающихъ характеръ. Истинная цѣль его — не ремесленный навыкъ, но вліяніе на умственный и нравственный обликъ ученика, возстановленіе равновѣсія и гармоніи между его физическими и духовными способностями. Развивая физическую ловкость, смѣтливость, сообразительность, ученикъ въ то же время запасается увѣренностью въ своихъ силахъ, умѣлостью вѣрно цѣнить свои знанія, когда они должны быть приложены «къ дѣлу», любовью къ созданію своихъ рукъ. Ручной трудъ поощряетъ въ немъ стремленіе къ творчеству, научаетъ самостоятельности и находчивости въ трудномъ положеніи, внушаетъ ему уваженіе къ всякаго рода работѣ и искореняетъ предразсудки людей, живущихъ умственнымъ трудомъ, въ отношеніи ихъ къ ремесленникамъ. А это служитъ въ свою очередь важнымъ факторомъ въ дѣлѣ сближенія классовъ и уничтоженія соціальныхъ перегородокъ» [1]).

Я въ этомъ отношеніи иду гораздо далѣе и расширяю ручной трудъ на степень всякаго *профессіональнаго труда*. По моему мнѣнію профессіональный трудъ имѣетъ громаднѣйшее воспитательное значеніе.

Профессіональное образованіе и знаніе вселяетъ увѣренность въ личной матеріальной обезпеченно-

---

1) *Инна Вл. Ковалевская.* Вопросъ нравственнаго воспитанія

сти, создаютъ сознаніе личной независимости, господство надъ окружающей природою, чувство самоувѣренности и собственнаго достоинства, личной обезпеченности, уваженіе къ собственности, поддержку, взаимную помощь и добрыя отношенія къ сосѣду и согражданину.

Въ образованіе народа должны быть введены такія начала, которыя самому народу показали бы всю важность и всю необходимость образованія ихъ дѣтей именно по программѣ національнаго воспитанія и образованія. Нашъ великій народный геній, покойный профессоръ Менделѣевъ, давно уже проповѣдывалъ ту великую истину, что образованіе нашего народа должно быть реальнымъ. Это значитъ: нашимъ дѣтямъ нужно дать точныя и серьезныя знанія той природы, которая вокругъ насъ и у насъ подъ ногами. Это важно для того, чтобы мы умѣли использовать и употребить на свои нужды всю окружающую насъ природу. Для чего рядомъ съ изученіемъ окружающей насъ природы нашимъ дѣтямъ нужно дать и познанія, какъ ею пользоваться и показать на дѣлѣ эти самые способы пользованія.

До сихъ поръ Государственная Дума настойчиво проводила всеобщее обученіе грамотности въ народѣ. Это хорошо. Но этого очень мало. Умѣть читать, писать и считать—хорошо. Но это умѣнье хорошо, если есть что считать. Грамотность должна быть не цѣлью, а средствомъ для пріобрѣтенія познаній. Сама же по себѣ грамотность часто без-

полезна, скоро забывается и потраченное на нее время пропадаетъ.

Нашъ народъ слишкомъ бѣденъ. Но этого мало. Онъ видитъ, что другіе люди живутъ на такой же землѣ, какъ и онъ,—но они умѣютъ извлекать изъ нея такую пользу, что они богатѣютъ. А онъ не знаетъ, какъ это сдѣлать. Долгъ—важнѣйшій долгъ національной школы—просвѣтить его въ этомъ отношеніи. Дать народу познаніе ближайшей природы: чернозема, глины, лѣса, озера, рѣки и проч. и дать свѣдѣнія, какъ использовать его злаки, траву, разведеніе скота, птицеводство, глиняное производство и т. д. и т. д.

Поэтому національная партія всѣми своими силами должна заботиться объ устройствѣ *школъ для народа не грамотности только, а профессіональныхъ школъ* по потребамъ природы,—и при томъ такихъ школъ, гдѣ бы они на дѣлѣ выучились все это дѣлать лично. Эти познанія дадутъ насущный кусокъ хлѣба простому человѣку. Онѣ поднимутъ его благосостояніе. Онѣ дадутъ ему широкій кругъ мышленія. Онѣ укажутъ путь правильной жизни. Онѣ породятъ любовь къ собственности. Онѣ создадутъ идею о родинѣ. Онѣ разбудятъ любовь къ родинѣ. Онѣ откроютъ глаза на пользу, проводимую національной партіей. Онѣ дадутъ въ руки національной партіи весь народъ. Онѣ заставятъ и инородцевъ уважать и быть благодарными той странѣ, которая даетъ имъ благо и благополучіе.

Такая профессіональная школа привлечетъ къ себѣ не только русскихъ, но и татаръ, и армянъ, и грузинъ и всѣхъ другихъ инородцевъ, и объединитъ ихъ, и свяжетъ общими интересами и ассимилируетъ русскою культурою.

Повсюдное введеніе профессіональныхъ школъ, соотвѣтственно природнымъ богатствамъ на мѣстѣ,—дѣло не легкое. Но зато важное и серьезное. Для края лучше имѣть одну профессіональную школу, чѣмъ десять школъ грамотности.

Для того же, чтобы эти школы были истинно полезны, нужно, чтобы комитеты изучили природу, нужды и потребности каждой мѣстности. Разумѣется, для этого національные отдѣлы должны войти въ сношеніе съ земствами, городами, учрежденіями и проч.

Если мѣстныя нужды могутъ быть удовлетворены мѣстными средствами,—благо. Если нѣтъ,—дѣло центральнаго комитета исходатайствовать въ министерствахъ устройство фермъ, птичниковъ, огородовъ, мастерскихъ и проч. Нынѣ времена иныя и министерства постепенно теряютъ свою прежнюю закваску—дѣлать наоборотъ тому, о чемъ вы просите.

Изученіе народныхъ богатствъ, народныхъ нуждъ и способовъ ихъ исправленія—дѣло не новое. Еще Крижаничъ, во времена Іоанна Грознаго, указывалъ на это и требовалъ поднятія народнаго благосостоянія, дабы избавиться отъ инородчиковъ и остаться національными. Онъ требовалъ, изу-

чить природныя способности, таланты и нравственныя качества народа по сравненію съ другими народами,—природу, среди которой населенію приходится жить, ея богатства и недостатки,—жизнь народа съ точки зрѣнія богатства и бѣдности,—способы наилучшаго пользованія, какъ талантами народа, такъ и богатствами. Земледѣлецъ кормитъ и богатитъ и себя, и ремесленника, и торговца, и боларина и краля. Но по недостатку предпріимчивости, отсутствію необходимыхъ для того знаній и другимъ причинамъ земледѣліе у насъ недостаточно развито. Необходимо назначить особыхъ чиновниковъ, «углядниковъ», на обязанности которыхъ лежало бы изслѣдовать почву, опредѣлять ея плодородіе и указывать населенію наиболѣе выгодные, въ каждой мѣстности, способы пользованія землею. Эти же углядники должны подыскать наиболѣе подходящія мѣста для постройки мельницъ, крутяныхъ заводовъ и т. п. Далѣе, правительство должно снабжать населеніе земледѣльческими орудіями по дешевымъ цѣнамъ и даже отпускать ихъ въ кредитъ. Должно способствовать развитію другихъ отраслей хозяйства: пчеловодства, шелководства, табаководства, виноградарства, винодѣлія и проч. Добиться экономической независимости Россіи, чтобы не было надобности покупать за-границей такіе товары, которые могутъ быть производимы съ успѣхомъ внутри страны. Правительство должно взять на себя борьбу съ праздностью, установляя за нищенство и тунеяд-

ство суровое наказаніе до ссылки въ Сибирь включительно. Правительство должно поощрять домашнюю кустарную промышленность и содѣйствовать развитію новыхъ отраслей промышленности: производства бумаги и шерстяныхъ издѣлій, издѣлій изъ кожи, металла и проч. А для этого есть и надлежащее средство: «отказаться отъ употребленія заграничныхъ издѣлій»... У насъ иностранцы являются хозяевами положенія, они прекрасно знаютъ условіе рынка и пользуются этимъ знаніемъ, обезцѣниваютъ наши товары и навязываютъ намъ по высокимъ цѣнамъ ненужныя и малоцѣнныя вещи... Иностраннымъ торговцамъ должна быть торговля «запрещена совершенно» [1]).

Это говорилось триста лѣтъ назадъ. Увы, это можно сказать и сегодня...

Для успѣйшнѣйшаго выполненія этого дѣла требуется:

а) тѣсная связь центральнаго комитета національной партіи съ ея отдѣлами,—

б) связь отдѣловъ съ земскими и городскими учрежденіями,—

в) изученіе отдѣлами естественныхъ богатствъ различныхъ мѣстъ,—

г) изученіе отдѣлами мѣстныхъ нуждъ и потребностей.

д) а главное—устройство *профессіональныхъ школъ*.

Но этого мало. Рядомъ съ изученіемъ, позна-

[1]) *В. Э. Ванденберг*, Юрій Крижаничъ, 1912.

ніемъ и умѣньемъ различныхъ производствъ, народъ долженъ имѣть подъ рукою *мелкій кредитъ* дабы онъ немедленно могъ примѣнить на дѣлѣ свои познанія.

При такихъ условіяхъ профессіональныя школы дадутъ народу знанія, благосостояніе, спокойную трудовую жизнь и уваженіе и преданность тѣмъ лицамъ и той партіи, которая поведетъ это дѣло и будетъ имъ руководить.

Такая система привяжетъ весь народъ къ государству, безъ различія вѣры, націи и толка. Такая система будетъ способствовать ассимиляціи народностей мало-культурныхъ, какъ лопари, чуваши и проч. Такая система объединитъ государство, такая система сама-собою, безъ всякаго насилія, націонализируетъ государство.

Партія, ведущая такую систему, не по названію, а на дѣлѣ, будетъ партіей *національной*, но для того она безусловно и непоколебимо должна быть партіей *народной*.

Государство—это народъ. Его благо должно стоять на первомъ мѣстѣ. Благо народа — благо государства. *Партія, заботящаяся о благѣ народа есть партія національная,—а партія національная неизбѣжно должна быть партіей народной.*

Чисто національнымъ въ дѣлѣ физическаго воспитанія юношества будетъ также *спортъ*. Россія и въ этомъ отношеніи представляетъ многообильную и плодотворную почву. Въ Россіи есть

мѣста приморскія, приозерныя, прирѣчныя, горныя, степныя и т. д. и т. д. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ должно развить и воспитать соотвѣтствующій спортъ. Особенно у насъ плохо развита любовь къ мореплаванію, каганію въ лодкахъ подъ парусами на рѣкѣ и озерахъ, плаваніе, рыболовство и т. п. Недостаточно развиты также путешествія въ горахъ Кавказа, Урала и проч., верховая ѣзда на югѣ Россіи, ѣзда на оленяхъ, собакахъ и проч. на сѣверѣ,—на лыжахъ, буерахъ, коньках и проч. Разумѣется, лучше, если каждый изъ этихъ видовъ спорта развивается и прививается тамъ, гдѣ тому благопріятствуетъ природа,—но весьма полезно предпринимать по праздникамъ образовательныя поѣздки въ различныя части Россіи, чтобы на мѣстѣ знакомиться и совершенствоваться въ тѣхъ видахъ физическихъ упражненій, которыя на мѣстѣ почему либо мало доступны. На этихъ путешествіяхъ зиждется *соревнованіе* и *совершенствованіе* не только *организма*, но и *видовъ спорта или упражненій*.

Насколько народный спортъ можетъ быть важенъ въ государственномъ дѣлѣ, показываетъ фактъ, приводимый профессоромъ А. Г. Елчаниновымъ [1]). При осадѣ Троице-Сергіевской Лавры, нашему славному тогда полководцу Скопину-Шуйскому не хватило конницы, чтобы парализовать

---

[1]) *Проф. А. Г. Елчаниновъ.* Къ 300-лѣтію осады Троице-Сергіевской лавры. 1909.

дѣйствіе поляковъ, обладавшихъ наибольшимъ количествомъ конницы. И вотъ «эта борьба со столь опасной намъ польской конницей облегчена 4-мя тысячами лыжниковъ, оказавшихъ намъ неоцѣненныя услуги...

Особенно же полезны въ смыслѣ національнаго воспитанія народныя *игры*. Ихъ нужно проводить въ жизнь очень настойчиво и старательно и стараться развивать и совершенствовать. Изъ народныхъ игръ иногда создаются цѣлыя системы гимнастическихъ упражненій, которыя затѣмъ становятся достояніемъ и богатствомъ всего міра. Такова шведская гимнастика, таково и чешское сокольство. Россія наша очень велика, имѣетъ много своеобразныхъ игръ, какъ чисто русскихъ, такъ и инородческихъ. Какъ тѣ, такъ и другія— это наши русскія родныя. Мы должны ихъ знать и изучать и быть можетъ изъ этого создастся нѣчто наше русское, самобытное. Нужно изъ всего и всюду брать то, что намъ полезно и пригодно.

Полезны также *танцы, пѣсни и музыка*. Пѣсни часто воспроизводятъ исторію прошлаго, геройскіе подвиги нашихъ предковъ и проч. Музыка, пѣніе и народные танцы въ народныхъ школахъ должны быть обязательными. Это развиваетъ любовь къ своему родному,—это связываетъ съ народностью. Россія имѣетъ много прекрасныхъ мелодій малороссійскихъ, польскихъ, грузинскихъ, армянскихъ и т. д. Есть много так-

же и народныхъ инструментовъ, какъ: балалайка, гусли, кобза, гармоника, зурна и проч.

Изученіе музыкальнаго инструмента также не лишено значенія. Прежде балалайка считалась принадлежностью приказчиковъ, дворниковъ и лакеевъ въ обществѣ горничныхъ, сидящихъ на завалинкѣ съ неразлучными сѣмячками,—а нынѣ, въ рукахъ г. Андреева, это инструментъ, восхищающій культурные народы.

Никоимъ образомъ не слѣдуетъ пренебрегать музыкой и пѣніемъ нашихъ братьевъ инородцевъ. Вѣдь они тоже наши братья по родинѣ. Чѣмъ больше мы будемъ заимствовать другъ у друга, тѣмъ станемъ ближе другъ къ другу и натянутыя формальныя отношенія должны уступить мѣсто довѣрію, взаимной поддержкѣ, уваженію и братской привязанности.

Не слѣдуетъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей забывать и другихъ нашихъ братьевъ славянъ: чеховъ, болгаръ, сербовъ, галичанъ и проч. Есть и у нихъ много такого, что намъ можетъ пригодиться. Припомните время послѣ войны за освобожденіе Болгаріи. Въ Россіи, кажется, не было ни одного деревенскаго мальчика или дѣвочки, кто не умѣлъ бы мурлыкать «Марицу». И какъ это роднило насъ съ болгарами... Не менѣе намъ близки и наши братья, поляки... Пора начинать забывать прошлую вражду нашу и учиться уроками исторіи покойнѣе и разсудительнѣе. Если прежде славянскія племена могли враждовать между собою, то теперь время

опомниться. Предъ нами возсталъ врагъ, грозящій не отдѣльнымъ славянскимъ племенамъ,—а всему славянскому племени. Пора намъ сомкнуться и составить одно цѣлое...

Многіе изъ физическихъ пріемовъ воспитанія служатъ и *нравственному воспитанію*. Пѣсни, музыка и танцы много способствуютъ физическому воспитанію, но еще больше нравственному, эстетическому и этическому. Въ нихъ проявляется духъ народа, его нравы и жизнь, его исторія, его подвиги, его герои. Изъ этого воспитанія будетъ черпаться матеріалъ и содержаніе для будущихъ поэтовъ, музыкантовъ, скульпторовъ, живописцевъ, историковъ и даже натуралистовъ.

Особенно важны въ этомъ отношеніи экскурсіи съ цѣлью изученія природы, историческихъ памятниковъ, нравовъ, обычаевъ, спорта и т. п.

б) Въ *нравственномъ воспитаніи* на первомъ мѣстѣ должна стоять наша *православная религія*, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ. Православная религія есть то начало, которое объединяетъ насъ, русскихъ, въ одно нераздѣльное цѣлое и отдѣляетъ отъ западныхъ народовъ. Нѣтъ слова, между нами и нашими братьями—поляками лежитъ прошлое,—но не это прошлое насъ такъ сильно раздѣляетъ, какъ фанатическій римскій католицизмъ. И наши братья много заблуждаются, полагая, что они своей борьбой съ нами въ Холмщинѣ служатъ себѣ. Нѣтъ, они служатъ больше Риму, чѣмъ себѣ. Одинъ изъ поляковъ, г. Немоевскій, вполнѣ

подтверждаетъ мое предположеніе. Вотъ что онъ говоритъ: «Вопросъ о Холмщинѣ далеко не такъ простъ, какъ кажется съ перваго раза. За что мы воюемъ на этотъ разъ: за Варшаву, или Римъ— за Польшу, или католицизмъ? Отстаивая это дѣло, мы своими руками дѣлаемъ новый раздѣлъ Польши». Не таково отношеніе къ намъ нашихъ братьевъ чеховъ-гуситовъ... Русскій народъ всегда отличался крайней вѣротерпимостью и рядомъ съ православіемъ свободно давалъ жить и католикамъ, и протестантамъ, и магометанамъ, и евреямъ, и язычникамъ,—только не старообрядцамъ. Къ счастію, нынѣ старообрядцы получили право гражданства. *Православная религія*, какъ господствующая, *имѣетъ право на пропаганду* внѣ предѣловъ своей церкви,—*остальныя же религіи* пользуются *свободою исповѣданія* и правомъ проповѣди *въ предѣлахъ свой церкви.*

Послѣ Бога, отца и матери — *наибольшая любовь должна проявляться къ своему народу и своей родинѣ.* Въ этомъ отношеніи руководители школы, преподаватели и воспитатели должны безусловно быть русскими, нелицемѣрно проникнуты сами и пріучать къ тому дѣтей любовію, уваженіемъ, преданностью и самопожертвованіемъ къ родинѣ.

Вотъ что говорится въ Генеральномъ планѣ Московскаго воспитательнаго дома, составленномъ, по приказанію Екатерины II, И. И. Бецкимъ: «Буде начальники сего дома хотятъ, чтобы дѣти научи-

лись добродѣтели, должно имъ, прежде всего, учителей и приставниковъ учинить добродѣтельными и примѣра достойными. Нужно, *чтобы приставники были изъ Россійскихъ*. Можно ли, чтобы сіи дѣти признавали иностранныхъ родителями своими и оказывали имъ, какъ долгъ велитъ, любовь и дружбу?.. Всякое дѣло—особенно воспитаніе дѣтей—надо дѣлать надежными Русскими руками и не очень полагаться на услуги, иногда сомнительныя, чужихъ людей. «Наши учебныя заведенія, говоритъ Ив. П. Корниловъ, должны жить одною жизнію со своею церковью, государствомъ и народомъ. Верховная власть, управляющая судьбами государства и православная церковь должны управлять и народнымъ образованіемъ, указывать ему твердое и опредѣленное направленіе и ограждать отъ всякихъ вредныхъ и враждебныхъ направленій. Педагогическіе персоналы нашихъ училищъ должны состоять изъ благонадежныхъ православныхъ русскихъ людей и лишь изъ такихъ иновѣрцевъ, которые извѣстны не только своею педагогическою опытностью и знаніями, но и любовью и преданностью Россіи и которые могутъ служить живымъ укоромъ для нашихъ народоотступниковъ, считающихъ разныя историческія начала грубостью и отсталостью... Для подъема въ Россіи учебно-воспитательнаго дѣла необходимо, чтобы персоналъ-воспитывающихъ и обучающихъ состоялъ изъ надежныхъ русскихъ православныхъ людей. Школы суть учрежденія націо-

нальныя. Русскія школы должны свято хранить и культурно развивать тѣ живущія въ нашемъ народѣ православныя и славянскія начала, на которыхъ зиждится русская семья, общество и государство. Только русскіе наставники въ состояніи выполнить такую національную задачу школъ» [1]).

На Международномъ Съѣздѣ въ Англіи въ 1909 г. по вопросу о нравственномъ воспитаніи шейцарецъ Latour и др. высказали слѣдующее:

Никакія системы, никакое программное преподаваніе марали и Закона Божія не замѣняли личнаго вліянія одного человѣка. Судьба будущаго каждой націи въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ; лица эти— учителя народныхъ школъ, которые сѣютъ то или иное нравственное начало въ сердца дѣтей. Учителя могутъ быть благодѣтелями человѣчества, но могутъ и погубить цѣлое поколѣніе. Поэтому *слѣдуетъ безусловно и безъ всякаго колебанія отвергать всякаго, кандидата на роль воспитателя, если существуетъ малѣйшее сомнѣніе въ его нравственныхъ качествахъ*, его характеръ и пригодности для обязанностей нравственнаго воспитанія...

Начальники школы, воспитатели и преподаватели, позволяющіе въ школѣ проповѣдывать противное державной и господствующей русской

---

[1]) *Инна Вл. Ковалевская.* Вопросы нравственнаго воспитанія.

народности, какъ бы они были умны и образованы, не терпимы въ школѣ и немедленно безпощадно должны быть удалены изъ нея.

Всякій народъ,—говоритъ нашъ славный ораторъ Плевако,—создавшій путемъ многострадальнаго и трудового историческаго подвига свое собственное имя, свое отечество, воплощаетъ въ величайшія святыни своей жизни—въ религію, государственность и право—отпечатокъ своей духовной личности». «Россія создана русскимъ народомъ. Ему, вложившему во всѣ устои своего строя народное міросозерцаніе, принадлежитъ право требовать, чтобы охрана этихъ устоевъ поручена была не тѣмъ, кто только *знаетъ*, а тѣмъ, кто *вѣруетъ*, кто насквозь пропитанъ началами народности, т. е. тѣми особенностями, подъ преломленіе которыхъ принимаются культурной націей блага общественнаго развитія».

Республиканская Франція ставитъ обязательнымъ положеніемъ, чтобы завѣдующій и обучающій персоналъ народныхъ школъ принадлежалъ къ французской націи. По закону 30 октября 1886 г. это требованіе абсолютно. Публичная народная школа республиканской Франціи, провозглашающей универсальный идеалъ всеобщаго братства народовъ, не допускаетъ аспирантовъ учительскаго званія изъ членовъ религіозныхъ конгрегацій потому, что часть этихъ конгрегацій принадлежатъ не къ французской націи, а къ нѣмецкой, итальянской и проч.

Знанія всегда могутъ быть пополнены, а любовь, преданность и самопожертвованіе родинѣ не пополняются впослѣдствіи. Германскій учитель не потому побѣдилъ Францію, что всѣ эти учителя были образованы, а потому, что его всѣ учителя были національны и патріотичны. Таковъ долженъ быть учитель и русскій. Если онъ не таковъ, ему нѣтъ мѣста въ школѣ. Лучше невѣжество, согрѣтое любовью къ родинѣ, чѣмъ образованіе, связанное съ презрѣніемъ и неуваженіемъ къ націи.

«Всякое государство, говоритъ Хомяковъ, обязано отстранять отъ воспитанія все то, что противно его собственнымъ основнымъ началамъ»,— далѣе, какъ только Эльзасъ и Лотарингія были присоединены къ Германіи, французскіе учителя были удалены изъ школъ и замѣнены нѣмецкими,— при императорѣ Александрѣ I, какъ только полякъ Чарторійскій получилъ власть въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, какъ немедленно всѣ русскіе учителя были немилосердно изгнаны изъ школъ и замѣнены поляками. Съ большимъ удовольствіемъ я позволю себѣ привести здѣсь слова великаго нашего педагога Ив. П. Корнилова, относительно требованій, какія должны быть предъявлены русской школѣ: «Во 1-хъ, наши учебныя заведенія должны жить одною жизнью со своею церковью, государствомъ и народомъ. Верховная власть, управляющая судьбами государства, и Православная церковь должны управлять и народнымъ образованіемъ, указывая

ему твердое и опредѣленное направленіе и ограждать отъ всякихъ вредныхъ и враждебныхъ вліяній. Духовныя и свѣтскія власти и представители мѣстныхъ обществъ должны вести учебныя заведенія въ опредѣленномъ законномъ направленіи... 2. Школы должны служить не одному только умственному и научному образованію, но въ равной мѣрѣ и религіозно-нравственному и физическому воспитанію. Въ 3-хъ педагогическіе персоналы нашихъ училищъ должны состоять изъ благонадежныхъ нравственныхъ русскихъ людей, и лишь изъ такихъ иновѣрцевъ, которые извѣстны не только своею педагогическою опытностью и знаніями, но и любовью и преданностью Россіи»... Далѣе тотъ же авторъ говоритъ: «Для подъема въ Россіи учебно-вспомогательнаго дѣла необходимо, чтобы персоналъ воспитывающій и обучающій состоятъ изъ надежныхъ русскихъ православныхъ людей. Школы суть учрежденія національныя. Русскія школы должны свято хранить и культурно развивать тѣ живущія въ нашемъ народѣ православныя и славянскія начала, на которыхъ зиждется русская семья, общество и государство. *Только русскіе наставники въ состояніи выполнить такую національную задачу школъ.*

Проповѣдуя, однако, народную любовь и преданность русскимъ дѣтямъ, никогда не слѣдуетъ оскорблять и дѣтей другихъ націй, входящихъ въ составъ нашей родины. Нужно относиться къ нимъ дружески и любовно, какъ къ братьямъ, и не

давать замѣтить нашего господства побѣдителя. Это они знаютъ и безъ насъ хорошо. Но зная это, они должны видѣть съ нашей стороны такіе отношенія, какія существуютъ между братьями одной семьи. Само будущее должно установить отношенія уваженія къ болѣе сильному и защитнику, а не чувство злобы и ненависти покореннаго и попираемаго.

Исторія Россіи должна быть извѣстна всѣмъ ученикамъ, но исторія не формальная, *а исторія духа русской націи, ходъ ея развитія, разростанія и совершенствованія.* Каждый ребенокъ долженъ знать все прежде всего о своемъ селѣ, своей губерніи, русской націи и народностяхъ всей Россіи, а затѣмъ о нашихъ братьяхъ—славянахъ, а тамъ уже обо всемъ свѣтѣ.

Нашъ первый долгъ—проникнуться всѣмъ своимъ русскимъ сердцемъ и во всю глубину своей души своей страной и нашъ второй долгъ, столь же важный—умѣнье цѣнить славу и подвиги предковъ и достойно увѣковѣчить ихъ словомъ и дѣломъ (А. Г. Елчаниновъ).

Между тѣмъ у насъ, русскихъ, познанія исторіи своей родины очень и очень недостаточныя и неосмысленныя. Еще А. С. Пушкинъ это отмѣтилъ: «Россія слишкомъ мало извѣстна русскимъ; сверхъ ея исторіи, ея статистики, ея законодательство требуютъ особыхъ каѳедръ. Изученіе Россіи должно будетъ, преимущественно, занять, въ окончательные годы, умы молодыхъ дворянъ, гото-

вящихся служить отечеству вѣрою и правдою, имѣя цѣлію искренно и усердно соединиться съ правительствомъ въ великомъ подвигѣ улучшенія государственныхъ постановленій, а не препятствовать ему, безумно упорствуя въ тайномъ недоброжелательствѣ».

Къ тому ли еще ведетъ незнаніе отечественной исторіи... Къ сожалѣнію, находятся люди, которые умышленно задерживаютъ умы этихъ невинныхъ дѣтей и направляютъ ихъ на путь анархіи и революціи.

Великое воспитательное воздѣйствіе на дѣтей въ школахъ оказываютъ *художественныя произведенія живописи, скульптуры* и проч., а также и памятники русской старины, музеи, преданія, нравы и обычаи народа, съ которыми должно знакомить дѣтей какъ по оригиналамъ, такъ и по копіямъ. Весьма важно также знакомство съ памятниками народнымъ героямъ и извѣстнымъ историческимъ событіямъ,—только не такими памятниками, какъ Александра III на Знаменской площади, или Гоголю въ Москвѣ. Нужно имѣть гражданское мужество требовать, чтобы это издѣвательство было снято и вмѣсто нихъ поставлены дѣйствительные памятники, достойные имени народныхъ героевъ.

До сихъ поръ мы воспитывали нашихъ дѣтей геройскими подвигами грековъ и римлянъ, какъ будто бы у насъ нѣтъ своихъ героевъ, не только нисколько не меньше героевъ иностранныхъ, а на-

противъ, гораздо болѣе видныхъ и болѣе достойныхъ нашего почитанія. Но ставить за образецъ нашихъ народныхъ героевъ въ школахъ, гдѣ могутъ быть дѣти инородцевъ, слѣдуетъ такъ, чтобы они являлись великими и въ глазахъ нашихъ дѣтей и въ глазахъ дѣтей инородцевъ.

III. *Общественное національное воспитаніе* должно состоять въ проведеніи въ жизнь во всѣхъ мѣстахъ государства и во всѣхъ слояхъ общества духа любви, преданности и блага русской національности и отечества. Этому должна служить вся государственная администрація, всѣ государственныя и общественныя учрежденія, пресса, литература и всѣ гражданскія стороны жизни.

Основнымъ и незыблемымъ положеніемъ должно служить слѣдующее: *всѣ высшія государственныя должности и всѣ мѣста начальниковъ учрежденій должны быть заняты людьми русскими, искренно проникнутыми духомъ національнаго.*

Еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича Крижаничъ писалъ: лучше отдавать высшія должности самымъ худымъ людямъ изъ своего народа, чѣмъ самымъ лучшимъ изъ иностранцевъ, — лучше тиранъ изъ народа, чѣмъ сладчайшій Давидъ изъ инородниковъ». Ибо невозможно, чтобы человѣкъ любилъ чужой народъ больше, чѣмъ свой.

Всѣхъ русскихъ людей должно невидимо связывать одно чувство—поддержать другъ друга рус-

скаго и подать ему руку помощи. Это не должно говориться, но это должно пониматься и проводиться въ жизнь столь же твердо и неуклонно, какъ это дѣлаютъ поляки, нѣмцы, армяне, евреи и т. д.

Лица съ антинаціональнымъ направленіемъ изъ русскихъ нетерпимы на должностяхъ, ибо они будутъ служить не на пользу, а во вредъ родинѣ. Особенно такія лица нетерпимы въ вѣдомствѣ просвѣщенія. Точно также недопустимо сослуженіе въ одномъ вѣдомствѣ многихъ лицъ изъ инородцевъ одной и той же національности, для которыхъ интересы личные ближе, чѣмъ интересы государства. Образцомъ тому можетъ служить Владикавказская желѣзная дорога, виновники Цусимы и многія другія учрежденія, даже въ настоящій моментъ переполненныя поляками, нѣмцами, евреями и проч.

Какъ ни странно сказать, а должно, что находясь въ младенческомъ состояніи національнаго самосознанія, мы должны твердо рѣшиться имѣть гражданское національное мужество отстаивать открыто свое національное достоинство противъ наглыхъ и открытыхъ выпадовъ, оскорбленій и униженій, изливаемыхъ инородцами и русскими выродками, или продажными людьми на нашу родину и на нашъ народъ. По мѣрѣ того, какъ мы становимся скромнѣе и сдержаннѣе, наши враги становятся наглѣе и дерзче. И это естественно. Кто не умѣетъ себя защищать, тотъ невольно

даетъ прямой поводъ къ нападенію. Уже Карамзинъ ясно формулировалъ нашу слабость — стѣсненіе открыто защищать и отстаивать себя. «Мнѣ кажется,—говорилъ онъ,—мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ, а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самъ себя не уважаетъ, того, безъ сомнѣнія, и другіе уважать не будутъ». Результаты этой нашей слабости уже успѣли сказаться во всѣхъ областяхъ. Посмотрите, какъ поляки, чехи и другіе славяне уважаютъ своихъ поэтовъ, своихъ ученыхъ .. А у насъ... Еще недавно русскія диссертаціи отличались необыкновенно обильнымъ количествомъ цитатъ и полнымъ перечисленіемъ всѣхъ именъ русскихъ и иностранныхъ... А теперь, со входомъ въ профессорскій составъ значительнаго количества инородцевъ, иностранныя цитаты и имена также обильны, а русскія сплошь и рядомъ замалчиваются, особенно если писанія ученыхъ не имѣли краснаго оттѣнка. На дняхъ я взялъ прекрасную книгу нашего выдающагося молодого военнаго ученаго проф. А. Г. Елчанинова [1]) и нашелъ въ ней слѣдующее мѣсто: «Въ нашей военной Академіи мы занимались болѣе 50 лѣтъ однимъ иностраннымъ военнымъ искусствомъ и только незабвенный Д. Ф. Масловскій проложилъ, *всего менѣе 25 лѣтъ назадъ дорогу изученію военнаго искусства русскаго* (курсивъ оригинала)... Мы доходили до взглядовъ, что *война портитъ*

1) *А. Г Елчанинова.* Веденіе современной войны и боя, 1909.

войска, до отрицанія боевыхъ достоинствъ кавказскихъ войскъ, потому что они не имѣли *педанства того времени*... Мы увѣковѣчили шефами въ частяхъ множество иностранцевъ, а въ тоже время имя Великаго Петра дали всего 1 полку и то лишь въ 1904 г., а имя Елизаветы, Екатерины, Александра I не носятъ у насъ ни одна еще часть,—не говоря уже о многихъ простыхъ смертныхъ, — вождяхъ-герояхъ, даже бывшихъ при жизни шефами тѣхъ или другихъ частей. Въ *послѣднее время* мы тронулись въ этихъ отношеніяхъ сильно впередъ,—но все же надо еще многое сдѣлать, дабы вернуть наши ратныя силы, нашу военную науку — на исконный, сложившій Россію, народный нашъ Русскій путь»... Вообще вся книга проникнута глубокимъ знаніемъ дѣла, настоящимъ пониманіемъ сущности его и безпредѣльной любовью и преданностью Россіи.. И эта книга намъ говоритъ, что и въ военномъ вѣдомствѣ что-то неладно, и оно требуетъ большой чистки въ духѣ русской дистилляціи...

И какой бы мы области не тронулись—всюду одно и тоже—паденіе національнаго духа и низкопробный индифферентизмъ и интернаціонализмъ.

Вотъ почему *важно*, *чтобы и наука и пресса наша открыто и громко исповѣдывали національный символъ вѣры* и давали сдержанный, покойный и вѣскій отпоръ наглымъ нападкамъ враговъ нашей народности и нашей родины, особенно

тѣхъ, кто состоитъ на службѣ и питается на счетъ нашей же родины.

Нужно безусловно твердо установить, чтобы *промышленность, торговля, трудъ и кредитъ* были *національными* Какъ промышленность, такъ и торговля могутъ быть національными двояко: 1-е промышленность и торговля могутъ находиться въ рукахъ лицъ данной націи и 2-е промышленность и торговля должны служить интересамъ данной націи. Весьма важно, чтобы и то и другое въ государствѣ находилось въ рукахъ державной, господствующей русской націи. Нѣтъ слова, и соподчиненныя націи могутъ вести промышленность и торговлю, — но поощреніе государства должно касаться только лицъ державной націи, никакимъ образомъ не поддерживая иностранцевъ и враждебныхъ инородцевъ, какъ напр. евреи.

Особенно же важна націонализація капитала [1]). «Капиталъ, какъ промышленный, такъ и торговый, это—живое воплощеніе экономической и соціальной власти и поэтому передача его инородцамъ равносильна передачѣ имъ командующаго положенія надъ державнымъ народомъ на всемъ полѣ его личной, хозяйственной, политической и духовной жизни. Кто владѣетъ капиталомъ, тотъ въ нашъ капиталистическій вѣкъ владѣетъ всѣмъ: фабриками, заводами, магазинами, землею, монопо-

1) *И. Гофштеттеръ.* Націонализація государственнаго кредита.

ліею минеральныхъ богатствъ, всѣми источниками дохода и обогащенія, жизнью и благополучіемъ массъ, владѣетъ вашимъ трудомъ и заработкомъ, командуетъ вашей волей, располагаетъ печатью, формирующею нашу психику. Въ его рукахъ общественная мысль и воля, участь каждаго гражданина, судьба государства и народа. Онъ есть настоящій властитель міра. Деньги— это узелъ міровой жизни...

Нужно ли добавлять, что государственный кредитъ, т. е. капиталъ даваемый государствомъ въ кредитъ, долженъ исключительно и безусловно идти въ руки державной націи и—ни подъ какимъ видомъ не въ руки инородцевъ, особенно жидовъ. Капиталъ, даваемый государствомъ жидамъ, есть капиталъ направленный противъ интереса и пользы государства,—а потому Государственная Дума должна всѣми своими силами стремиться къ тому, чтобы на будущее время государственный кредитъ былъ *исключительно* и *безусловно національный*, т. е въ рукахъ лицъ державной націи. Что же касается прошлаго, то должно стремиться къ неукоснительному постепенному изъятію русскаго капитала изъ рукъ жидовъ и другихъ инородцевъ.

За то *мелкій кредитъ* лицамъ русской націи долженъ быть возможно расширенъ и поддержанъ, что дастъ возможность поднять экономическое положеніе трудящейся массы и общее благосостояніе Имперіи.

Трудно перечислить всѣ условія жизни, при которыхъ должно поддерживать русское національное достоинство. Каждый изъ насъ долженъ это дѣлать всегда и при всѣхъ случаяхъ.

Съ точки зрѣнія пользы родины важно, чтобы *земскія и общественныя учрежденія чутко относились къ потребностямъ народа, особенно въ дѣлѣ воспитанія дѣтей.* Весьма важно, чтобы *народныя школы* превратились въ національныя *профессіональныя школы.* Такъ, въ областяхъ, гдѣ преобладаетъ земледѣліе, *основою народной школы должно быть изученіе почвы, ея обработки, наилучшаго ея использованія,*—а уже *пособіемъ и средствомъ* къ этому познанію *должна быть грамота* и изученіе книгъ, какъ касающихся сельскаго хозяйства, такъ и познаній родины.

Тамъ, гдѣ есть глина и гдѣ занимаются горшечнымъ производствомъ и проч., дѣти должны начать свои занятія съ глиняннаго производства и рядомъ съ этимъ заниматься грамотою, какъ пособіемъ къ изученію производства, а также познаніемъ родины. Таково же должно быть отношеніе и къ другимъ видамъ производства.

Для этого должны быть въ земствѣ надлежащіе учителя, образцы и средства. *Грамотность должна быть не цѣлью, а средствомъ къ познанію.*

III.

Національное образованіе.

Образованіе, какъ и воспитаніе, должно быть для русскихъ *строго національнымъ*, а для *инородцевъ—строго патріотичнымъ*.

По отношенію къ предметамъ преподаванія, школы всѣхъ странъ болѣе или менѣе сходны. Но въ отношеніяхъ религіозномъ, національномъ и политическомъ, каждая школа, каждый учитель, должны служить своей церкви, своему народу, своему государству. Отъ русскихъ людей, воспитанныхъ инородцами, нельзя ожидать ни основательнаго знанія своей страны, ни разумной любви къ своему отечеству, ни пониманія его истинныхъ интересовъ. А потому и во главѣ школъ и преподаванія должны быть надежные русскіе люди.

Я позволю себѣ остановиться еще на одной сторонѣ нашихъ школъ. Русскія школы, говоритъ И. П. Корниловъ, еще въ недавнее время заботились преимущественно о внѣшнемъ порядкѣ и дисциплинѣ и о формальномъ исполненіи учебныхъ программъ; но въ отношеніи воспитанія воли, на-

клонностей, убѣжденій и національнаго чувства— они отличались индифферентизмомъ. Вслѣдствіе такой внѣшней постановки школьнаго дѣла, у насъ обращалось весьма мало вниманія на вѣроисповѣданіе, національность и даже на образъ мыслей лицъ, которымъ ввѣрялось воспитаніе.

Тотъ же великій нашъ педагогъ возлагаетъ на преподавателей и руководителей еще одинъ важный и существенный долгъ, чтобы они, «руководя физическимъ, нравственнымъ и умственнымъ воспитаніемъ своихъ питомцевъ, оберегали бы еще не окрѣпшіе и развивающіяся природныя силы *не утомляли ихъ непосильными трудами*». Увы это требованіе и до селѣ тщетно. Сколько разъ приходилось наблюдать, что дня два почти нѣтъ никакихъ занятій, а за тѣмъ сразу назначаются со всѣхъ предметовъ дѣйствительно непосильныя заданія. Да и вообще наши русскія школы страшно грѣшатъ тѣмъ, что даютъ и требуютъ много излишнихъ и ненужныхъ мелочей и не умѣютъ сосредоточить учениковъ на главномъ и важномъ. Это грѣхи нетолько среднихъ, но и высшихъ школъ. Изъ нашихъ высшихъ техническихъ школъ часто выходятъ ученики съ богатѣйшими теоретическими познаніями, не умѣя провести въ домѣ электрическаго звонка. Нашъ долгъ въ будущемъ долженъ состоять въ исправленіи двухъ главнѣйшихъ ошибокъ: отягченія нашихъ школъ излишней теоретичностью и изученія ненужныхъ мелочей. Non multum, sed multa.

Разумѣется, первымъ предметомъ образованія долженъ быть Законъ Божій—Новый Завѣтъ и его высоко нравственныя повелѣнія въ *духѣ Православной Церкви.* Я дѣлаю на этомъ особенное удареніе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между славянской рассой и православіемъ лежитъ органическая связь. Огромное большинство славянъ исповѣдуетъ православную вѣру потому, что православная церковь есть церковь любви, сострадания, милосердія, всепрощенія и самопожертвованія. Это тѣ качества, кои присущи и свойственны славянской народности. Католическая церковь—церковь воинствующая. Она противна духу славянской народности. Если вдуматься хорошо, то, быть можетъ, поляки много страдаютъ именно потому, что католицизмъ представляетъ дисгармонію съ духомъ ихъ мягкой, нѣжной, чувствительной народности. Если свойства русской народности откликнулись на особенности православной религіи, то съ другой стороны и православіе, въ теченіе тысячелѣтія, во многомъ отозвалось на чертахъ характера и духа славянской народности. Православіе усилило, укрѣпило и освятило славянскую любовь къ ближнему, его желаніе помочь страждущимъ и угнетеннымъ, его стремленіе къ состраданію и самопожертвованію и т. д. Посмотрите на исторію Россіи послѣднихъ столѣтій, и вы видите великія ея жертвы сотнями тысячъ ея дѣтей за благо угнетаемыхъ братьевъ,—милліардами денегъ, проценты за которые мы платимъ и теперь... Все это воин-

ствующею церковью называется сантиментализмомъ и глупостью,—а православная церковь эти жертвы освящаетъ, какъ проявленіе любви и самопожертвованія «за други своя»... Православіе въ Россіи—не случайность, а религія ея духа народнаго, духа—воспріявшаго православіе какъ наиболѣе удовлетворяющую религію; оно же укрѣпляетъ и поддерживаетъ основныя народныя черты.

Кромѣ того при преподаваніи Закона Божія, нужно особенно рѣзко и настойчиво оттѣнить Завѣты Нашего Великаго Учителя въ Его Евангеліи, и возможно меньше останавливаться на Ветхомъ Завѣтѣ,—завѣтѣ жестокости и человѣконенавистничества [1]).

А затѣмъ, какъ ни страннымъ можетъ показаться, *я самымъ важнѣйшимъ предметомъ образованія въ національномъ отношеніи считаю географію родины* въ самомъ широкомъ смыслѣ слова или *познаніе естественныхъ, историческихъ и духовныхъ свойствъ и богатствъ родной страны.* Каждый мальчикъ и каждая дѣвочка, сознающіе, что они живое мыслящее существо, въ то же время должны сознавать и то, что они русскіе. А чтобы достойно носить это имя, они немедленно же должны знать, что такое Россія, каковы ея достоинства, естественныя сокровища и исторія и почему почетно имя русскаго. Поэтому при первомъ же пробужденіи познавательной

[1]) Объ этомъ я много говорю въ своей брошюрѣ „Библія и нравственность“.

дѣятельности и наступленіи времени, когда нужно учить, — учить должно прежде всего познавать свою родину. Изученіе должно начаться съ познанія ея языка и ея естественныхъ богатствъ. Изученіе природы должно происходить среди самой природы, путемъ мелкихъ экскурсій. Поле, лугъ, лѣсъ, рѣка, ручеекъ, озеро, болото, горки, овраги, огородъ, садъ—все это тѣ предметы, при посредствѣ которыхъ познается вначалѣ родина. Этимъ способомъ невольно усвояются формы воды и суши, почва, геологическое строеніе, сельско-хозяйственныя формы и т. д. Засимъ само собою слѣдуетъ промышленность фабричная, заводская, кустарная, какъ данной мѣстности, такъ и сосѣднихъ мѣстъ и всего государства. Отсюда само собою возникаютъ свѣдѣнія о торговлѣ, путяхъ сообщенія, сбытѣ, производительности и т. д.

Рядомъ съ этимъ должны быть сообщаемы и историческія данныя: какъ эта часть Россіи досталась намъ, какіе на ней шли перевороты, какіе историческіе моменты она переживала и какъ въ нихъ участвовала, какое теперь ея отношеніе къ цѣлому и частямъ, ростъ и проч. Весьма важную роль въ этомъ отношеніи играютъ памятники старины: старыя церкви, постройки, памятники, учрежденія и все то, что имѣетъ тѣсную связь съ исторіею прошлаго данной мѣстности и всей Россіи.

Такъ постепенно возникаютъ свѣдѣнія о богатствахъ страны, ея производительности, народности, исторіи, культурѣ и развитіи,—а съ позна-

ніемъ всего этого дѣти безусловно полюбятъ и свой народъ и свою родину.

По тщательномъ и всестороннемъ изученіи родины должно переходить къ изученію отечества. Естественно, что это послѣднее будетъ столь же легкимъ и столь же интереснымъ, какъ и изученіе родины. Важнымъ пособіемъ при этомъ могутъ быть рисунки, чертежи, карты, описанія жителей, ихъ нравы, обычаи, исторія, время и способъ присоединенія къ Россіи и т. п.

Важное значеніе познанія родины въ духѣ національнаго развитія понималъ и хотѣлъ провести въ жизнь сподвижникъ нашего императора-націоналиста, бывшій подъ конецъ своей жизни министромъ просвѣщенія, П. С. Ванновскій. Въ жалкій періодъ существованія нашихъ среднихъ школъ вступилъ въ министерство П. С. Ванновскій. Онъ первый началъ выбрасывать изъ школы ненужный баластъ и онъ первый ввелъ въ школу *отечествовѣдѣніе*. Плачевно окончилась его попытка. Онъ палъ... Палъ странно и грустно... Его не напутствовали добрымъ словомъ... Я глубоко убѣжденъ, что именно потому онъ и палъ, что былъ сподвижникомъ императора-націоналиста... Онъ палъ потому, что хотѣлъ провести въ жизнь его завѣты... Онъ палъ потому, что хотѣлъ произвести на пользу родинѣ самый живой и самый важный для государства и народа образовательный переворотъ...

Кто же могъ поддержать и провести его начинанія?... Карьеристы его приближенные? Ненави-

дѣвшіе своею измѣнническою душою Россію инородцы, либеральничающіе русскіе, или люди въ футлярахъ?.. Люди живые, родители, общество сразу поняли и оцѣнили предпріятія П. С. Ванновскаго, — но они были рабами и не смѣли подать своего голоса...

Изученіе географіи или отечествовѣдѣнія особенно сильно развито и установлено во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ особенно велика сила національнализма. Таковы—Германія, Японія, Италія и проч. Не стыдно и намъ взять примѣръ съ тѣхъ странъ и приняться за тщательное и всестороннее изученіе своей родины. Только знаніе и познаніе родины вселитъ въ дѣтяхъ любовь къ ней, желаніе ей добра и рѣшимость на самопожертвованіе.

Изученіе родины должно производиться какъ въ *низшихъ народныхъ*, такъ и въ *среднихъ и высшихъ школахъ Россіи*.

Въ низшихъ деревенскихъ школахъ каждый ученикъ вмѣстѣ съ грамотою долженъ знать прежде всего свое село, свою деревню: его почву, ея обработку, лѣса, злаки, глину, животныхъ, исторію мѣстности въ связи съ исторіей народа и т. д. Усвоивъ это, онъ долженъ въ такомъ же порядкѣ изучить сосѣднія деревни, уѣздъ, всю губернію и сосѣднія губерніи и всю Россію. Только послѣ этого онъ можетъ приступить къ изученію всеобщей географіи. Пускай онъ не знаетъ Азіи, Европы, Испаніи и т. д., но знаетъ свою Голодаевку, Малмыжскій уѣздъ и Костромскую губер-

нію... Важно, чтобы всѣ дѣти умѣли чертить на доскѣ и на бумагѣ наброски карты своей деревни, съ ея рѣчкою, ручейками, лѣсами, дорогами, расположеніемъ деревни и полей, съ указаніемъ сосѣднихъ границъ... Такъ познаются иногда великіе будущіе ученые и государственные дѣятели...

Насколько важно внѣдрять въ душу дѣтей познаніе окружающей ихъ природы и хозяйственнаго производства видно изъ инструкціи, данной во Франціи учителямъ народныхъ школъ. Прежде всего учителя обязаны вдохновлять дѣтей народа «любовью къ жизни среди полей». Школа должна заняться «подготовкою ребенка къ интеллигентному усвоенію дѣла, отъ котораго онъ будетъ жить, и дать ему вкусъ въ его будущей профессіи; въ этомъ отношеніи учитель никогда не долженъ забывать, что наилучшее средство заставить ребенка полюбить свою работу—это заставить его понять ее .. Цѣль начальнаго сельскохозяйственнаго обученія—это *пріохотить* наибольшее число дѣтей нашихъ деревень *къ элементарнымъ знаніямъ, необходимымъ для плодотворнаго чтенія книгъ* по современному земледѣлію, для плодотворныхъ занятій въ агрикультурѣ; это—вдохнуть имъ любовь къ жизни среди полей и желаніе не мѣнять ее на жизнь города или завода,—это проникнуть ихъ той истинной, что занятіе земледѣльца, самое независимое изъ всѣхъ, есть болѣе прибыльное, чѣмъ множество другихъ, для работника трудолюбиваго, интеллигентнаго и обученнаго». Средствами же

для этого должны служить: уроки, наглядная культура въ школьномъ огородѣ или саду и экскурсіи по полямъ и лугамъ и т. п. Въ школьномъ саду или огородѣ должно быть заведено слѣдующее: овощи, ботаническій питомникъ, цвѣты и показательное поле... Учитель при этихъ занятіяхъ долженъ оставить свое основное занятіе — обучать малышей первоначальной грамотѣ, превратившись на этотъ разъ уже въ плантатора (Ив. Чистяковъ [1]). Французское правительство въ этомъ отношеніи смотритъ далеко не односторонне. Оно приказываетъ своимъ народнымъ учителямъ прививать дѣтямъ любовь къ труду, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ природы. Такъ, въ 1898 г. оно издаетъ циркуляръ, требующій обученія дѣтей народной школы прибрежныхъ мѣстностей знаніямъ, связаннымъ съ занятіями и промыслами рыбака и моряка. «Учитель можетъ и долженъ приспособить свое обученіе къ той средѣ, гдѣ онъ его даетъ»...

Точно также и въ среднихъ школахъ должно начинаться изученіе географіи не съ общихъ понятій: земной шаръ, полюсы, меридіаны и проч., а съ познанія своей губерніи: ея природы, исторіи, культуры, промышленности и проч. въ полнѣйшихъ подробностяхъ и со всѣми особенностями. При изученіи исторіи родины нужно начинать не съ Синеуса и Трувора, а съ исторіи данной мѣ-

[1]) *Ив. Чистяковъ.* Образованіе народа во Франціи. 1904.

стности въ связи съ ея положеніемъ и природою и только по усвоеніи этого переходить къ систематической исторіи Россіи Во всѣхъ этихъ случаяхъ, возвышая и относясь съ гордостью и любовью ко всему родному русскому, нужно стараться не задѣвать и не оскорблять нѣжное чутье дѣтскихъ сердецъ инородцевъ... Нужно, чтобы и въ нихъ воспитывались въ душѣ уваженіе и преданность русскому отечеству.

Для удобства изученія и для болѣе удовлетворительнаго внѣдренія и полноты знаній, я бы поставилъ обязательными слѣдующія требованія: *каждый учитель народной школы обязанъ составить полную и подробную географію своей деревни.* Сюда должно войти все то, что требуется для географіи: описаніе мѣстности, природы, почвы, особенности промысловъ, сообщеніе, промышленность и торговля, сношенія, историческіе памятники и пути и т. д.. и т. д. Эти очерки должны лечь въ основу его преподаванія и и провѣряться ежегодно совмѣстно съ учениками. Весьма важно, чтобы учитель эту свою географію области деревни прошелъ съ учениками на дѣлѣ, воочію, путемъ личнаго ознакомленія со всѣмъ, а за тѣмъ и учениковъ своихъ вовлекалъ въ составленіе такихъ очерковъ съ рисунками, графиками и проч., — и не брезгалъ пользоваться ими при составленіи своего очерка. Всѣ такіе очерки, охватывающіе и флору, и фауну, и историческіе памятники, и историческія событія и все остальное

необходимое, — должны каждымъ учителемъ по одному экземпляру, имъ составленному, быть представленными инспектору народныхъ училищъ. По разсмотрѣніи и провѣркѣ послѣднимъ, эти очерки должны передаваться имъ учителю географіи и исторіи уѣзднаго училища, а если въ уѣздномъ городѣ есть гимназія, то цѣлому комитету изъ учителей географіи, исторіи, русскаго языка и физики.

На этихъ учителей возлагается трудъ провѣрки этихъ данныхъ и составленія по нимъ очерка даннаго уѣзда съ чертежами, картами, если можно фотографіями, рисунками и проч. Было бы желательно, чтобы при провѣркѣ данныхъ принимали участіе и ученики уѣздныхъ школъ съ обязательствомъ составлять географическіе очерки уѣзда. Должно также, чтобы при этой переработкѣ сельскихъ данныхъ производилась оцѣнка дарованій труда и добросовѣстности сельскихъ учителей и кому-жъ воздавалось по трудамъ его. Этимъ способомъ могутъ быть отмѣчаемы и выдвигаемы даровитыя натуры.

Составленные такимъ комитетомъ очерки уѣзда передаются попечителю учебнаго округа, который поручаетъ комитету изъ учителей гимназіи географіи, исторіи, естественныхъ наукъ, словесности и физики пересмотрѣть всѣ эти очерки уѣздовъ и по нимъ составить географію губерніи. Эти географическіе очерки губерніи должны лечь въ основу преподаванія географіи ученикамъ гимназіи данной

губерніи, при чемъ эти ученики должны предпринимать экскурсіи съ своимъ учителемъ въ важнѣйшія мѣста губерніи для ознакомленія съ оными и составленія очерковъ.

Составленный географическій очеркъ губерніи передается комитету изъ профессоровъ университета и выдающихся преподавателей гимназіи округа, для составленія географіи округа, какъ Кавказа, Сибири, Туркестанскаго края, Финляндіи и т. д. Эти очерки округовъ передаются въ Министерство, которое поручаетъ достойнымъ спеціалистамъ составленіе описанія Россійской Имперіи во всей ея полнотѣ.

Географическіе очерки округовъ Россіи должны быть печатаемы по новымъ даннымъ черезъ каждые три года и разсылаемы по всѣмъ народнымъ училищамъ для *безплатной раздачи* всѣмъ ученикамъ народныхъ училищъ Точно также каждые пять лѣтъ должна издаваться географія Россіи и разсылаться по уѣзднымъ училищамъ для безплатной раздачи всѣмъ ученикамъ этихъ училищъ.

Провѣрка отпечатанныхъ данныхъ должна производиться всѣми учителями народныхъ училищъ ежегодно,—ежегодно должны быть сообщаемы эти свѣдѣнія по высшимъ комитетамъ, послѣдними должны производиться надлежащія измѣненія и дополненія, чтобы въ новыхъ изданіяхъ географіи были внесены всѣ эти измѣненія. Не внесенныя измѣненія, указанныя преподавателями, должны

падать на отвѣтственность составителей, попечителей и министерства.

Такъ должно быть поставлено отечествовѣдѣніе въ Россіи,—тогда только мы узнаемъ Россію и станемъ ей полезными.

Языкъ въ школѣ, въ судѣ, въ государственныхъ и дѣловыхъ сношеніяхъ въ Русскомъ государствѣ долженъ быть безусловно и непоколебимо *русскій*. Это языкъ господствующей державной націи и этотъ языкъ должны знать всѣ соподчиненные народы. Этотъ пунктъ весьма большой важности и уступокъ здѣсь не должно быть никакихъ.

«Языкъ и его произведенія, говоритъ Петръ Струве,[1])—самое живое, гибкое, самое тонкое и величественное воплощеніе національности, таинственно связанное съ ея таинственнымъ существомъ. Вотъ почему, когда на стволѣ государственности развился языкъ какъ органъ и выраженіе національности и ея культуры, смерть государственности не убиваетъ національности. «Языкъ, чтобы быть послушнымъ и художественнымъ орудіемъ нашей мысли, долженъ быть не только частью нашего знанія, но и частью нашей жизни, частью насъ самихъ» (С. А. Хомяковъ).

Къ цѣльности и достоинствамъ нашего языка должно отнести и то, что нашъ языкъ изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій является «самымъ славянскимъ», а кромѣ того онъ является языкомъ народнымъ. «Языкъ словесности, языкъ такъ назы-

[1]) *Петръ Струве*. Patriotica.

ваемаго общества во всѣхъ почти земляхъ Европы мало принадлежитъ народу. Французскій напр. языкъ—созданіе городовъ... Одна только Россія представляетъ явленіе великаго народа, говорящаго языкомъ своей словесности» (С. А. Хомяковъ).

«Можно ли отрицать, что русскому, потому что онъ русскій, и въ той же мѣрѣ, въ какой онъ русскій, духъ нашей исторіи, мотивы нашей поэзіи, весь ходъ и все настроеніе народной жизни откроется яснѣе и полнѣе, чѣмъ французу, хотя бы послѣдній овладѣлъ вполнѣ русскимъ языкомъ и такою массою матеріаловъ, какою никогда не располагалъ ни одинъ русскій ученый», говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ,[2]).

Вотъ почему, если мы желаемъ, чтобы всѣ культурныя или слабокультурныя соподчиненныя намъ національности пріобщились къ нашей культурѣ и обрусѣли, мы должны обязательно и неукоснительно обучить ихъ русскому языку, дабы въ каждомъ поколѣніи этотъ языкъ сталъ ихъ роднымъ и наша русская культура стала ихнею культурою. Вотъ почему непозволительно и преступно допускать, чтобы въ Русскомъ государствѣ соподчиненныя Россіи національности осмѣливались національнизировать другія соподчиненныя національности. А между тѣмъ это дѣлается. Финны осмѣливаются офинивать кореловъ и лопарей. Поляки осмѣливаются ополячивать литовцевъ и бѣлоруссовъ, нѣмцы осмѣливаются онѣмѣчивать эстовъ и литвиновъ...

2) *Ю. Ѳ. Самаринъ.* Сочиненія, т. I, стр. 114.

Этого не должно быть. Преступленіе со стороны народностей производить это. Преступленіе со стороны русской администраціи допускать это. Національная партія обязана слѣдить за этимъ и при всякомъ удобномъ случаѣ вносить запросъ въ Государственную Думу.

А вотъ что говоритъ по этому поводу декабристъ П. И. Пестель[1]). «Когда въ прошломъ столѣтіи часть Финляндіи была Россіею пріобрѣтена, тогда введены были въ оную законы, правленіе и языкъ россійской, такъ что народъ, въ оной обитаемый, въ скоромъ времени почти совсѣмъ обрусѣлъ...». Это было въ XVIII столѣтіи. Въ XIX столѣтіи присоединилась новая часть Финляндіи и вотъ что о ней говоритъ Пестель: «Что же касается языка, то надлежитъ ввести въ Финляндію россійскій языкъ, устраивать нужныя для сего училища и принимать другія къ той же цѣли ведущія мѣры по усмотрѣнію Верховнаго Правленія». Точно также онъ строго стоитъ за введеніи русскаго языка у колонистовъ и всѣхъ остальныхъ инородцевъ.

Я полагаю, что преподаваніе во всѣхъ школахъ должно непремѣнно вестись на русскомъ языкѣ. Исключеніе можетъ быть только въ двухъ случаяхъ 1. Если инородцы не обыкновенно тупы, глупы и дики. Это люди, стоящіе на самой низкой степени развитія. Таковы напр. на Кавказѣ сваны, въ Сибири якуты, тунгузы и проч. Вотъ

[1]) *П. И. Пестель.* Русская Правда, 41 и др.

у этихъ совершенно некультурныхъ людей въ первый годъ школьной жизни можно допустить, какъ пособіе, родной языкъ,—но затѣмъ быстро свести его на русскій и на русскомъ уже продолжать дальнѣйшее образованіе. Что же касается такихъ націй, какъ поляки и проч., то стыдно даже допустить мысль, чтобы и у нихъ можно было бы допустить польскій языкъ, какъ пособіе.

2. Инородческій языкъ можно допустить въ школу у культурныхъ націй, напр. у поляковъ, при прохожденіи ими ихняго Закона Божія, исторіи и литературы,—но рядомъ съ этимъ могутъ слушать курсы и дѣти русскихъ семействъ.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ и всегда въ Россіи долженъ царить русскій языкъ.

Насколько, однако, мы небрежны къ своему родному языку—показываетъ случай, обнаруженный ревизіей сенатора Нейдгарта.

Въ 1905 году общество Варшаво-Вѣнской желѣзной дороги, ссылаясь на законъ 6 іюня 1905 г. о расширеніи правъ польскаго языка. замѣнило въ дѣлопроизводствѣ дороги русскій языкъ польскимъ, хотя закономъ такая замѣна вовсе не оправдывалась. Министерство путей сообщенія не приняло немедленно мѣръ къ возстановленію нарушеннаго порядка; напротивъ, оно скорѣе склонно было даже поддержать новый порядокъ, Но *рѣшительно возсталъ противъ польскаго языка въ желѣзнодорожномъ производствѣ генералъ-адъютантъ Скалонъ, по должности командующаго войсками вар-*

шавскаго военнаго округа представившій свои соображенія въ пространномъ письмѣ начальнику генеральнаго штаба. *Отрицая* возможность какихъ-либо въ этомъ отношеніи *льготъ*, авторъ письма *категорически свидѣтельствовалъ, что «они будутъ объяснены уступкой и только дадутъ мѣстному населенію края, подъ вліяніемъ* агитаторовъ, идею самосознанія, *подогрѣютъ польскія національныя надежды и* притязанія и послужатъ поддержкою польскому броженію».

Такъ могъ и долженъ былъ говорить представитель русской власти въ краѣ, всячески обособляющемъ себя отъ всего русскаго, сепаратизмъ котораго въ томъ же 1905 г. вспыхнулъ яркимъ пламенемъ.

Письмо генерала Скалона повело къ немедленному образованію при министерствѣ путей сообщенія комиссіи, въ которой представитель командующаго варшавскимъ военнымъ округомъ въ совершенно опредѣленной формѣ отрицалъ всякую возможность допущенія льготъ польскому языку. Однако комиссія тогда (въ сентябрѣ 1905 г.) къ окончательнымъ заключеніямъ не пришла, вслѣдствіе чего министръ путей сообщенія черезъ полгода рѣшилъ возобновить ея занятія. Но къ этому времени произошло нѣчто совершенно непонятное. Иниціаторъ вопроса генералъ Скалонъ, увѣдомилъ министра путей сообщенія что онъ признаетъ излишнимъ назначеніе въ комиссію представителя отъ варшавскаго военнаго округа, а *ко-*

мандированный въ нее *представитель варшавскаго генералъ-губернатора* (г. е. того же генерала Скалона, совмѣщающаго съ должностью командующаго войсками должность главнаго начальника края), основываясь на полученныхъ инструкціяхъ, *единственный изъ всѣхъ представитель правительства находилъ желательнымъ введеніе польскаго языка въ дѣлопроизводство частныхъ желѣзныхъ дорогъ.*

Несмотря на столь неожиданный оборотъ дѣла, министръ путей сообщенія полгода спустя послалъ на заключеніе варшавскаго генералъ-губернатора проектъ представленія Совѣта Министровъ о полномъ возстановленіи самовольно нарушеннаго Варшаво-Вѣнской дорогой порядка, т е. устраненія польскаго языка изъ ея дѣлопроизводства. Это было въ октябрѣ 1906 г. и только въ мартѣ 1908 г., вслѣдствіе повторныхъ просьбъ объ отвѣтѣ, генералъ *Скалонъ сообщилъ о полномъ своемъ несогласіи съ проектомъ, нарушающимъ, по его мнѣнію, права польской націи на пользованіе роднымъ языкомъ*, ибо «не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что языкъ есть первый признакъ жизни всякой національности.

Полное противорѣчіе во взглядахъ генералъ-адъютанта Скалона отчетъ объясняетъ тѣмъ, что первоначальная переписка по этому вопросу шла черезъ штабъ военнаго округа, а послѣдующая—по генералъ-губернаторской канцеляріи.

Мы совѣтуемъ всѣмъ правителямъ отвѣтствен-

ныхъ областей Имперіи помнить, что языкъ есть первый признакъ жизни всякой націи, и такъ какъ они призваны повсюду служить интересамъ Русскаго государства и русской націи, то и должны отстаивать языкъ этого народа, дабы сохранить русскую государственную жизнь на всякой инородческой окраинѣ.

Подобное отношеніе нашихъ высокихъ администраторовъ къ національному и государственному долгу я считаю съ національной точки зрѣнія въ высокой степени преступнымъ. Такихъ людей должно предавать суду и судить сугубо.

Въ образованіи и воспитаніи дѣтей играютъ важную роль системы, которыя царятъ въ нашихъ среднихъ школахъ. Системъ этихъ двѣ: классическая и реальная. Классическая, говорятъ, готовитъ тупицъ,—реальная—безбожниковъ и анархистовъ. Таковъ опытъ прежней нашей жизни. И первая для родителей—ужасъ, и вторая—не меньшій. Но все таки, какъ ни ужасенъ второй исходъ, а мы, родители, капельку вздохнули, когда изъ среднихъ школъ убрали греческій языкъ и поослабили римскій. О, въ доброй памяти у насъ тотъ кошмаръ, когда латынью и греками давили насъ, забивали и убивали. Проклятье и нынѣ виситъ надъ Деляновымъ, Аничковымъ и др., избивавшими младенцевъ русскихъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ Иродъ царь въ Іудеѣ. И вотъ въ этомъ году вновь переполохъ. Еще почти на дняхъ былъ съѣздъ представителей классицизма въ среднихъ школахъ

министерства просвѣщенія. И, насколько видно изъ газетъ, не безъ милостиваго вниманія министерства народнаго просвѣщенія. Невольно у каждаго дрогнуло сердце—неужели?... Отвѣта нѣтъ, и дай Богъ, чтобы его не было.

Этотъ ужасный кошмаръ заставляетъ насъ взглянуть на вопросъ о классическомъ образованіи съ другой стороны

Что такой классицизмъ? Съ одной стороны — литературный терминъ, — а съ другой система образованія. Съ литературной точки зрѣнія классическими называли литературныя творенія золотого вѣка латинской литературы.

Вскорѣ это понятіе стали расширять. Сюда отнесли произведенія и всѣхъ древнихъ римскихъ писателей. Сюда отнесли и греческихъ и византійскихъ писателей. Классицизмъ—ученіе и направленіе, прозводимое этими писателями. Вскорѣ это ученіе стали называть гуманистическимъ и гуманитарнымъ, ибо оно всесторонне, якобы, развивало умъ и волю и создавало человѣка, гражданина.— Классическая система имѣла за себя тѣ важныя преимущества, что латинскій и греческій языки являлись языками мертвыми и законченными, и дѣти, изучая ихъ, упражнялись въ изученіи точности, опредѣленности и законченности.

Благо.

Мы не будемъ входить въ разборъ этихъ понятій и въ полемику. Скажемъ только, что «человѣкъ» нынѣ умеръ, а изъ него народились фран-

цузы, нѣмцы, испанцы, итальянцы и т. д., и та нація, которая своихъ дѣтей будетъ готовить «человѣками», обрекаетъ себя на съѣденіе, ибо этихъ «человѣковъ» съѣдятъ французы, испанцы и т. д. Погибнетъ и та нація, которая будетъ учить своихъ дѣтей точности, опредѣленности и законченности на латыни и грекахъ, а не на математикѣ, физикѣ, химіи и техникѣ.

Но нѣтъ ли здѣсь недоразумѣнія? Почему же французы, нѣмцы, англичане, испанцы, итальянцы и проч. такъ настойчиво, такъ усиленно, такъ трудолюбиво, такъ продолжительно изучаютъ латынь? Никакого. И вотъ почему.

Французы, нѣмцы, испанцы, итальянцы и проч. имѣютъ свою исторію, свою культуру, свои преданія, свою религію, свой языкъ — изъ Рима. Кто желаетъ получить прочное образованіе, точныя знанія, истинное просвѣщеніе, уваженіе къ своему прошлому, любовь къ настоящему и желаніе славы и величія въ будущемъ своей родинѣ, тотъ долженъ весьма и весьма тщательно изучать основу и корни своего прошлаго. Римская культура, исторія и религія есть основа для всѣхъ этихъ народовъ,—есть корень и почва, изъ которыхъ произошли эти націи. Всѣ эти націи есть производное Рима, воспріявшаго культуру Византіи. Изучая этихъ классиковъ, романскіе народы изучаютъ свою древную родную культуру, исторію, религію и языкъ. Они изучаютъ точность, опредѣленность и законченность своего родного, своего

національнаго. Романскія и германо-романскія націи не только должны, но и не могутъ не изучать своихъ классиковъ, ибо это ихъ народное, національное.

Ну а для чего же намъ, славянамъ, изучать этихъ классиковъ? Что они для насъ составляютъ? Ровно ничего. Да если бы это такъ было,—а то, при нашемъ усердіи не въ мѣру, они являются для насъ лишнею, тяжелою, подавляющею обузою. Латыняне и греки, въ томъ видѣ, какъ ихъ намъ преподносили, являются для насъ излишними, опасными и вредными. Они могутъ составлять предметъ любознательности въ будущемъ, какъ китайскій, индійскій и др. языки, но какъ система воспитанія—это великое зло

Для насъ, русскихъ славянъ, должны быть и свои классики. Для насъ должна быть своя родная, національная, древняя основа, свой собственный родной классицизмъ, дающій намъ и нашу исторію, и нашу древнюю культуру, и нашу родную вѣру и нашъ родной языкъ. Такой классицизмъ у насъ есть и мы должны изучать его такъ же тщательно, такъ же старательно, такъ же усердно, такъ же продолжительно, какъ романо-германскіе народы римскій классицизмъ.

Нашъ русскій классицизмъ заключается въ литературныхъ произведеніяхъ церковно-славянскихъ и церковно-славянскомъ языкѣ. Наши предки — скифы, сарматы и славяне—народы древніе, не моложе западныхъ народовъ. Наша культура—

современница европейской культуры и была нѣкогда не ниже, а выше ея. Только татарское иго затормозило культуру нашихъ предковъ,—а нынѣ мы не только догоняемъ европейцевъ, но во многомъ обгоняемъ ихъ. Наша исторія—исторія скифовъ, сарматъ и славянъ. Наша религія—религія этихъ же народовъ, и само православіе русскихъ, по духу и проявленію, иное, чѣмъ православіе хитрыхъ, коварныхъ, жестокихъ грековъ. Нашъ языкъ—древне-славянскій языкъ. Наша литература—древне-славянская литература. Она не нова. Еще Константинъ философъ, святитель Кириллъ, въ Херсонесѣ нашелъ святое писаніе на славянскомъ языкѣ,—а это было до Св. Владиміра.

Вотъ почему каждый, получающій образованіе и мнящій быть образованнымъ, русскій, долженъ тщательно изучать исторію нашихъ предковъ, нашу древнюю скифскую и сарматскую культуру, наши славянскія вѣрованія, преданія, обычаи и нашъ церковно-славянскій языкъ. Вотъ нашъ русскій—славянскій классицизмъ. Познай самаго себя.

Изученіе этого классицизма поставлено у насъ въ высокой степени неправильно и неудачно. Мы донынѣ нашихъ дѣтей давили латынью, а церковно-славянскій языкъ проходился кое-какъ. На этотъ предметъ отводилось 2—3 часа въ недѣлю въ теченіе одного года. Чтеніе на этомъ языкѣ идетъ въ высокой степени слабо и недостаточно

Чтеніе святого писанія производится на русскомъ языкѣ.

А между тѣмъ церковно-славянскій языкъ—языкъ богатѣйшій, выразительный и благозвучный. Это нашъ родной языкъ. Это тотъ языкъ, который создалъ языки и великорусскій, и малорусскій, и болгарскій, и сербскіе и др. Славянскія творенія заключаютъ въ себѣ нашу вѣру, нашу жизнь, нашу культуру, нашу исторію. Кромѣ религіозныхъ, мы имѣемъ на этомъ языкѣ произведенія историческія, поэтическія и научныя. Наши дѣти должны тщательно и усердно изучать эти произведенія для усвоенія языка и для познанія своей собственной древней жизни.

Нашъ великій народный геній, М. В. Ломоносовъ, въ основу изученія русскаго языка ставилъ изученіе церковно-славянскаго языка. И это совершенно правильно.

Въ настоящее время изученіе «Слова о полку Игоревѣ», былинъ и проч. идетъ кое-какъ. Чтеніе Евангелія производится на русскомъ языкѣ. Изученіе древней литературы проходится поверхностно, по ничтожнымъ отрывкамъ.

Такъ ли это дѣлаютъ французы, итальянцы и проч. съ своими классиками? Такъ ли поступали и у насъ съ римскими и греческими классиками? Нѣтъ, совершенно наоборотъ. Какая же для нашихъ дѣтей отъ изученія латинскаго языка польза? Та же, что и для дѣтей французовъ и итальз-

янцевъ, если бы ихъ заставили изучать чуждыхъ имъ классиковъ. Кромѣ вреда—ничего.

Я вновь повторяю: нашъ классицизмъ — свой русскій-славянскій, родной, національный. Это—церковно-славянскій языкъ и произведенія на немъ. Въ нихъ наша исторія, наша культура, наши преданія, наша вѣра и нашъ родной языкъ. Мы должны обратить вниманіе нашихъ дѣтей на раскопки могилъ въ Россіи, ибо въ нихъ памятники нашей старины. Мы должны заставить нашихъ дѣтей прежде всего и серьезнѣе всего изучить свое прошлое на нашемъ древнемъ языкѣ. Святое писаніе должно читаться на церковномъ языкѣ.

Нельзя любить, не зная и не изучивъ предмета. А изучивъ славянскій языкъ, наши дѣти будутъ любить свой родной русскій языкъ и перестанутъ стыдиться говорить въ «обществѣ» на своемъ языкѣ. Они будутъ любить свою исторію, свое прошлое, свою культуру, свои былины, свою литературу, свою родину.

Только такимъ путемъ мы поставимъ Россію на почву національнаго, искусственно и нарочито подавляемаго вѣковымъ ложнымъ классицизмомъ. *Русскій классицизмъ—славянскій*, а не романскій.

Языкъ несомнѣнно тѣсно связанъ съ національностью и кладетъ на нее свой рѣзкій отпечатокъ. «Въ сокровищницу родного слова, говоритъ К. Д. Ушинскій, складываетъ одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній,

плоды историческихъ событій, вѣрованій, воззрѣній, слѣды прожитаго горя и прожитой радости,— словомъ, весь слѣдъ своей духовной жизни»...

«Какъ матеріалъ словесности, языкъ славянорусскій имѣетъ неоспоримое превосходство предъ всѣми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. Въ XI вѣкѣ древній греческій языкъ вдругъ открылъ ему свой лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное теченіе рѣчи; словомъ, усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отселѣ заемлетъ онъ гибкость и правильность. Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впослѣдствіи оно сблизилось и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей». (А. С. Пушкинъ, 618).

Важно обратить вниманіе на изученіе *иностранныхъ языковъ;* но не вести его такъ нелѣпо, какъ это дѣлали раньше, начиная учить едва ли не грудныхъ младенцевъ, что несомнѣнно, по справедливому замѣчанію Н. И. Пирогова, позоритъ національное чувство. Нашимъ дѣтямъ нужны французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Изученіе дѣтьми новѣйшихъ языковъ должно производиться не по безсмысленнымъ примѣрамъ существующихъ грамматикъ, а по живымъ примѣрамъ изъ текущаго преподаванія.

Преподаватели французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языка должны узнавать—какой урокъ предшествуетъ его уроку и соотвѣтственно тому на свой урокъ заготовлять слова и примѣры по предшествующему уроку географіи, исторіи словесности и проч. Такимъ образомъ предшествующій русскій урокъ по русской географіи до нѣкоторой степени будетъ повторяться на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. При этомъ самое изученіе иностранныхъ языковъ послужитъ къ большему утвержденію познанія родины и во всякомъ случаѣ будетъ полезнѣе и интереснѣе, чѣмъ современное изученіе съ безсмысленными примѣрами.

Изученіе народной *исторіи* должно быть особенно тщательно и предшествовать изученію Всеобщей исторіи. Вмѣстѣ съ изученіемъ исторіи собственнаго народа, *всѣ русскія дѣти должны знать также хорото исторію тѣхъ народностей, которыя входятъ въ составъ нашего обширнаго отечества.*

Всѣ дѣти должны знать исторію русскаго народа какъ «Отче нашъ», а исторію народностей русскаго государства, какъ «Символъ вѣры». Нужно знать прежде всего исторію своего народа, затѣмъ народностей нашего государства, затѣмъ исторію нашихъ братьевъ славянъ, затѣмъ исторію нашихъ враговъ и, наконецъ, исторію всѣхъ народовъ. Но ни одинъ предметъ не требуетъ такой осторожности въ выраженіяхъ при преподаваніи,

какъ исторія. Ни подъ какимъ видомъ не позволительно допускать выраженій, могущихъ оскорбить слухъ и духъ дѣтей инородцевъ. Эти дѣтскія сердца и безъ того слишкомъ чувствительны. Не слѣдуетъ замалчивать и героевъ инородцевъ. Всѣ герои заслуживаютъ уваженія слѣдующихъ поколѣній и сближаютъ людей между собою.

Между тѣмъ въ настоящее время съ положительностью можно сказать, что 90% образованныхъ русскихъ не могутъ даже перечислить народностей Россіи и плохо знаютъ исторію Польши, Финляндіи, Грузіи, Арменіи и проч. Знанія даютъ силу, — невѣжество—безсиліе. Несомнѣнно важнѣе также, чтобы каждый русскій зналъ исторію Россіи, всѣхъ народностей, въ нее входящихъ, чѣмъ исторіи Цвингли, Карловинговъ и пр. Позорно знать весь міръ и не знать родины.

Не менѣе важно для насъ *преимущественное изученіе литературы нашей націи и ея народностей.* Въ литературѣ познается духъ народовъ и его жизнь. Стыдно и непростительно не знать того, что написали и что имѣютъ народности, составляющія нашу родную страну, если эти писанія достойны познанія; поэтому прежде нужно изучить нашу родную русскую литературу и литературу поляковъ, грузинъ, армянъ и финновъ, а потомъ уже приступить къ литературѣ всеобщей. Странно, но вѣрно. Въ этомъ отношеніи мы можемъ встрѣтиться съ многими неожиданностями. Такъ, всѣ кричатъ о высокой культурѣ финновъ.

На дѣлѣ эта страна—страна высокаго благосостоянія народа, созданнаго на плечахъ Россіи,—ея литература же и наука—ниже многихъ другихъ народностей, входящихъ въ составъ Россіи.

Было бы важно, чтобы и всеобщая исторія, по мѣрѣ возможности, проходилась въ связи съ исторіею родины, а не была бы отдѣлена отъ нея какою-то непроницаемою стѣною.

Все преподаваніе въ среднихъ школахъ должно быть проникнуто однимъ — познаніемъ Россіи и возможностью принести пользу своимъ знаніемъ своей родинѣ. Такъ, изученіе въ реальныхъ училищахъ химіи и проч. должно быть тѣсно связано съ знаніемъ, гдѣ въ Россіи имѣются тѣ или другіе элементы, гдѣ фабрики, вырабатывающія тѣ или другіе продукты и проч.

Могутъ ли быть *высшія школы*—университеты, академіи и проч. національными?

Наука всемірна. Наука универсальна. Наука одинакова для всѣхъ. Наука—это свѣтъ міра. Наука — это свѣточъ народовъ. Да, истины науки неизмѣнны, но ея проявленія у различныхъ народовъ не одинаково. Наука вліяетъ на націи,—но и націи не безразлично относятся къ наукѣ.

«Народность мысли, опредѣляя какъ бы спеціальное ея значеніе въ области науки, наводитъ ее на пути къ откры тіямъ, постепенно раздвигающимъ предѣлы общечеловѣческаго знанія, говоритъ Ю. Ф. Самаринъ [1]). Это кажется безспор-

[1]) *Ю. Ф. Самаринъ.* Сочиненія, т. I, стр. 115.

но, но еще не все. Заключая въ себѣ возможность односторонности воззрѣнія, или пристрастія, народность познающей мысли въ тоже время представляетъ намъ ручательство за постепенное освобожденіе отъ предѣловъ ею же полагаемыхъ».

Призваніе народности въ дѣлѣ науки, представляется въ двоякомъ видѣ: съ одной стороны сродство мысли познающей съ мыслію, проявившею себя исторически, заключаетъ въ себѣ одно изъ существенныхъ условій постиженія внутренняго смысла и побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ эти проявленія; съ другой непричастность народнаго воззрѣнія къ предубѣжденіямъ и односторонностямъ, налагающимъ свое клеймо на воззрѣнія другихъ народовъ, даетъ возможность общечеловѣческому воззрѣнію постепенно расшириться и освободить себя отъ тѣсныхъ рамокъ, временно его ограничивающихъ»...

«Народность есть больше, чѣмъ объектъ мысли,—сама мысль должна получить отъ нея свое образованіе, ибо какъ въ исторіи общечеловѣческія начала проявляются не иначе, какъ въ народной средѣ, такъ и въ области науки мысль возводитъ эти начала въ сознаніе черезъ ту же народную среду».

«Каждый народъ долженъ себя разсказать, объяснить, раскрыть и опредѣлить свое отношеніе къ другимъ народностямъ, до него сошедшимъ со сцены и уступившимъ ему право первенства. Онъ одинъ можетъ исполнить свою задачу и

если онъ ее не исполнитъ, то для потомства останется навсегда многое неразгаданнымъ и темнымъ въ его исторіи. За тѣмъ произнести надъ нимъ историческій приговоръ, собрать во едино и оцѣнить сумму его пріобрѣтеній, показать, что онъ дѣлалъ и чего онъ не могъ сдѣлать, опредѣлить его значеніе въ отношеніи къ послѣдующимъ судьбамъ человѣчества, можетъ только другой народъ, который пріиметъ отъ него умственное наслѣдство» (Ю. Ф. Самаринъ).

Такимъ образомъ тѣсная связь между наукою и народностію стоятъ столь цѣпко и незыблемо, что едва ли это можно какъ нибудь подорвать и опровергнуть. Въ сущности сама наука создается народностью и тѣмъ она полнѣе, чѣмъ народность была созидательнѣе.

«Наука, конечно, вѣчная незыблема для всѣхъ и каждаго въ основныхъ законахъ своихъ, говоритъ Ѳ. М. Достоевскій [1]),—но прививка ея, плоды ея именно зависятъ отъ національныхъ особенностей, т. е. отъ почвы и народнаго характера... Изъ русскаго человѣка цивилизація не могла сдѣлать нѣмца и русскій человѣкъ остался все таки русскимъ... Знаніе не перерождаетъ человѣка, оно только измѣняетъ, но измѣняетъ не въ одну всеобщую, казенную форму, а сообразно натурѣ человѣка. Оно не сдѣлаетъ изъ русскаго не русскимъ, оно даже насъ не передѣлало. Вся нація, конечно, скорѣе скажетъ свое новое слово

[1]) *Ѳ. М. Достоевскій.* Сочиненія, т. IX, стр. 17.

въ націи и жизни, чѣмъ маленькая кучка, составляющая до сихъ поръ наше общество»...

Вышеуказаннымъ ясно доказывается, что наука несомнѣнно вліяетъ на націю, но и нація оказываетъ нерѣдко очень серьезное вліяніе на науку. Изъ этого вытекаетъ, что между наукой и націей существуетъ сродство и взаимоотношеніе и отрицать національное начало въ наукѣ совершенно невозможно.

Какъ отдѣльныя лица слишкомъ индивидуальны, такъ и составныя начала—націи также индивидуальны и кладутъ свой оттѣнокъ на науку, внося въ нее то, что составляетъ лучшую сторону индивидуальности той или другой націи. Возьмемъ ли мы религію, исторію, правовѣдѣніе, медицину, математику, — отношеніе различныхъ націй ко всѣмъ отраслямъ знаній далеко не одинаково и каждая изъ націй вноситъ въ эти отдѣлы науки свои индивидуальныя особенности, которыя пополняютъ и обогащаютъ науку.

Всѣ прекрасно знаютъ, что нѣмцамъ преимущественно свойственна философія и точныя науки, французамъ—блестящія математическія изысканія и все прекрасное, — англичанамъ — практическая сторона дѣла во всѣхъ наукахъ, — славянскій умъ—умъ всеобъемлющій и дающій поразительные успѣхи во всѣхъ областяхъ знаній,—но мало практичный и не скрупулезный.

«Въ русскомъ характерѣ замѣчается рѣзкое отличіе отъ европейскаго, рѣзкая особенность,—

въ немъ по преимуществу выступаетъ способность высоко-синтетическая, способность всемірности, всечеловѣчности,—говоритъ Достоевскій. Въ русскомъ человѣкѣ нѣтъ европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Онъ со всѣми уживается и во все вживается. Онъ сочувствуетъ всему человѣческому, внѣ различія націи крови и почвы. Онъ находитъ и немедленно допускаетъ разумность во всемъ, въ чемъ хоть сколько нибудь есть человѣческаго интереса. У него инстинктъ общечеловѣчности. Онъ инстинктивно угадываетъ общечеловѣческую черту, даже въ самыхъ рѣзкихъ исключительностяхъ другихъ народовъ; тотъ часъ же соглашаетъ, примиряетъ ихъ въ своей идеѣ, находитъ имъ мѣсто въ своемъ умозаключеніи и нерѣдко открываетъ точку соединенія и примиренія въ совершенно противоположныхъ, соперничающихъ идеяхъ двухъ различныхъ европейскихъ націй, которыя сами собою, у себя дома, еще до сихъ поръ у себя, къ несчастью, не находятъ способа примириться между собою, а можетъ быть никогда и не примирятся»...

Не ту же ли спеціализацію мы видимъ и въ области религіи? Каждая нація выбрала религію, присущую и соотвѣтствующую духу своей націи. Таковы романскіе народы съ ихъ католичествомъ,—нѣмцы—съ холоднымъ протестантизмомъ и т. д.

Такимъ образомъ русскій славянскій умъ, умъ высоко синтетическій, тогда какъ англійскій умъ можно назвать высоко аналитическимъ. Та и дру-

гая особенности въ высокой степени важны для націи: первая въ моментъ изученія, а вторая въ моментъ обобщенія уже изученнаго. И понятнымъ становится Достоевскій, когда говоритъ:

«И страшно, до какой степени сильна воля русскаго человѣка! Никогда никто не отрывался отъ родной почвы, какъ приходилось иногда ему, и не поворачивалъ такъ круто въ другую сторону вслѣдъ за своимъ убѣжденіемъ! И кто знаетъ, господа иноземцы, можетъ быть Россіи именно предназначено ждать, пока вы кончите; тѣмъ временемъ проникнуться вашей идеей, понять ваши идеалы, цѣли, характеръ стремленій вашихъ; согласить ваши идеи, возвысить ихъ до общечеловѣческаго значенія и, наконецъ, свободной духомъ, свободной отъ всякихъ посторонникъ, сословныхъ и почвенныхъ интересовъ, ринуться въ новую, широкую, еще невѣдомую въ исторіи дѣятельность, начавъ съ того, чѣмъ вы кончите,—увлечь васъ всѣхъ за собой».

Таково значеніе національной индивидуальности въ области жизни и науки.

Не менѣе восторженно отзывается о русскомъ народѣ и А. Хомяковъ [1]): Грядущее положитъ, кому предоставлено стать впереди всего движенія, но если есть какая-нибудь истина въ братствѣ человѣческомъ, если чувство любви, правды и добра не призракъ, а сила живая и не умираю-

[1]) *А. С. Хомяковъ.* Сочиненія, т. V, стр 108.

щая: зародышъ будущей жизни міровой—не германецъ, аристократъ и завоеватель,—а славянинъ, труженникъ и разночинецъ призывается къ плодотворному подвигу и великому служенію».

Обращаясь къ различнымъ отдѣламъ наукъ, нельзя не указать, что отдѣлы наукъ политическихъ, соціальныхъ, историческихъ, даже многихъ естественныхъ не могутъ обойтись безъ національнаго воздѣйствія и только точныя математическія и физическія науки какъ бы стоятъ внѣ національнаго взаимоотношенія. Но и здѣсь универсальность и международность относительны. Наука можетъ быть универсальной,—но методы, системы, способы, приборы, особенно же литература и имена вполнѣ могутъ быть и бываютъ на дѣлѣ національными. Наука—достояніе всѣхъ, методы и системы часто бываютъ преимуществомъ націи,—а имена—славою и гордостью націи. Русская наука во всѣхъ своихъ отрасляхъ имѣетъ имена, пріобрѣвшія міровую извѣстность. Гдѣ та образованная школа за границей, которая не знаетъ именъ Лобачевскаго, Менделѣева, Боткина, Л. Толстого, Суворова и многихъ, многихъ другихъ. А между тѣмъ мы отличаемся полнымъ забвеніемъ къ своимъ свѣтиламъ науки. Часто это дѣлается по русской халатности и непростительному безразличію, а часто и потому, что въ генералы отъ науки забрались инородцы, которымъ не охота вызвышать имена русскихъ знаменитыхъ людей. Мы, русскіе, отличаемся особенно богатымъ знаніемъ литерату-

ры и именъ ученыхъ, очень часто на своихъ лекціяхъ уснащаемъ ими наши рѣчи, но или совершенно обходимъ имена своихъ ученыхъ, или приставляемъ ихъ къ концу. Совершенно обратное тому дѣлаютъ французы, нѣмцы, англичане и проч. Посмотрите съ какою завидною и почтенною любовью и съ какимъ почтеніемъ единодушно поляки возвышаютъ своихъ ученыхъ и художниковъ. Еще съ большей настойчивостью, иногда даже съ нахальствомъ выдвигаютъ и пропзносятъ свои микроскопическія знаменитости евреи. А наши дѣйствительно великіе, но скромные ученые замалчиваются и мало кому извѣстны. Будемъ же твердо помнить слова Карамзина: кто себя мало уважаетъ, тотъ не можетъ расчитывать и по отношенію къ себѣ на уваженіе отъ другихъ.

Этого у насъ впредь не должно быть.

Забывать своихъ великихъ людей и великихъ труженниковъ, — значитъ не уважать себя и непочтительно относиться къ своей родинѣ Это стыдно.

Раньше мы кратко разсмотрѣли особенности характера русскихъ славянъ. Это я сдѣлалъ съ тою исключительною цѣлію, чтобы при воспитаніи было обращено особенное вниманіе на тѣ свойства характера, которыя достойны или поощренія, или слаживанія. Я не считаю возможнымъ указывать здѣсь рецепты для исполненія этой педагогической задачи. Это дѣло нашихъ славныхъ отечественныхъ

педагоговъ,—но отъ указанія этихъ особенностей я не считалъ себя въ правѣ отказаться.

Наши предки, скифы, сарматы и славяне занимали великую восточно-европейскую равнину и были на ней раскраплены отдѣльными родами на полной свободѣ и привольѣ. Они были храбры, воинственны, безстрашны и вольны, какъ вольный вѣтеръ. Они не допускали никакого насилія надъ собою. Они подчинены своему старшему въ родѣ,—но больше никто не тревожилъ ихъ свободы. Если на нихъ нападали сосѣдніе хищники, то русскіе славяне, за огражденіе своего спокойствія, готовы были даже платить дань другимъ хищникамъ. Но плата дани не была рабствомъ. Дань—это отчасти отступное, какъ это не рѣдко дѣлали греки нашимъ же предкамъ, вовсе не будучи ихъ рабами,—дань—это плата сосѣдямъ за огражденіе родовой безопасности.

Но русскіе славяне особенно опасались попасть подъ власть своимъ же единоплеменникамъ, ибо въ послѣднемъ случаѣ дѣло не ограничивалось бы данью, а переходило бы въ подчиненіе, рабство. Послѣднее свободолюбивымъ русскимъ славянамъ было нестерпимо.

Тѣмъ не менѣе жизнь брала свое. Условія бытія осложнялись. Племя увеличивалось. Возникали взаимныя ссоры и рознь. Приходилось самимъ между собою враждовать. А тутъ еще—платить дань сосѣдямъ. Думали, думали и рѣшили призвать власть и признать власть. Были призваны

славяне же, венды, и были признаны державною властью. Такъ было на сѣверѣ.

На югѣ, кажется, было нѣсколько иначе. Тутъ кажется, явились защитниками свои же сосѣди, Аскольдъ и Диръ. Но за тѣмъ, осѣвши на мѣстѣ, они стали повелителями. И въ томъ и другомъ случаѣ явилась самодержавная власть. И въ томъ и въ другомъ случаѣ славяне раздѣлились на двѣ части: одни занимались воинскимъ дѣломъ съ самодержавною властью, защитою отъ враговъ нападеніемъ на сосѣдей и собираніи добычи. Это были вои, это была дружина. Другіе работали дома: добывали хлѣбъ, готовили платье, заботились о лошадяхъ и оружіи и т. д. Волей не волей, эти работники лишались уже своей вольной волюшки. Они подчинялись приказанію самодержавной власти и ея дружины. Они на нихъ работали и мало по малу превратились въ рабовъ.

Этихъ рабовъ было несравненно больше, чѣмъ воевъ, ибо рабы должны были работать и на себя и на воевъ. Съ другой стороны и положеніе рабовъ было иное. Они терпѣли и отъ своей дружины и особенно много терпѣли они отъ набѣговъ сосѣднихъ князей съ дружиною. Во время удѣльнаго княженіи положеніе поселянъ—рабовъ значительно ухудшилось. Во время татарскаго ига это положеніе стало невыносимымъ. Не легко было поселянамъ и въ смутное время. Домъ Романовыхъ регулируетъ это рабство и превращаетъ его въ крестьянство. Великій Петръ издаетъ особые на

этотъ счетъ законы. Великая Екатерина уничтожаетъ формально самое имя раба, но это, какъ замѣчаетъ А. С. Пушкинъ, не мѣшаетъ ей закрѣпостить милліоны свободныхъ людей Малороссіи и Новороссіи. И только на нашихъ глазахъ оковы рабства были сняты императоромъ Александромъ II.

Тысячелѣтнее рабство, однако, не могло не наложить своего клейма какъ на рабовъ, такъ и на рабовладѣльцевъ. Оно лишило ихъ сознанія собственнаго достоинства, сознанія своего долга, уваженія въ человѣкѣ человѣка, чувства собственности, оцѣнки значенія собственности, прелести труда, лѣнь, униженіе, лесть, лишеніе чувства обиды, порочное воззрѣніе на жизнь, лишеніе жизнерадостности и т. д.

Всѣ эти важнѣйшіе элементы душевной жизни человѣка въ русскомъ славянинѣ были подавлены тысячелѣтнимъ рабствомъ и только нынѣ могутъ быть возстановлены путемъ воспитанія и путемъ возстановленія всѣхъ этихъ началъ, природою заложенныхъ въ душѣ человѣка.

Между тѣмъ и самодержавная власть съ своею дружиною дѣлала свое дѣло. Она собирала раздѣленныя отдѣльныя части русскаго славянскаго племени во едино. Она строила изъ него единое цѣлое. Она построила его и ограждала отъ внѣшнихъ враговъ. Условія жизни показали, что для цѣлости и благополучія цѣлаго требуется покореніе сосѣдей и присоединеніе ихъ къ основному

цѣлому. Тѣмъ началось увеличеніе государства, расширеніе его предѣловъ, умноженіе его населенія и поднятіе его силы, мощи и величія. Особенно много въ этомъ отношеніи сдѣлалъ Домъ Романовыхъ, въ которомъ выдѣляются такія міровыя личности, какъ Великій Петръ и Великая Екатерина, и такіе великіе народники, какъ Великій Царь Александръ III.

И вотъ нынѣ Россія представляетъ собою величайшее государство въ мірѣ, занимающее $^1/_5$ часть тверди земной.

Великая по пространству, Россія велика и по своей мощи и величію. Къ союзу съ этой державой стремятся всѣ государства міра. Многіе сосѣди ищутъ ея защиты и покровительства. Многіе народы своимъ бытіемъ обязаны ея заступничеству. Ея литература—первая въ мірѣ. Ея художество и искусство поражаетъ міръ. Ея наука не уступаетъ успѣхамъ въ другихъ странахъ. Ея величіе вызываетъ въ сосѣдяхъ удивленіе, зависть и скрытую ненависть.

Мы, русскіе, съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что *мы имѣемъ честь быть членами великой и славной русской націи* Вотъ почему всѣ руководители школъ и всѣ воспитатели должны, подъ великой отвѣтственностью за неисполненіе вселять и поддерживать въ нашихъ дѣтяхъ убѣжденіе и мнѣніе, что *Россія есть великое и мощное государство и русскіе съ честью являются ея достойными сынами.*

Такое положеніе Россіи и Русскихъ создается настоящимъ положеніемъ Россіи и тысячелѣтнею ея исторіей. Все, что составляетъ нынѣ Россію, создано ея достойными сынами. На этомъ должны зиждиться почтеніе и преклоненіе предъ прошлымъ Россіи и великая честь быть гражданиномъ ея въ настоящемъ. Всѣ народности, входящіе въ составъ Россіи, есть ея подданные. Они могутъ быть равноправными намъ только постольку, по скольку они заслужатъ этого своею преданностью и готовностью служить Россіи, какъ ея настоящія, истинныя дѣти.

Не стѣсняться должны русскіе своимъ именемъ передъ всѣмъ свѣтомъ, а гордиться. Внѣ Россіи мы имѣемъ право на почетъ и уваженіе къ себѣ, ибо, находясь на границѣ Азіи, мы приняли на себя великое иго Монгольское и тѣмъ спасли Европу отъ ужасовъ этого ига. Мы пострадали за это и во многомъ отстали въ наукѣ и знаніи. И тѣмъ не менѣе мы сбросили это иго. Покорили себѣ своихъ бывшихъ владыкъ и успѣли догнать, непрерывно шествующую по пути знанія, Европу, не уступая ей въ своихъ познаніяхъ.

Развѣ это не даетъ намъ права гордиться нашей націей.

Мы имѣли право гордиться нашей націей внутри своего государства. Ибо мы смѣло можемъ сказать въ глаза всѣмъ нашимъ подданнымъ, что мы побѣдили ихъ, но не уничтожили. Мы сохранили имъ ихъ религію, ихъ языкъ, ихъ нравы

и обычаи и требуемъ одного: да помнятъ они, что *въ Россіи державная господствующая нація русская нація и кто желаетъ въ Россіи стать равнымъ русскому, тотъ долженъ стать духомъ—русскимъ*. Мы не признаемъ въ Россіи рабовъ, но кто осмѣлиться въ Россіи идти противъ Россіи, тотъ лишенъ будетъ всѣхъ правъ, которымъ пользуются ея достойные сыны. Развѣ Лорисъ-Меликовъ не достигъ положенія верховнаго владыки... Развѣ Чарторійскій не повелѣвалъ судьбами Бѣлоруссіи и Литвы... Имъ дано было больше, чѣмъ они имѣли на то право. Но пускай помнятъ и то, что польскимъ революціонерамъ и армянскому дашнакцютюну больше нѣтъ мѣста въ Россіи.

Пускай всѣ руководители и преподаватели въ нашихъ школахъ внѣдряютъ въ нашихъ дѣтей эту идею. Это ихъ долгъ. И пускай наши дѣти знаютъ, что они дѣти славной русской націи, державной въ Россійской Имперіи,—а дѣти прочихъ націй, да знаютъ, что они наши братья и для нихъ честь стать равными съ нами.

Сознаніе достоинства быть русскими должно создать новое условіе въ дѣлѣ воспитанія—*сознаніе своего долга, долга русскаго гражданина*. Каждый мальчикъ и каждая дѣвочка русской семьи, будь то дѣти свѣтлѣйшаго князя, или простого крестьянина, должны исповѣдывать ту идею, что имѣя честь быть русскими, они должны свято, открыто и неукоснительно признавать самодержавіе, создавшее великую Россію,—православіе,

всегда объединявшее и поддерживавшее ея сыновъ, единодержавіе—составляющее нынѣшнее величіе Россіи и благо народа, составляющаго сущность и основу нашего государства. Этотъ долгъ надлежитъ исповѣдывать какъ въ самомъ себѣ, такъ и внѣ себя открыто и никогда не стѣсняться защищать эти положенія, какъ не долженъ ни секунды задумываться защищать свою мать, ибо наша родина есть наша мать. Руководители и преподаватели русскихъ школъ и сами должны исповѣдывать этотъ символъ національной государственной вѣры и въ своихъ питомцахъ утверждать ихъ и не за страхъ, а за совѣсть.

Тысячелѣтнее рабство въ нашемъ отечествѣ естественно и невольно породило и воспитало въ народѣ подавленность и мрачность настроенія и мысли,—то, что называется пессимизмомъ. Съ этимъ направленіемъ и съ этимъ настроеніемъ нужно бороться и бороться въ высшей степени ожесточенно. «Ростъ великаго организма требуетъ соотвѣтствующей температуры въ окружающей атмосферѣ, говоритъ З. К. Столица, — требуетъ свѣта и тепла, способствующихъ развитію организма, — проявленію, упражненію и примѣненію его жизненныхъ силъ. Лишенный этихъ условій организмъ задерживается въ развитіи, болѣетъ. Такимъ то свѣтомъ и тепломъ является для человѣка *радость жизни*, согрѣвающая его и дающая расцвѣтъ всѣмъ его жизненнымъ силамъ,— особенно силамъ духовнаго характера.. Искоренять

дурную привычку можно насажденіями соотвѣтствующей хорошей привычки» [1]). А такъ какъ нашимъ дѣтямъ присущъ чаще пессимизмъ, то руководители и преподаватели должны заботиться о насажденіи въ дѣтяхъ оптимизма. Для этого должно въ вопросахъ вѣры устранять отъ всѣхъ уроковъ жестокости и человѣконенавистничества Ветхаго Завѣта и развивать уроками любви, радости и милосердія Новаго Завѣта. Въ дѣлѣ любви къ родинѣ сообщать дѣтямъ побольше примѣровъ геройскихъ подвиговъ нашихъ предковъ, создавшихъ нашу родину и создавшихъ ей величіе и силу. Нужно побольше знакомиться съ природой и богатствами нашей родины, которые рисуютъ во всемъ величіи ея мощь и силу и создаютъ въ гражданахъ ея самоувѣренность и самоуваженіе.

Сознаніе собственнаго достоинства и долга порождаетъ дальнѣйшее—*уваженіе человѣка къ человѣку.* Ибо кто сознаетъ, что онъ человѣкъ и русскій и имѣетъ право гордиться этимъ, тотъ долженъ признать и въ другомъ русскомъ тоже право на уваженіе. Если ты желаешь, чтобы тебя уважали, уважай въ другомъ равнаго себѣ, тогда и ты получишь ту же плату. Кто не уважаетъ другого, тотъ унижаетъ самъ себя и понижаетъ и даже теряетъ право на уваженіе къ себѣ.

На эту черту характера воспитатели и учите-

[1]) *З. К. Столица.* Развитіе въ дѣтяхъ жизнерадостности, 1912, 25.

ля должны обратить особенное вниманіе. Недостаткомъ уваженія другъ къ другу, много страдаютъ русскіе и англичане. Первые по недостаточному уваженію къ самому себѣ,—вторые по преувеличенному уваженію къ себѣ и гордости. И то и другое не симпатично.

Надлежащая установка въ дѣтяхъ сознанія собственнаго достоинства и чувства долга избавитъ ихъ отъ присущихъ нынѣ многимъ русскимъ *недостатка гражданскаго мужества* защиты чести и величія своей родины и націи,—отъ присущихъ многимъ русскимъ *лести, самоуниженія* и недостатка самозащиты отъ наглости и нахальства близкихъ намъ инородцевъ и иностранцевъ. Все это отголоски многовѣкового рабства, пережитаго русскимъ народомъ, и образовательной отсталости, послѣдовавшей во время задержки роста Россіи въ періодъ монгольскаго ига.

Повышеніемъ сознанія собственнаго достоинства и чуства долга повысится также и уваженіе и любовь къ народу. Свободный трудъ въ закабаленной Руси превращается въ принудительную работу, а рабство и его послѣдствія — пользы труда на пользу владѣльца и проч.,—едва ли могло посѣлить въ работающемъ любовь и уваженіе къ труду. Напротивъ, изнурительныя принудительныя работы на пользу владѣльца влекутъ за собою отвращеніе и ненависть къ труду. Отсутствіе значительнаго заработка устраняло возможность собственности, сознанія ея цѣны и значенія, а потому

стремленія къ созиданію собственности. Еще болѣе тому сбособствовали беззащитность собственности отъ посягательства владѣльца и его управляющихъ. Почему у народа атрофировалось не только чувство собственности, но и побужденіе къ ея образованію, а иногда даже ненависть къ чужой собственности, созданной трудами раба на пользу владѣльца. Этимъ объясняется почему наши рабочіе исполняютъ свою работу по найму безучастно къ интересамъ владѣльца и безъ всякаго вниманія участія къ его собственности.

Поэтому долгъ руководителей и преподавателей школы, на равнѣ съ поднятіемъ чувствъ достоинства и долга, стремиться къ развитію въ дѣтяхъ *уваженія и любви къ труду, бережливости, сбереженію, собственности и пріобрѣтенію.* Этимъ самымъ поднимается и уваженіе къ труженникамъ, рабочимъ, мастеровымъ и проч. Нужно разъ навсегда установить, что все это наши братья, равные передъ Богомъ, закономъ и другъ къ другу. Наличность собственности опредѣлитъ ея цѣнность и поведетъ къ ея сбереженію какъ у себя, такъ и у другихъ. Это поставитъ въ надлежащія отношенія нанимателя и нанимаемаго, дастъ имъ довѣріе другъ къ другу и поведетъ къ взаимопомощи.

Въ числѣ величайшихъ недостатковъ какъ русскаго славянскаго племени, такъ и вообще славянскаго племени, служитъ наша взаимная рознь, склонность къ враждѣ, ссорѣ и самоуниженію. Это великое наше горе. Оно подмѣчено у нашихъ пред-

ковъ греками и арабами болѣе тысячи лѣтъ назадъ. Оно въ насъ держалось въ теченіе этой тысячи лѣтъ. Оно зиждется въ насъ и нынѣ. Оно видимо какъ въ нашей жизни, такъ и въ политическихъ партіяхъ. Какъ только появится человѣкъ, выдающагося ума, дѣятельности, убѣжденія, такъ всѣ и накидываются на него, какъ звѣри.

Стыдъ,—великій стыдъ. Пора покончить съ этимъ. Пора побороть этотъ недостатокъ. *Пора объединить и примирить русскихъ славянъ*..

Разумѣется, то, что держалось болѣе тысячи лѣтъ, не можетъ быть уничтожено въ одинъ день. Придется съ этимъ недостаткомъ бороться и бороться долго, настойчиво и неутомимо. Противъ прирожденнаго есть одно могущественное средство борьбы—воспитаніе. И вотъ теперь на нашихъ педагогахъ лежитъ великій долгъ и тяжкая отвѣтственная обязанность—побороть и уничтожить эту взаимную нашу рознь, недовѣріе и самопоѣданіе. Наши враги, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе отлично знаютъ этотъ недостатокъ и всѣми мѣрами стараются его поддержать и раздуть.

Какія средства и мѣры придумаютъ наши педагоги—я не знаю. Но мнѣ кажется и въ данномъ случаѣ поднятіе *самосознанія, поднятіе чувства долга, признаніе передъ родиной своихъ обязанностей, сознаніе своихъ племенныхъ недостатковъ и стремленій къ ихъ исправленію во мно-*

томъ поможетъ нашимъ пріемникамъ и облегчитъ трудъ педагоговъ.

Мнѣ кажется, условія современной жизни много могутъ помочь и облегчить трудъ исправленія нашего кровнаго прирожденнаго недостатка. Въ самомъ дѣлѣ. Рабство пало. Всѣ мы равны и въ трудѣ и въ правахъ. Нѣтъ насилія и нѣтъ безгласія. Все это даетъ возможность и почву къ довѣрію, взаимопритяженію и взаимопощи. Теперь мы можемъ не опасаться ни завладѣнія нами, ни помыканія,—а потому легко и свободно можемъ приступить и къ совмѣстному труду и къ довѣрчивой совмѣстной жизни. Уваженіе къ себѣ даетъ почву для уваженія и довѣрія къ другому,—а любовь къ родинѣ обяжетъ къ поддержанію единенія, общенія, единства и взаимоуваженія.

Пусть каждый ежеминутно помнитъ: не судите, да не судимы будете. Пусть каждый помнитъ, что *наша родина требуетъ единенія*, а не розни. Пусть каждый помнитъ, что *достоинства одного не затмѣваютъ достоинства другого* и *каждый изъ насъ сынъ одной матери, служащій для нея и равный всѣмъ.*

Единеніе—сила,—эти слова да будутъ нашимъ девизомъ,— и рознь и ссоры—великое несчастіе и покрывающій насъ позоръ.

Этотъ ужасный нашъ національный недостатокъ вытекаетъ изъ прирожденныхъ отрицательныхъ свойствъ нашей націи. Въ силу этого недостатка мы должны сомкнуться и объединиться.

Но есть и другой недостатокъ у насъ, вытекающій изъ положительныхъ свойствъ нашей націи. Этотъ недостатокъ подмѣченъ Достоевскимъ и возведенъ въ достоинство. Все зависитъ отъ того, когда и какъ проявится онъ. Это—*всечеловѣченіе*. Это—особенная способность русской славянской націи къ обобщенію всѣхъ вопросовъ науки и жизни. Всепримиреніе и обобщеніе дѣйствительно свойственны намъ. Оно ведетъ къ тому, что мы можемъ жить и господствовать между 150 племенами соподчиненныхъ намъ народовъ. Оно ведетъ къ тому, что мы можемъ жить и между иностранцами и принимать самые непримиримые ихъ интересы.

Это свойство русской славянской націи можетъ повести къ тому, что со временемъ она сможетъ послужить объединительницей всего европейскаго міра, къ чему стремилось и стремится католичество,—но только не путемъ аггрессивности, а путемъ любви, смиренія и взаимопомощи.

Но это свойство еще не вполнѣ развито. Оно еще не культивировано. Оно въ зачаточномъ и эволюціонномъ состояніи. Оно достояніе всей націи,—а $^{9}/_{10}$ націи находится еще въ латентномъ состояніи. Но это свойство всечеловѣчія легко можетъ переходить въ космополитизмъ,—что и было съ нами въ шестидесятые—семидесятые годы. Но между этими двумя состояніями великая разница: *космополитизмъ* насильственное поглощеніе націи человѣчествомъ, — *всечеловѣченіе* — объединеніе

всѣхъ націй въ одной при ихъ основной неприкосновенности. Въ этомъ отношеніи русскимъ славянамъ предстоитъ троякій трудъ: объединеніе своихъ подданныхъ племенъ, объединеніе славянъ и объединеніе остальныхъ европейскихъ народовъ.

Но это дѣло отдаленнаго будущаго. А пока русскіе должны стать прежде всего русскими. *Россія для всѣхъ русскихъ и всѣ русскіе для Россіи.* Великая задача нашихъ педагоговъ настойчиво культивировать въ русскихъ дѣтяхъ ихъ русскія національныя черты и устранять все, что будетъ ихъ увлекать на почву космополитизма.